

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ЦЕНТР**

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 4 (26) 2019

**МОСКВА
ИМИ МГИМО
2019**

Главный редактор канд. ист. наук *А. А. Орлов*
Зам. гл. редактора канд. филол. наук *М. В. Ларионова*, канд. ист. наук *И. В. Попов*

Международный редакционный и научно-экспертный совет

Д-р ист. наук *Л. С. Окунева* – председатель совета (МГИМО, Российская Федерация)

- Д-р ист. наук *Н. Е. Аникеева* (МГИМО, Российская Федерация)
Канд. ист. наук *Е. М. Астахов* (МГИМО, Российская Федерация)
Канд. ист. наук *Е. В. Астахова* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р ист. наук *О. В. Волосяк* (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Канд. юрид. наук *Е. Р. Воронин* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р Филологии *Р. Гусман Тирадо* (Университет Гранады, Испания)
Член-корр. РАН *В. М. Давыдов* (Институт Латинской Америки РАН, Российская Федерация)
Д-р ист. наук *В. В. Дегоев* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р Филологии *А. Л. Дуффе Монтальбан* (Университет Ренн-2, Франция)
Д-р фил. наук *Н. В. Зененко* (Военный университет Минобороны, Российская Федерация)
Д-р фил. наук *В. А. Иовенко* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р ист. наук *Е. М. Кожокин* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р полит. наук *Б. Ф. Мартынов* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р Филологии *Р. дель Мораль* (Президент Европейской ассоциации преподавателей испанского языка)
Д-р Истории *К. дель Прадо Игера* (Университет Король Хуан Карлос, Мадрид, Испания)
Д-р Географии и Истории *Х. де Ойос Пуэнте* (Национальный Университет заочного обучения, Испания)
Канд. полит. наук *И. Ю. Окунев* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р ист. наук *А. И. Подберезкин* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р Истории и Права *Э. Сан-Мигель Перес* (Университет Король Хуан Карлос, Мадрид, Испания)
Канд. фил. наук *Г. С. Романова* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р Экономики *А. Санчес-Андрес* (Университет Валенсии, Испания)
Д-р филос. наук *А. В. Шестопал* (МГИМО, Российская Федерация)
Д-р ист. наук *С. М. Хенкин* (МГИМО, Российская Федерация)

Ответственные редакторы выпуска канд. фил. наук *М. В. Ларионова*, д-р ист. наук *С. М. Хенкин*

И 14

Ибероамериканские тетради. Том VII. Вып. 4 (26) / Гл. редактор *А. А. Орлов*, отв. редакторы выпуска канд. фил. наук *М. В. Ларионова*, д-р ист. наук *С. М. Хенкин*. – М.: МГИМО- Университет, 2019. – 84 с.

ISSN 2409-3416

Выпуск журнала содержит статьи, подготовленные на основе докладов участников секции «Регионы и политические процессы в современной Испании» на 12 Конвенте Российской Ассоциации международных исследований (МГИМО, 21–22 октября 2019 г.). Также в номер включены исследования по ибероамериканской культуре и языкам. Настоящее издание является частью комплексной программы научной деятельности МГИМО МИД России. Издание адресовано как экспертам-международникам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современными проблемами Ибероамерики.

*Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционного совета.
Материалы публикуются в авторской редакции.*

Издание зарегистрировано в каталоге Агентства «Роспечать», URL: <http://www.rosp.ru/>.
Подписной индекс: 80603

ISSN 2409-3416

ISSN 2658-5219 (для электронной сетевой версии)

Editor-in-Chief Dr. A. Orlov

Deputy Editor-in-Chief Dr. M. Larionova, Dr. I. Popov

International Editorial and Scientific-Expert council

Dr. L. Okuneva – President of the Council (MGIMO-University, Russian Federation)

Dr. N. Anikeeva (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. Eu. Astakhov (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. E. Astakhova (MGIMO-University, Russian Federation)
Corresp. Member of RAS V. Davydov (Institute for Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
Dr. V. Degoev (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. A. L. Duffé Montalván (University Rennes-2, France)
Dr. V. Iovenko (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. R. Guzmán Tirado (University of Granada, Spain)
Dr. J. de Hoyos Puente (National University of Distant Education, Spain)
Dr. S. Khenkin (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. E. Kozhokin (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. B. Martynov (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. R. del Moral (President of the European Association of Professors of Spanish)
Dr. I. Okunev (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. C. del Prado Higuera (University King Juan Carlos, Madrid, Spain)
Dr. A. Podberezkin (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. E. San Miguel Pérez (University King Juan Carlos, Madrid, Spain)
Dr. G. Romanova (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. A. Sánchez-Andrés (University of Valencia, Spain)
Dr. A. Shestopal (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. O. Volosiuk (National Research University “Higher School of Economics”, Russian Federation)
Dr. E. Voronin (MGIMO-University, Russian Federation)
Dr. N. Zenenko (Military University, Russian Federation)

Executive editors Dr. M. Larionova, Dr. S. Khenkin

Cuadernos Iberoamericanos. Vol. VII. Issue 4 (26) / Editor-in-Chief A. Orlov, executive editors of the issue M. Larionova, S. Khenkin. – Moscow: MGIMO University, 2019. – 84 p.

ISSN 2409-3416

This issue of the magazine contains papers on the basis of participants' reports of the section “Regions and political processes in modern Spain”, presented at the 12th Convention of the Russian Association for International Studies (MGIMO, October 21–22, 2019). The papers consider current problems of the actual development of Spain and of Iberoamerican cultures and languages. This edition is a component of the complex program of the MGIMO-University research activities. Present edition is addressed both to experts in international relations and broad audience of readers interested in contemporary problems of Iberoamerica.

*Opinions of the authors may not coincide with the opinion of the Editorial Board.
Materials are published in author's edition.*

The issue is registered in «Rospechat» Agency catalog: <http://www.rospechat.ru/>.
Subscription index: 80603

ISSN 2409-3416
ISSN 2658-5219 (electronic network version)

ББК 63.3(70)
© ИМИ МГИМО МИД РОССИИ, 2019

Содержание

Раздел I. Регионы и политические процессы в Испании: парадигмы истории и модернизации

<i>Орлов А. А.</i> (Россия) Осень 1936 г.: битва за Мадрид (из рабочих материалов книги об истории Испании в XX веке).....	7
<i>José Farinós Lefler</i> (España) La vieja Europa	16
<i>Antonio Alonso Marcos</i> (España), <i>Samir Khalil Samir</i> (Egipto) El Estado Islámico: ¿Auténtico islam? Las vías para escapar de la violencia	20
<i>Авилова А. В.</i> (Россия) Инвестиционное сотрудничество между Испанией и Китаем.	31
<i>Баранов А.</i> (Россия) Тенденции развития партийной системы Испании в контексте электорального цикла 2019 г.	36
<i>Кожановский А. Н.</i> (Россия) Феномен партии «Вокс» (Vox) в контексте национально-культурного развития Испании.	43
<i>Малашенко Т. И.</i> (Россия) Банковский сектор Испании: инновации.....	49
<i>Yákovlev P.</i> (Rusia) Rusia y España en el contexto global de las guerras comerciales	58

Раздел II. Иберо-американский мир в пространстве и времени. Актуальные вопросы языка и культуры: исследования и преподавание

<i>Воронова А. Г.</i> (Россия) Современный взгляд на классическую теорию индексных символов Романа Якобсона	67
<i>Демкина А. В.</i> (Россия) Коммуникативные неудачи политического дискурса испанской партии «Подемос».....	75

Раздел III. Научные обзоры, рецензии

МГИМО на форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире».	82
--	----

Contents

Section I. Ibero-America in the international context: paradigm of history and modernization

<i>Orlov A. (Russia)</i> Otoño de 1936: batalla de Madrid (de los materiales de trabajo del libro sobre la historia de España en el siglo XX).....	7
<i>José Farinós Lefler (Spain)</i> Old Europe.....	16
<i>Antonio Alonso Marcos (Spain), Samir Khalil Samir (Egypt)</i> The Islamic State: The Real Islam?	20
<i>Aviliova A. (Russia)</i> Investment cooperation between Spain and China.....	31
<i>Baranov A. (Russia)</i> Spain's party system development trends in the context of the electoral cycle 2019	36
<i>Kozhanovsky A. (Russia)</i> The phenomenon of the VOX party in the context of national and cultural development of Spain.....	43
<i>Malashenko T. (Russia)</i> Banking sector of Spain: innovation	49
<i>Yakovlev P. (Russia)</i> Russia and Spain in the midst of global trade wars	58

Section II. The Ibero-American world in space and time. Topical issues of language and culture: research and teaching

<i>Voronova A. (Russia)</i> Modern vision of Roman Jakobson's classical theory of indexical symbols.....	67
<i>Demkina A. (Russia)</i> Communicative failures of the political discourse of the spanish party Podemos.	75

Section III. Scientific reviews

MGIMO participates in the forum "Russia and Iberoamerica in a Globalizing World"	82
---	----

Раздел I.

Регионы и политические процессы в Испании: парадигмы истории в модернизации

Орлов А. А.

Александр Арсеньевич Орлов, канд. ист. наук,
вед. науч. сотр. Института международных исследований
МГИМО МИД России,
главный редактор журнала «Иberoамериканские тетради».
orlov_a@mgimo.ru

Осень 1936 года: битва за Мадрид

(из рабочих материалов книги об истории Испании в XX веке)

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее ярких эпизодов гражданской войны в Испании – обороне Мадрида осенью 1936 г. Автор рассказывает об участии в войне членов Интернациональных бригад, советских военных специалистов, делится собственными воспоминаниями об открытии памятника советским добровольцам в пригородах Мадрида в 1989 г. В статье даются оценки роли в обороне испанской столицы и в последующих событиях некоторых видных фигур республиканского политического и военного руководства, в частности премьер-министра Ларго Кабалеро, генерала Миахи и подполковника, а в дальнейшем генерала Висенте Рохо.

Ключевые слова: гражданская война, Мадрид, Интернациональные бригады, республиканцы, добровольцы, франкисты, пятая колонна, они не пройдут!, невмешательство.

Alexander A. Orlov

Otoño de 1936: batalla de Madrid

(de los materiales de trabajo del libro sobre
la historia de España en el siglo XX)

Resumen. El artículo está dedicado a uno de los episodios más brillantes de la guerra civil española - el de la defensa de Madrid en el otoño de 1936. El autor relata de la participación en la guerra de los miembros de las Brigadas Internacionales, así como de los especialistas militares soviéticos, comparte sus propios recuerdos de la apertura del monumento a los voluntarios soviéticos en los suburbios de Madrid en 1989. El artículo evalúa el papel en la defensa de la capital española y en los acontecimientos posteriores de algunas figuras destacadas de la dirección política y militar republicana, en particular el primer ministro Largo Caballero, el general Miaja y el teniente coronel, y en el futuro el general Vicente Rojo.

Palabras clave: guerra civil, Madrid, Brigadas Internacionales, Republicanos, voluntarios, franquistas, quinta columna, ¡no pasarán!, no intervención.

Alexander A. Orlov

Autumn 1936: the battle for Madrid
(from the working materials
of the book on the history of Spain in the XX century)

Abstract. The article is devoted to one of the most vivid episodes of the Spanish civil war, the defense of Madrid in the autumn of 1936. The author tells about the participation in the war of members of International brigades, Soviet military specialists, shares his own memories of the opening of the monument to Soviet volunteers in the suburbs of Madrid in 1989. The article assesses the role in the defense of the Spanish capital and in subsequent events of some prominent figures of the Republican political and military leadership, in particular Prime Minister Largo Caballero, General Miaja and Lieutenant Colonel, and later General Vicente Rojo.

Keywords: civil war, Madrid, International brigades, Republicans, volunteers, nationals, fifth column, they will not pass!, noninterference.

Битва за Мадрид, развернувшаяся осенью 1936 г., является одной из ярчайших страниц гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.

После взятия в первой половине августа Мериды и Бадахоса южная группировка мятежников под командованием генерала Франсиско Франко 3 сентября соединилась в районе Талаверы де ла Рейна с северной группировкой – войсками генерала Эмилио Мола. Тем самым «националами» была решена задача объединения двух зон, находившихся под властью путчистов. Полный контроль границы с дружественной салазаровской Португалией обеспечивал им надежное тыловое прикрытие на западе.

Теперь для «национальных сил» открывалась дорога на Мадрид, со взятием которого Франко связывал расчеты на скорое окончание войны. 1 октября 1936 г. на торжественной церемонии в Саламанке в присутствии германских, итальянских и португальских официальных представителей Франко был провозглашен «главой испанского государства», хотя мятежники контролировали к тому моменту не более двух пятых территории Испании. Уподобляясь своим германским и итальянским учителям, «националы» официально закрепили за своим новым единоличным лидером, которому в ту пору было 43 года, титул «каудильо», эквивалентный немецкому – «фюрер» и итальянскому – «дуче». Тем самым в борьбе за лидерство в лагере путчистов была поставлена точка. Генерал Мола, сыгравший решающую роль в подготовке антиправительственного мятежа и известный заговорщикам под псевдонимом «директор», без участия которого этот путч вообще мог бы не состояться или принять гораздо меньший размах, проиграл в борьбе за лидерство генералу Франко, сам факт поддержки которым «восстания» до последнего момента вызывал сомнения у его сотоварищей по рискованному предприятию. Знаковые фигуры в лагере мятежников генералы Кабанельяс, Мола, Кейпо де Льяно, а также другие высшие офицеры без всякого энтузиазма, чуть ли не скрепя сердце дали в конечном итоге свое согласие на возвышение Франко, однако воспринимали этот шаг как вынужденную меру в период войны и уж никак не предполагали, что власть «маленького генерала» перерастет в диктатуру и растянется на долгих четыре десятилетия.

В то же время необходимо признать, что республиканцы не сумели использовать в своих интересах фактическое отсутствие единого руководства и скрытую борьбу за лидерство в лагере «национальных сил» в первый, критически важный период войны. Несмотря на то, что на гребне социально-политических потрясений 20–30-х гг. прошлого века в активную испанскую политику ворвалась целая плеяда ярких представителей левых и либерально-демократических сил, образовавших впоследствии республиканское руководство периода гражданской войны, среди них не оказалось бесспорного лидера, способного сплотить и повести за собой тот значительный сегмент испанского общества, который твердо стоял на антифашистских, демократических позициях. В этом смысле Франко – маленький, склонный к ранней полноте, в целом нехаризматичный человек – сумел стать той личностью, которая благодаря своим собственным

лидерским качествам, а также целенаправленной работе отлаженной пропагандистской машины воплотила в себе все атрибуты национального вождя, что в критические моменты истории является едва ли не решающим фактором успеха и победы.

В свою очередь «испанский Ленин» Ларго Кабальеро (по расхожему в то время определению) не смог утвердиться на позициях подлинного и неоспоримого лидера республиканцев, хотя такая возможность ему представилась. 4 сентября, после бесславной сдачи республиканскими войсками Талаверы де ла Рейна, от которой до Мадрида оставалось немногим более ста километров, он возглавил коалиционное правительство, задачей которого было решительно переломить ситуацию. На момент своего назначения Ларго Кабальеро выглядел гораздо более значимой политической фигурой, чем его предшественник в премьерском кресле Хосе Хираль и президент Мануэль Асанья, который мог быть лидером в мирное время, но не имел необходимых качеств, чтобы стать таковым во время войны. Многим тогда казалось, что весьма популярный в рабочей среде, пользовавшийся негласной поддержкой советского руководства амбициозный профсоюзный лидер Ларго Кабальеро сможет навести порядок в республиканских рядах и реализует «тактическое преимущество» в шахматной партии гражданской войны, которым, как считалось, обладало законное правительство в первые месяцы начавшейся в Испании «междоусобицы». Помогать Ларго Кабальеро призвано было наконец-то сформированное правительство «большой коалиции», основу которого составили представители Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). Левые республиканцы, доминировавшие в кабинете Хиралья, получили пять министерских постов. По настоянию Ларго Кабальеро впервые в истории Западной Европы в правительство вошли два министра-коммуниста, хотя лидер партии Хосе Диас сомневался в целесообразности такого шага, предвидя, что это может быть использовано врагами республиканской Испании для нагнетания антикоммунистической истерии. Анархисты, выступавшие против государственной власти как таковой, категорически отказались от участия в кабинете. Но и они войдут в него двумя месяцами позже — 4 ноября, получив сразу четыре портфеля — тоже (как до этого коммунисты) впервые в западноевропейской истории. Министром здравоохранения станет представительница этого политического течения, активистка анархистской Национальной конфедерации труда (НКТ) Федерика Монтсени — первая женщина, назначенная на столь значительный пост в истории Испании. Несколько раз мы использовали выражение «впервые в истории». Поэтому не будет преувеличением утверждение, что правительство Ларго Кабальеро, во всяком случае, если говорить о его составе, действительно было по-своему «историческим».

Централизация власти, создание боеспособной армии, «охлаждение» революции становились для республиканского руководства не просто приоритетными задачами, а вопросом выживания. И, надо сказать, Ларго Кабальеро пытался действовать в этом направлении. Прежде всего он постарался наладить работу правительства, сделать более эффективной деятельность министерства обороны и генштаба. Однако, как неоднократно отмечал его конкурент за лидерство в ИСРП Индалесио Прието, Ларго Кабальеро не обладал талантами администратора и его всегда больше прельщала роль «народного трибуна». В условиях же жесточайшей гражданской войны, когда «революционный порыв» не мог быть адекватной компенсацией дисциплины и порядка, одних только качеств «мотиватора» оказалось явно недостаточно.

* * *

Франкисты смогли подойти к Мадриду только в последних числах октября 1936 г. Как образно выразился в одном из своих радиообращений генерал Эмилио Мола: восставшие наступали на столицу четырьмя колоннами (одна — со стороны Толедо, вторая — вдоль шоссе на Эстремадуру, третья — от горной цепи, расположенной к северу от столицы, четвертая — со стороны Сигуэнсы), а пятая, состоявшая из сторонников мятежников в столице, их ожидала в Мадриде. С тех пор выражение «пятая колонна» прочно вошло в мировой политический лексикон. Под ним понимаются те силы внутри страны, которые прямо или косвенно действуют в интересах недружественного государства или государств. Эрнест Хемингуэй, который в годы гражданской войны в Испании находился в рядах республиканцев в качестве военного корреспондента, назвал свою единственную театральную пьесу “The Fifth Column” («Пятая колонна»). Спектакль был впервые поставлен в Нью-Йорке в 1940 г. Произведение Хемингуэя обеспечило использованному генералом Мола образному выражению широкую, по сути мировую известность и способствовало тому, что оно и по сей день воспринимается в его первоначальном смысле — как синоним скрытого предательства [1, с. 191].

С обороной Мадрида также связано утверждение в качестве символа борьбы с фашизмом в Испании легендарного лозунга “¡No pasarán!” («Они не пройдут!»), который Долорес Ибаррури, неукротимая Пасионария, член руководства Коммунистической партии Испании, впервые использовала в своем выступлении по мадридскому радио еще 19 июля 1936 г., то есть на следующий день после начала путча. Пронзительные слова Долорес Ибаррури, как набат, будут звучать в течение всей гражданской войны. И даже после ее окончания они не канут в историю, а останутся до наших дней призывом к сплочению рядов всех антифашистских сил.

Ни поддержка Германии и Италии, ни присутствие в Мадриде «пятой колонны» не помогли франкистам сходу взять город, на что они очень рассчитывали, полагая, что это станет предвестником быстрого завершения войны. За прошедшее после начала путча время республиканское правительство смогло перегруппировать вооруженные силы, наведя в них относительный порядок, и создать на базе формирований народной милиции регулярную Народную армию. Война приобретала затяжной и изматывающий характер.

В битве за Мадрид на стороне республиканцев впервые приняли участие интернациональные бригады, само появление которых на полях сражений в Испании наполнило гражданскую войну в этой стране пафосом романтики, бескорыстия и героизма. Глава республиканского правительства Ларго Кабальеро первоначально без особого энтузиазма отнесся к идее появления в стране за Пиренеями интербригадовцев, полагая, что за ними просматривалась «рука Коминтерна» и его представителя «на месте» — испанской компартии. Как покажет время, «испанский Ленин», позиционировавший себя в качестве левого социалиста, никогда не доверял коммунистам. Конфронтация с коммунистами в конечном итоге приведет к тому, что он, считавший себя безальтернативным лидером в республиканском лагере, лишится премьерского поста. Но это произойдет через несколько месяцев. Но осенью 1936 г. продвижение к стенам столицы войск мятежников заставило его отбросить сомнения и согласиться принять помощь иностранных добровольцев. 22 октября он подписал приказ о создании интернациональных бригад в составе Народной армии.

Штаб интернациональных бригад разместится в Альбасете. Всего за годы войны в Испанию прибыло около 60 000 волонтеров [2] из 54 стран, хотя одномоментно на испанской земле находилось не более 20 000 интербригадовцев. Общие потери добровольцев-интернационалистов составили порядка 15 000 человек [3]. Центральным звеном организационной работы по сбору и отправке в Испанию интербригадовцев была Компартия Франции, действовавшая по поручению Коминтерна. Поэтому, видимо, неслучайно, что наибольшее число добровольцев — более 9 000 человек — прибыло из этой соседней с Испанией страны [4]. Следующим по численности контингентом были немецкие и австрийские (вместе около 5 000 человек) и итальянские (4 000 человек) антифашисты, вынужденные эмигрировать из своих стран и продолжившие на земле Испании борьбу за свои убеждения. Из Великобритании в страну за Пиренеями приехали 2 500 добровольцев, из США — 2 000, из Югославии — 1 700, из Канады — 1 500. Из латиноамериканцев больше всех прибыло кубинцев (1 200 человек) и аргентинцев (600). А также были мексиканцы, чилийцы, колумбийцы, костариканцы. Равно как и интернационалисты из других стран — поляки, чехи, словаки, венгры, болгары, румыны, шведы, голландцы и даже новозеландцы. Костяк интербригадовцев составили коммунисты (более 70 % [5]) и столько же — ветераны Первой мировой войны [6, с. 128].

Славная и одновременно трагическая страница истории связана с участием в гражданской войне в Испании советских добровольцев, а правильнее сказать — военных специалистов. Как и в случае с интербригадовцами, их общее количество у различных авторов варьируется от 3 000 до 4 000 человек. Последняя цифра все же представляется более правильной. Оказаться в числе добровольцев было честью и мечтой для молодых командиров РККА [7], которые, пройдя необходимый отбор и сборы в Москве, добирались к месту назначения через всю Европу под видом туристов, учащихся, коммерсантов. Попадали в Испанию они с французской территории. Старшим начальником советских специалистов был главный военный советник, базировавшийся со своим штабом при республиканском правительстве. Военные советники, кроме того, находились при всех командованиях родов войск республиканской Испании. Они принимали непосредственное участие в разработке планов проведения крупнейших наступательных операций республиканской армии. Сотни советских военных специалистов воевали в качестве командиров частей и подразделений вооруженных сил Республики. Особо заметную роль сыграли советские летчики и танкисты, осваивавшие в небе и на земле Испании трудную, но крайне необходимую для будущих больших побед науку ведения современной войны.

В Испании выковывался военный талант и нарабатывались стратегические и тактические навыки будущих крупных советских военачальников. Военный советник Р. Я. Малиновский станет впоследствии маршалом, министром обороны СССР; главный советник ВМС Республики Н. Г. Кузнецов — наркомом ВМФ СССР, маршальские погоны украсят китель К. А. Мерецкова, пост главного маршала артиллерии СССР займет Н. Н. Воронов. Четыре звезды генерала армии украсят китель П. И. Батова. Будущий герой битвы за Сталинград А. И. Родимцев совершит свой первый подвиг в ходе обороны Мадрида. Несколько десятков советских участников испанской войны впоследствии станут Героями Советского Союза.

Тем не менее по многим видным ветеранам испанской «гражданки» пройдет «каток» сталинских репрессий. Будут репрессированы и расстреляны три главных военных советника — Я. К. Берзин, Г. М. Штерн и К. М. Качанов. Легендарный советский ас, дважды Герой Советского Союза комбриг Я. В. Смушкевич, являвшийся главным советником республиканских ВВС и возглавивший по возвращении на родину ВВС РККА, будет арестован 8 июня 1941 г. по обвинению в участии в военной заговорщической организации, по заданию которой он якобы проводил «враждебную работу, направленную на поражение Республиканской Испании», и позже в том же году расстрелян. Та же участь постигнет и другого аса П. В. Рычагова, который в 1940 г. (в возрасте 29 лет) будет назначен на высшие руководящие посты в ВВС РККА. В феврале—апреле 1941 г. он будет занимать пост заместителя наркома обороны СССР по авиации. Блестящая послеиспанская карьера командира танковой бригады республиканской армии Д. Г. Павлова, будущего генерала армии и командующего войсками Западного Особого военного округа, а после начала Великой Отечественной войны — командующего войсками Западного фронта, оборвется в июле 1941 г., когда Военная коллегия Верховного суда СССР обвинит его во всех «смертных грехах» — от «участия в антисоветском военном заговоре» до проявления трусости, бездействия, нераспорядительности, развале управления войсками, сдаче оружия противнику без боя и т. д., — то есть сделает его главным виновником военных неудач первых недель Великой Отечественной войны. Сразу после оглашения приговора Д. Г. Павлов будет расстрелян. Только чудом удастся вырваться на свободу будущему маршалу К. А. Мерецкову, арестованному 23 июня 1941 г. также по обвинению в принадлежности к военной заговорщической организации. Все репрессированные военные, о которых шла речь выше, а также многие другие, будут реабилитированы в 1954—1957 гг. При этом для объективности картины необходимо подчеркнуть, что репрессии в отношении многих бывших «испанцев» не обязательно были связаны с их участием в событиях в стране за Пиренеями, а зачастую имели иную мотивировку, относящуюся к их последующей деятельностью. Тем не менее подвиги, совершенные в проигранной войне, к сожалению, обычно быстро забываются, а ошибки — даже если они имели вынужденный характер — оцениваются по завышенной шкале.

9 мая 1989 г., в святой для каждого гражданина нашей страны День Победы, на муниципальном кладбище Фуэнкараль, расположенном в нескольких километрах к северу от испанской столицы, по дороге на Кольменар Вьехо, был торжественно открыт памятник советским добровольцам, погибшим в ходе гражданской войны в Испании. Памятник, созданный скульптором В. Рукавишниковым и архитектором М. Воскресенским, поражает глубиной замысла и не может оставить равнодушным. Неоконченная триумфальная арка, символизирующая будущую победу над мировым фашизмом в мае 1945 г., возвышается над наклонной картой Испании, в землю которой уходят советские интернационалисты. На некотором расстоянии расположена фигура женщины, олицетворяющая Родину-мать, провожающую взглядом ряды героев.

В торжественной церемонии по случаю открытия памятника приняли участие мэр Мадрида социалист Хуан Барранко, сотрудники советского посольства во главе с послом С. К. Романовским.

В те годы я работал в посольстве СССР в Мадриде и хорошо помню, с какими сложностями, бюрократическими и иными препонами приходилось сталкиваться, добываясь разрешения на открытие монумента. Помощь посольству со стороны «социалистической» мэрии Мадрида была неопределимой. Мэр Барранко лишится своего кресла менее чем через два месяца после открытия памятника (29 июня 1989 г.), и после этого столичная мэрия станет вотчиной правых сил на многие годы, вплоть до создания «левой» мадридской администрации во главе с мэром Мануэлой Карменой в 2015 г. Впрочем, в 2019 г. все вернулось на круги своя и мадридскую мэрию снова «оккупировали» правые. Но вернемся в 1989 г. Трудно сказать: удалось бы довести до конца работу по возведению монумента, а затем и торжественно его открыть, если бы власть в Мадриде тогда перешла к правым чуть раньше...

Через четверть века, в феврале 2015 г., под Мадридом был открыт памятник Хаджи-Умару Мамсурову, легендарному «полковнику Ксанти», военному советнику штаба республиканской армии, руководителю отряда «герильерос», ставшему прототипом героя романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Мамсуров, считающийся «отцом» советского спецназа, в чине генерал-полковника занимал пост заместителя начальника ГРУ.

* * *

Советское руководство рассчитывало, что политика «невмешательства» позволит в какой-то мере сдержать германо-итальянское «погружение» во внутренний конфликт в Испании, что дало бы правительству Народного фронта шанс использовать свое первоначальное «тактическое» преимущество перед противником и завершить войну в свою пользу. Однако уже в сентябре, а, скорее всего, и раньше стало вполне очевидно, что ни Германия, ни Италия не собираются отступать от своих намерений помочь Франко захватить власть в Испании, хотя они формально, для прикрытия, вошли в Комитет по невмешательству, обосновавшийся в Лондоне.

В сентябре–октябре 1936 г., когда войска мятежников рвались к Мадриду, а Берлин и Рим практически открыто поставляли им оружие и боеприпасы, деятельность Комитета сводилась к простому рассмотрению жалоб на нарушение соглашения о невмешательстве, поступавших от того или иного правительства. Причем, как это часто случается в западной дипломатической практике, обвинения фашистских держав против СССР рассматривались скрупулезно, в то время как советские демарши «пропускались мимо ушей». В результате Советский Союз был поставлен перед выбором: либо стать соучастником лицемерной политики Англии и Франции, которые фактически превратили «невмешательство» в игру в одни ворота, либо ясно заявить о собственном видении складывавшейся в Испании ситуации. 7 октября советский представитель в Комитете по невмешательству С. Б. Каган, замещавший находившегося в отпуске посла И. М. Майского, заявил следующее: «Советское правительство ни в коем случае не может согласиться превратить Соглашение о невмешательстве в ширму. Советское правительство вынуждено ввиду этого заявить, что если не будут немедленно прекращены нарушения Соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из Соглашения» [8, с. 464]. Поскольку указанные нарушения продолжались, то 23 октября И. М. Майский направил председателю Комитета лорду Плимуту письмо, в котором говорилось следующее: «Советское правительство не может считать себя связанным Соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения» [8, с. 514].

За неделю до этого — 16 октября — на имя секретаря ЦК Компартии Испании Хосе Диаса поступила телеграмма за подписью И. В. Сталина, получившая широкую известность. В ней говорилось, что «освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества» [9]. К этому моменту Советский Союз уже окончательно определился в вопросе о помощи республиканцам — двумя днями ранее в Картахену прибыл первый советский пароход с оружием для законного правительства Испании. До этого Москва оказывала содействие Мадриду путем организации поставок невоенных материалов, в частности мазута, на льготных условиях. Кроме того, вооружение поставлялось республиканцам через Мексику, которая открыто помогала законному правительству, не делая из этого какого-то секрета.

Советская помощь поступила республиканцам в решающие дни обороны Мадрида. Среди современных ученых по-прежнему ведется оживленная дискуссия, можно ли считать, что советское оружие сыграло решающую роль в обороне Мадрида осенью 1936 г. или это все же некоторое преувеличение? Сам факт того, что франкистская пропаганда традиционно упирала на то, что, если бы не советские поставки, то Мадрид был бы взят еще в 1936 г., невольно побуждает некоторых исследователей отвергать такой посыл, доказывая, что республиканцы сами к этому моменту были готовы эффективно противостоять мятежникам. И с этим, вероятно, можно отчасти согласиться. Действительно, в республиканской армии к этому времени, помимо энтузиазма, стало больше дисциплины и порядка. Но все же, как представляется, не следует принижать и недооценивать значение для обороны Мадрида своевременной поступившей советской помощи, а также вклад в нее добровольцев-интербригадцев, что, наряду с героизмом республиканцев, позволило отстоять испанскую столицу в первую осень гражданской войны в Испании. Приведем в этой связи оценку английского историка Пола Престона, который считается одним из крупнейших специалистов по теме гражданской войны в Испании. Он пишет: «... известие о прибытии русского оружия и военных специалистов, а также 1 900 человек из Ин-

тернациональных бригад поубавило оптимизма в штаб-квартире генералиссимуса. С конца октября на стороне республиканцев стали действовать тяжелые русские танки и до того быстрое продвижение националистских колонн застопорилось, хотя отсутствие квалифицированных механиков-водителей и стрелков сильно снижало эффективность использования танков. Советские истребители «И-15» и «И-16», пилотируемые русскими летчиками, в первый раз вступили в бой 4 ноября, и по меньшей мере на полгода с превосходством националистов в воздухе было покончено» [10, с. 160].

О значении появления в мадридском небе советских истребителей пишет в своем испанском дневнике Михаил Кольцов — спецкор «Правды» в Испании, являвшийся советником Главного военного комиссариата. Вот запись, датированная 7 ноября 1936 г.

«На улице завизжала сирена. Появились “юнкеры”. Взрыв глухо послышался издали. Но затем, вместо того чтобы разбежаться, публика заинтересованно и радостно задрала лица вверх.

Бомбовозы переменили курс, они повернули на запад и быстро удалились. Осталась группа истребителей, на которых напали сомкнутым строем подошедшие маленькие, очень скоростные и маневренные машины.

“Хейнкели” начали разбежаться, бой принял групповой характер. Один из самолетов рухнул вниз, объятый пламенем, он прочертил в небе линию черного дыма. Люди внизу восторгались, аплодировали, бросали береты и шляпы вверх.

— Чатос! — кричали они. — Вива лос чатос!

Через два дня после появления новых испанских истребителей мадридский народ уже придумал им кличку “чатос” — “курносые”. У машины в самом деле такой вид: винтомоторная часть чуть-чуть выдается холмиком впереди крыльев.

“Хейнкели” удрали. Чтобы подчеркнуть это, “курносые” специально сделали два круга над столицей, красиво пикируя, кувыркаясь в фигурах высшего пилотажа, показывая на малой высоте трехцветные республиканские знаки. Толпы на улицах в радостном волнении внимали звонкому рокоту моторов-друзей. Женщины махали платками и, став на цыпочки, вытянув шеи, посылали воздушные поцелуи, как если бы их могли заметить сверху» [11, с. 219–220].

2 января 1937 г. Михаил Кольцов запишет в своем дневнике: «“Курносые” истребители оказались мастерами на все руки. Они ведут разведку, энергично забрасывают части противника небольшими бомбами, они соревнуются со штурмовиками в стрижке и бритье наземных целей, они раскидывают листовки над городами, занятыми фашистами. Но все это между прочим. Главная задача истребительных частей Мадридского фронта — бороться с основной массой германо-итальянской авиации, препятствовать ее бандитским налетам на столицу, оберегать мирное, незащищенное население Мадрида, его тружеников, его женщин и детей. Сейчас эта задача отлично выполняется». И далее: «то, что расписывалось разными пророками в романах о будущей войне, — с этим мы встретились над Мадридом. И ничего. Как видите, бьем Герингу морду...» [12, с. 8–9].

Возможный исход битвы за Мадрид поздней осенью 1936 г. изначально не был предопределен, хотя у мятежников объективно было больше оснований рассчитывать на успех. Как признают многие исследователи, республиканское правительство оказалось неспособным организовать эффективную оборону города, и 6 ноября, после острых дискуссий, было принято решение о его срочном переезде в Валенсию. Чтобы не усиливать панику, отъезд правительства из столицы до последнего момента держался в секрете и по этому поводу не было дано каких-либо публичных объяснений.

Кольцов весьма эмоционально описывает этот момент (запись в дневнике от 6 ноября). «Поехал в Центральный Комитет компартии. Там шло заседание Политбюро в полном составе ... Здесь рассказали: Ларго Кабальеро действительно сегодня внезапно решил эвакуироваться и провел это решение большинством Совета Министров. Он уже уехал, уехали почти все. ... Все это можно и должно было сделать заранее, заблаговременно, не в такой форме, но “старик” (Ларго Кабальеро было тогда 65 лет — прим. авт.) своим злостным упорством и самодурством, своей демагогией привел к подобному положению» [11, с. 210].

Перед «эвакуацией» Ларго Кабальеро распорядился создать Совет обороны (*Junta de defensa*) под руководством генерала Хосе Миаха, на который были возложены функции высшей власти в осажденном Мадриде. Кольцов описывает этого генерала следующим образом: «Миаха считается генералом неудачником, простоватым, провинциальным человеком, тщетно пробующим занять видное место в военных кругах. Молодой генералитет, особенно Франко, Кейпо де Льяно, Варела, всегда издевались над ним, над его неуклюжестью, неотесанностью, неумением

устроиться. Сама фамилия его (миаха — крошка) настраивала на шутку» [11, с. 213]. Все отрицательные качества Миахи как весьма посредственного, боязливого военачальника проявятся в ходе войны, особенно на ее излете. Его безынициативность и пассивность пополняют копилку ошибок и просчетов, которые составят перечень объективных и субъективных факторов, которые приведут в конечном итоге к поражению республиканцев. Начальником штаба при Миахе был утвержден не слишком опытный, но, как оказалось, весьма деятельный Висенте Рохо, произведенный в звание подполковника за месяц до этого. На завершающем этапе войны талант Висенте Рохо как крупного военачальника проявится особенно ярко. Под его руководством будут разработаны и проведены крупнейшие наступательные операции республиканской армии. Вполне можно предположить, что, если бы гражданская война в Испании окончилась по-другому, Висенте Рохо вошел бы в испанскую историю как выдающийся полководец.

Но осенью 1936 г. этим двум очень разным офицерам при помощи иностранных советников (в частности, советского военного атташе Владимира Горева, итальянца Витторио Видали, известного под псевдонимом «Карлос Контерас» [13, р. 77–78] и других), а также при поддержке ряда сохранивших верность Республике военных, несмотря на преобладавшее в высших эшелонах республиканского руководства неверие в возможность удержать Мадрид, удалось организовать оборону столицы и остановить наступление противника. Критическим моментом для защитников Мадрида считается 8 ноября, когда рабочая милиция сошлась в рукопашном бою на территории Университетского городка, от которого — рукой подать до центра города, с марокканцами из африканской армии мятежников, нанеся им, по словам Престона, «потери такого масштаба, каких до этого [они] не знали» [10, с. 162]. Под вечер того дня в кинотеатре «Монументаль» состоялся митинг, посвященный 19-й годовщине Октябрьской революции и обороне Мадрида. Выйдя с митинга, воодушевленный Кольцов так описал свои ощущения: «Теперь уже ясно: Мадрид сопротивляется. Он не склоняет, как на бойне, шею для удара мясника. Он будет драться “еще два, три, четыре, восемь дней, сколько придется», как говорит Долорес (Ибаррури — прим. авт.). Он не будет сдан без боя. Очень тихо я говорю себе: может быть, совсем не будет сдан» [11, с. 241].

Так тогда и случилось. Мадрид осенью 1936 г. не сдался врагу. Через две недели после описанных событий франкисты, силы которых оказались серьезно подорванными героическими защитниками Мадрида, были вынуждены остановить фронтальные бои и отказаться от намерения захватить столицу. Амбициозный, неуступчивый Франко был вынужден смириться с первым чувствительным фиаско в гражданской войне, которая виделась ему довольно легкой прогулкой к вершине славы. Невольно ловишь себя на мысли о существовании некой условной параллели между героической обороной Мадрида в конце 1936 г. и героической обороной Москвы в те же сроки пятью годами позже. Правда, с одной существенной разницей: высшее советское руководство во главе со Сталиным не сбегало из столицы, когда враг был в нескольких километрах от Кремля, а республиканское руководство во главе с Ларго Кабальеро предпочло в схожей ситуации поспешно ретироваться, по существу бросив Мадрид на произвол судьбы. Трудно сегодня сказать, как в дальнейшем сложилась бы гражданская война в Испании, если бы Ларго Кабальеро остался осенью 1936 г. в столице. Но то, что это подняло бы моральный дух республиканцев, укрепило авторитет самого Ларго Кабальеро и повысило шансы республиканцев на благоприятный для них итог войны — не может вызывать сомнений. Ведь фундамент победы Советского Союза в Великой Отечественной войне был заложен в боях под Москвой!

Дополним портрет Ларго Кабальеро одним весьма примечательным фактом: 1 декабря 1936 г. по распоряжению премьера Совет обороны был преобразован в Уполномоченный совет по обороне Мадрида (*Junta Delegada de Defensa de Madrid*). Находившийся в Валенсии Ларго Кабальеро весьма ревностно отнесся к росту популярности генерала Миахи как руководителя обороны Мадрида, сумевшего отстоять город, и постарался ограничить «чрезмерную независимость» Совета обороны [13, р. 89].

* * *

18 января 1939 г., когда франкисты уже стояли на пороге Барселоны, генерал Висенте Рохо в первый и последний раз за годы гражданской войны выступил с эмоциональным, полным надежды радиообращением, которое настолько сильно впечатлило великого испанского поэта Антонио Мачадо, что он немедленно отправил генералу послание. Однако это уже не могло спасти положение, поднять моральный дух населения, остановить отступающую армию. Позже Висенте Рохо напишет: «Совсем другая обстановка! Какой энтузиазм тогда! И какой упадок

духа теперь! Барселона за 48 часов до прихода врага была полностью опустевшим городом ... не было воли к сопротивлению ни у гражданского населения, ни у некоторых частей, отравленных обстановкой... Был огромный контраст между Барселоной января 1939 г. и Мадридом ноября 1936 г.».

28 марта 1939 г., менее чем через месяц после антикоммунистического путча в республиканской зоне, организованного командующим наиболее боеспособной Центральной армией полковником Сегисмундо Касадо при поддержке ряда «пораженцев», среди которых оказался и генерал Миаха, которого «переворотчики» назначили председателем созданного ими Национального совета обороны (*Consejo Nacional de Defensa*), была оформлена капитуляция Мадрида. Сам Касадо на английском эсминце ретировался в Лондон, бросив на произвол судьбы десятки тысяч республиканцев, прибывших в Аликанте, откуда он обещал организовать их эвакуацию [14, с. 469]. В результате «последнего наступления» франкисты практически без борьбы в считанные часы заняли центральный регион страны и Левант: 29 марта — Куэнку, Альбасете, Сюэдад-Реаль, Хаэн, Альмерию и Мурсию; 30 марта — Валенсию и Аликанте; 31 марта — Картахену.

1 апреля 1939 г. на радиоволне мятежников («Национальное радио Испании») было передано последнее сообщение времен гражданской войны следующего содержания: «Сегодня, пленив и разоружив Красную армию, национальные войска достигли своих последних военных целей. Война закончена». Так стремительно завершилась продолжавшаяся 986 дней гражданская война в Испании, одним из ярчайших эпизодов которой была и останется в истории героическая оборона Мадрида осенью 1936 г.

Литература и ссылки

1. Некоторые авторы, в том числе со ссылкой на Михаила Кольцова, связывают выражение «пятая колонна» с именем генерала Варела. В своем «Испанском дневнике» (запись от 1 ноября 1936 г.) Кольцов пишет: «Генерал Варела объявил, что фашистская армия наступает на Мадрид пятью колоннами: по эстремадурской дороге, по толедской, через Авилу (Гвадаррама) и через Сигуэнсу (Гвадалахара); пятая колонна — это фашистское подполье в самой столице». (Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2. — М.: Политиздат, 1987. — С. 191).
2. В исторической литературе можно встретить и другие цифры. Так, по подсчетам одного из руководителей интербригад К. Сверчевского, число добровольцев превысило 42 тыс. Однако это значительно меньше цифры в 60 тыс. человек («Исторический архив», 1962, № 2. — С. 172). В работе испанских авторов Касановы и Хиль Андреса, со ссылкой на «последний наиболее точный и углубленный анализ», численность интербригадцев оценивается в «порядка 35 тысяч». (Casanova J., Gil Andrés, C. Breve historia de España en el siglo XX. Barcelona, Editorial Planeta, 2012. — P. 135).
3. В публикациях по вопросам гражданской войны в Испании можно встретить как меньшую — около 10 тыс., так и несколько большую цифру — не менее 20 тыс. человек, погибших в боях, умерших от ран и пропавших без вести.
4. По оценкам некоторых авторов, число французов в интербригадах составило порядка 15 тыс. человек.
5. В ряде национальных контингентов добровольцев процент коммунистов был несколько ниже (39 % среди поляков, 46 % — итальянцев, 55 % — венгров и т. д.). Однако это вовсе не умаляет значения вклада коммунистов-интернационалистов в борьбу на стороне республиканцев.
6. Шубин А. В. Великая испанская революция. — 640 с. (со ссылкой на: РГВА. Ф.35082. Оп.1.Д.278.Л.215).
7. РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия.
8. Документы внешней политики СССР. — М., 1974. Т. 19.
9. Правда. 1936. 16 октября.
10. Престон П. Франко: биография. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. — С. 702 с.
11. Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2 (7 ноября — 30 дек. 1936 г.). — М.: Политиздат, 1987. — 351 с.
12. Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 2. Испанский дневник. Кн. 2 (1 янв. — 10 апр. 1937 г.). Кн. 3. Корреспонденции. Репортажи. Очерки. — М.: Политиздат, 1987. — 302 с.
13. Preston, Paul. El zorro rojo. La vida de Santiago Carrillo. — Barcelona, Penguin Random House Grupo Editorial, 2015. — 455 p.
14. Согласно Н. Платошкину, «в порту Аликанте надеялись на спасение от 20 до 30 тысяч республиканцев». (Платошкин Н. Н. Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. — М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2005. — 479 с.).

José Farinós Lefler

José Farinós Lefler, Analista político
y Relaciones Internacionales,
Periodista Presidente de 1990MCS.
Opinión Media Consulting, España.

La vieja Europa

Resumen. Europa está empequeñeciéndose: el cambio climático, los refugiados de los países deprimidos, lucha de religiones. La vertiginosa velocidad de las redes, la fuerza de internet está superando cualquier maniobra que pueda pretender disimular la verdad o mentira en la evolución de cualquier país o continente. Europa colonizó América y, de acuerdo, el responsable fue Cristóbal Colón y España, pero Europa, tarde o temprano, deberá asumir un cambio de papeles en la geopolítica mundial o no parece que podamos vislumbrar un futuro excitante y prometedor.

Palabras clave: Europa, España, democracia, partidos políticos, Cataluña, cambio climático, refugiados.

José Farinós Lefler

Old Europe

Abstract. Europe is dwarfing: climate change, refugees from depressed countries, religious struggle. The vertiginous speed of the networks, the strength of the internet is overcoming any maneuver that may pretend to hide the truth or lie in the evolution of any country or continent. Europe colonized America and, in agreement, the person in charge was Christopher Columbus and Spain, but Europe, sooner or later, will have to assume a change of roles in world geopolitics or it does not seem that we can glimpse an exciting and promising future.

Keywords: Europe, Spain, democracy, political parties, Catalonia, climate change, refugees.

Desde España, un rincón de la vieja Europa, podemos observar nuestra timidez no sin cierta preocupación.

Sin embargo, debo empezar por mi país de origen, que desde el advenimiento de la democracia y una vez fallecido Franco empezó un proceso de reordenamiento político que apuntaba buenas maneras. Desmontar un régimen dictatorial nacido después de una Guerra Civil, fratricida no fue sencillo. Un ejército con enorme influencia, pero fuertemente impactado por el atentado al Almirante Carrera Blanco, atribuido a los terroristas de ETA, aunque con serias dudas de su autoría real, llevó a situar como eje vertebrador en las Fuerzas Armadas, al también Almirante Pita da Veiga, quizás de uno de los militares más intransigentes a la hora de aceptar la homologación del Partido Comunista en España, liderado Santiago Carillo, acompañado por Dolores Ibárruri “la Pasionaria” que regresó de su refugio en Moscú a España con el fin de ayudar a consolidar lo que hoy podríamos entender, como “la verdadera izquierda”, con sus claros y oscuros, derivados de los sanguinarios sucesos producidos durante la guerra civil.

Carlos Arias Navarro Presidente de Gobierno durante la Dictadura franquista y la Transición, abogado, notario y fiscal, no era el personaje más indicado para devolver a los españoles los principios cívicos que toda democracia merece y necesita para componer un futuro relevante.

Arias Navarro fue apodado tras la conquista de Málaga en 1937 como el “carnicerito de Málaga” por la dura represión que ejerció. Ciertamente, falso o exagerado no era, ni con mucho el político que podía liderar el cambio democrático.

En ese punto apareció la figura de Torcuato Fernández Miranda el gran estratega que maniobró el proceso de transición a la Democracia de España, como Presidente de Gobierno.

Fernández Miranda que fue profesor del Príncipe Juan Carlos en Derecho Político, vicepresidente de

Gobierno a las órdenes de Carrero Blanco. Años más tarde y ya coronado el Rey Juan Carlos, con tremenda habilidad, logró sustituir a Arias Navarro y situar al frente del Gobierno a Adolfo Suárez, otro falangista, pero de tono suave y crítico a su vez, sobre su pasado franquista, y que le llevó a liderar la Transición política en España.

Tampoco resultó sencillo para Suárez consolidar una Monarquía representada por Juan Carlos de Borbón, un personaje que, con el tiempo, se ganó el afecto y respeto de los españoles hasta tal punto que fue olvidándose uno de sus mayores estigmas.

Juró la de Principios Fundamentales del Movimiento, una de las siete Leyes básicas del franquismo, obviando, claro la Ley para la Reforma Política...

En definitiva, un Borbón asumió, aceptó y juró todo aquello significó lo más abyecto y cruel dentro de la Dictadura franquista en sus inicios, y para mayor incredulidad, nunca Juan Carlos I ni tampoco el sucesor, el Rey Felipe ha sido “invitado” a realizar el gesto de abjurar de un episodio todavía hoy muy triste para quienes soportamos de formas muy diversas la losa de una dictadura sin freno ni pudor.

Valorar hoy, con las consideraciones necesarias para excusar con moderación este suceso, todavía en proceso de levitación, puede ser precipitado por su origen, la Dictadura, pero vez su origen plural y cargado por el enorme peso de consolidadas razones históricas, alguna de ellas protegidas como Secreto de Estado, nos obliga reconocer los méritos adquiridos por la Monarquía a lo largo del Reinado de Juan Carlos I, un Rey que cumplió con su país.

En términos personales, deseo recordar la figura de Sabino Fernández Campo, Conde de Latores, Secretario General de la Casa de Su Majestad el Rey de España y, más tarde Jefe de la misma.

Por importante que fuera su presencia en la Zarzuela la noche del 23 F, sus silencios, estrategias y consejos definieron gran parte de los reveladores momentos en la historia de España y uno de los más leales súbditos del Rey al que sirvió como un verdadero patriota.

Pese a todo, y gracias a muchas renunciaciones y sacrificios de personajes imborrables, nosotros, el Pueblo, necesitábamos curar nuestras propias heridas y superar los muchos complejos que sufríamos los españoles y que aumentaban cuando cruzábamos los Pirineos.

El primero fue la profunda necesidad de sentirnos liberados conquistando el libre albedrío. El pensamiento único era impensable para una España, crisol de culturas, costumbres, idiomas, historias milenarias, como demuestra la actual organización territorial española con 17 Comunidades autónomas.

Quizás también por la propia ignorancia de los actuales políticos españoles, la mayoría con escasa formación, algunos sin estudios universitarios, que demuestran, además, un escaso sentido patriótico, negociando todo aquello que menos interesa al pueblo.

Buscan su propia supervivencia económica, un bienestar conseguido gracias a un modelo de Ley electoral injusto y anticuado que solo sirvió en su momento para facilitar la redacción de una Constitución sin tensiones, intentando contentar a todas las tendencias políticas sojuzgadas durante el periodo franquista, apoyándose en una compleja amalgama de partidos, muchos de ellos sin referencias históricas.

Socialistas, Comunistas, Liberales, una derecha dura — Fuerza Nueva — otra quizás más tenue Alianza Popular, hoy Partido Popular, y una Democracia Cristiana que, como siempre, buscaban apoyar allí donde intentaban añadir valor histórico.

La realidad, hoy en día, cuando España todavía no ha conseguido formar Gobierno, la mercenaria contaminación de los partidos nacionalistas, una extraña amalgama de militancia permanentes izquierdistas peleados con el mundo, incluso también con ellos mismos que una vez se apodan Mareas, otrora Podemos y mañana, ya veremos, gozan de una cierta relevancia, pero semana tras semana, y de forma menguante irán diluyéndose porque la sociedad y sus simpatizantes observa que su confianza y futuro no puede entregarse a un movimiento personalista, de origen asambleario más propio de un entorno universitario mínimamente relevante.

Dentro de este nuevo puzle político español no podemos olvidar a Vox, un partido que algunos tildan de ultraderecha, deseando asimilarlos como homólogos de Marine Le Pen, cuando es rotundamente falso.

No obstante, con el resultado del último proceso electoral, en circunscripciones, Ayuntamientos o Comunidades hoy tienen la oportunidad de exigir una parte de responsabilidades de gobierno, o influir con cierta solvencia. Hoy por hoy, Andalucía sería la Comunidad más relevante después de 40 años de Gobierno socialista, con una extensa lista de Juicios, Organismos innecesarios con enormes sombras de corrupción y nepotismo es un excelente banco de pruebas para las fuerzas políticas del centro derecha y matices liberales.

Pero Vox, hoy integrado en cuerpo del Gobierno andaluz todavía no ha encontrado un punto de equilibrio estable y aunque si es muy relevante su patriotismo, quizás pecan de exageradamente “quijotesco”.

Pero cuando España forma parte de una “vieja Europa”, y es la Madre de un idioma que lo hablan más de 600 millones de habitantes, idioma oficial en 20 países en el mundo, sin contar los 41 millones latinos que viven y trabajan en Estados Unidos, Vox debe asumir su nueva y reciente realidad. En la actualidad cuenta con eurodiputados en Bruselas, y por esta razón, deberían mantener su españolismo de forma más equilibrada, cosmopolita, compartir sus esfuerzos en Bruselas con partidos conservadores y liberales, re-capacitando que, en esta coyuntura, sus adversarios políticos están en su propio país mientras que hoy el reto europeo tiene rivales más sólidos y poderosos.

Trasladar a Bruselas los pobres esquemas de la nueva política española donde reina el chalaneo, objetivos personales e ignorando a los reales intereses de los españoles solo puede entenderse por la visible mediocridad de muchos Diputados que ocupan un escaño en “nuestro” Congreso de los Diputados.

Pero Europa ha pasado página, Ursula von der Leyen es la nueva Presidenta de la Comisión Europea [1], en su discurso patentizó su europeísmo, inclusive señaló que se consideraba antes europea que alemana y oriunda de la baja Sajonia, pero fue necesariamente apoyada por Hungría y Polonia para evitar que el socialista holandés Frans Timmermans obtuviera votos suficientes para desbancarla.

Europa está envejeciendo, en ocasiones tenemos la sensación que están defendiendo primero las transacciones personales que el patriotismo para un continente amenazado por un brexit insolidario, hijos de su recordada Commonwealth, añorando los guiños picarescos de un Trump que compra y vende su alma, barras y estrellas un día a unos y al siguiente a otros. Una Rusia expectante que asumió discretamente — de momento — la acometida de un poderosa China todavía a medio despertar, pero expandiéndose por los cinco continentes, mientras que Europa ha sufrido dos guerras europeas de las que resurgió gracias, una vez más, a las fuerzas aliadas.

Sus fronteras han bailado con la inseguridad que nos llevó el colapso de la República de Weimar [2]. ¿Puede Europa olvidarse a donde nos llevó Weimar?...

Europa creó una maquinaria para ayudar a, como presume Ursula von der Leyen, ser más europea que alemana. Ergo, según esta madre de siete alemanes y todos nosotros, somos estrictamente europeos, después ahí cada uno que conozca donde nació, sea una circunstancia aleatoria...

Error, y por eso debería recordarse a Weimar. Como nieto de alemanes huidos de su país, arrancándose de sus raíces sabemos bien como la solidaridad, comunitaria es lenta, funcional y cambiante.

Porque por esta razón y al parecer, Bruselas han visto con asombro y estupor como Cataluña una Comunidad líder por su estilo cosmopolita, con una capital Barcelona que cada esquina es una historia, sede en 1992 de unos Juegos Olímpicos impecables y maravillosos, que entre sus enormes logros consiguió que la ciudad volviera a reconquistar el mar.

Que Juan Antonio Samaranch, catalán universal, trabajara y consiguiera que el espíritu olímpico se transmitiera capilarmente a toda España [3].

Que en su propia tierra y capital su nombre y recuerdo está obviado, ignorado ...en China está su Fundación. En Moscow, ya no como Embajador del Reino de España, que lo fue y brillantemente, sino también como Presidente del Comité Olímpico Español fue y es respetado, admirado y muy querido.

Cataluña ha perdido más de 7.000 empresas en este último año y que se han dispersado por el resto de España porque, al parecer, según la Justicia española, algunos medios de comunicación, no todos, claro se ha producido un Golpe de Estado. Curiosamente liderado por un individuo con cargo relevante, Presidente de Cataluña, un Gobierno Autonómico, que huyó en un maletero de coche y hoy vive en Bruselas, ha pretendido ser eurodiputado y, por cierto, la Justicia alemana donde fue detenido y encarceló, un Juez local lo exoneró y regresó tranquilamente a su domicilio. Bruselas, la capital de Europa y los europeos.

No he podido percatarme de ningún movimiento europeísta que se preocuparan para ayudar a dirimir que está pasando en Cataluña. Tan solo aparecieron en el Juicio una serie de personajes singulares que, cobrando claro, fueron la mofa y escarnio de la prensa, fiscalía y acusación...

En el ínterin, ¡Bruselas y sus altos ejecutivos, callados como puertas!. ¿Dónde está Europa para los españoles?...

En definitiva, he intentado resumir unos 75 años de Historia de España. He vivido en muchos países, algunos europeos, incluido, por supuesto Bélgica. Me resulta difícil destacar a países en nuestro continente que realmente su evolución sea espectacular. Quizás algunos que estaban situados detrás del llamado Telón de Acero o como diría Ursula von der Leyen, Eiserner Vorhang.

Quizás Noruega que, gracias al petróleo ha conseguido una evolución espectacular, pero, realmente, por su propia historia los países nórdicos tienen perfiles realmente dignos admirar.

Europa está empequeñeciéndose. La vertiginosa velocidad de las redes, la fuerza de internet está superando cualquier maniobra que pueda pretender disimular la verdad o mentira en la evolución de cualquier países o continente. No importa una Fake o más o menos o los ciberataques. Es ridículo, o Europa evolu-

ciona o seremos una colonia exótica para vender nuestros siglos de historia. La buena o la mala.

El cambio climático. Los refugiados de los países deprimidos. Lucha de religiones.

Europa colonizó América y, de acuerdo, el responsable fue Cristóbal Colón y España, pero Europa debe asumir que, tarde o temprano, Europa deberá asumir un cambio de papeles en la geopolítica mundial o no parece que podamos vislumbrar un futuro excitante y prometedor.

Literatura

1. La nueva presidenta de la Comisión Europea vivirá en un minipiso de 25 metros cuadrados junto a su despacho // URL: https://elpais.com/internacional/2019/10/03/actualidad/1570105756_406088.html
2. Weimar, la fragilidad de la democracia // URL: https://elpais.com/elpais/2019/08/20/opinion/1566302996_674824.html
3. Juan Antonio Samaranch: la gran llama del olimpismo moderno // URL: https://www.abc.es/deportes/juegos-olimpicos/rio-2016/abci-juan-antonio-samaranch-gran-llama-olimpismo-moderno-201809030432_noticia.html

Antonio Alonso Marcos, Samir Khalil Samir

Antonio Alonso Marcos,
Universidad San Pablo CEU, España;
Samir Khalil Samir,
Pontificio Instituto Oriental de Roma, Egipto

El Estado Islámico: ¿Auténtico islam? Las vías para escapar de la violencia

Resumen. Desde los orígenes de la religión musulmana, Mahoma fue a la vez caudillo militar y líder espiritual. Su proyecto político fue materializado en forma de estado islámico, donde la ley fuera la ley divina. A lo largo de los siglos, ese califato se ha instaurado en distintos lugares y de distintas formas. En junio de 2014, fue proclamado en el Sham, en Irak y Siria. Cabe preguntarse si ese modelo de Estado Islámico es el verdadero y si la violencia es consustancial al islam o éste puede zafarse de ella.

Palabras clave: ijihad, islam, mutazilí, yihad.

Antonio Alonso Marcos, Samir Khalil Samir

The Islamic State: The Real Islam?

Abstract. From the origins of the Muslim religion, Muhammad was both military and spiritual leader. His political project was materialized in the form of an Islamic state, where the law was the divine law. Throughout the centuries, this caliphate has been established in different places and in different ways. In June 2014, it was proclaimed in the Sham, in Iraq and Syria. It should be asked if this model of Islamic State is the real one and whether the violence is consubstantial to Islam or it can get away with it.

Keywords: ijihad, islam, mutazilí, yihad.

1. Introducción

Con cada atentado yihadista surge recurrentemente una cuestión: ¿es *per se* el islam una religión violenta? Ante la acción del Estado Islámico (EI) cabe preguntarse si un atentado terrorista al grito de “Dios es grande” puede ser justificado desde la religión, o simplemente está basado en una ideología que es totalmente contraria al islam, o si precisamente eso es el islam.

Este artículo entra en el debate acerca de si la violencia es un elemento inherente al islam o si es ajeno a él. También se pronuncia acerca de la relación entre islam y cristianismo y cómo podría ayudarle a interpretar sus textos sagrados. Y recuerda, además, que dentro de la historia del pensamiento islámico ya hubo una serie de autores que se atrevieron a interpretar los textos sagrados.

2. El islam, una religión social

En árabe, muchas palabras comparten la misma raíz de la palabra “*islam*” (slm,), palabras muy diferentes entre sí, como “paz” o como “sumisión”. En este caso, “*islam*” hace referencia precisamente a la completa sumisión que el hombre le debe a Dios, el reconocimiento de la nada que es el ser humano, una mera creatura, frente al Creador Todopoderoso, Omnisciente, Omnipresente. Dios lo es todo, el hombre debe reconocer su “nada” y ponerse en el lugar que le corresponde en el orden de la creación: por encima de las demás cosas creadas, pero nunca a la altura de Dios¹.

La palabra “Corán”, el libro sagrado del islam, significa literalmente “adecuado para recitar” o “bueno para recitar”. Algunos de sus capítulos (suras) defienden el uso de la violencia, pero también existe toda

¹ En el cristianismo sucede el movimiento totalmente opuesto: Dios, que lo es todo, se abaja — kénosis, en griego — hasta hacerse un mortal, un humano más e “incluso se rebajó a la muerte y una muerte de cruz” (ver Flp 2,6-11).

una base teológica para hacer del islam una religión de paz [10]. Este artículo explora algunas vías para hacerlo posible².

El problema de fondo no es simplemente si el Corán justifica o no la violencia, o si los terroristas pueden usar lícitamente el Corán para fundamentar sus acciones [10]. Hay una cuestión todavía más profunda, que se refiere al papel del islam como religión que afecta a la vida pública y no sólo a la privada de las personas [6], [7]. Así pues, hay que preguntarse acerca del protagonismo que se le da al islam a la hora de construir una cultura, una sociedad y su política y cuáles son los límites que no puede sobrepasar [2]³.

Para adentrarse en esta cuestión, hay que entender cómo comenzó Mahoma a poner en marcha el islam, qué preceptos impuso para establecer un orden social, político y económico llamado posteriormente el “califato”, que está conectado con el sustrato ideológico que está en la base que sostiene el terrorismo yihadista. Derribar este entramado es tan – o más – importante que desarticular las redes de financiación y captación de nuevos terroristas, pues no hay terrorismo sin una ideología ni sin una base social que comparta esas mismas ideas [1].

El islam nació de la predicación de Mahoma, personaje sobre el que no ha habido una investigación crítica dentro del mundo árabe-musulmán, aunque autores no musulmanes sí las han hecho⁴. Por lo tanto, todo lo que sabemos y podemos decir sobre él es “según la tradición” o “basado en la tradición”. Según la tradición, murió en el año 632. Tras su muerte surge la pregunta acerca de quién debería ser su “sucesor” (*califa*, en árabe). Y aquí aparecen dos posibles respuestas: o bien uno de su familia o bien un líder nato.

Obviamente, ser familia del Profeta (*ahl al-bayt*) otorgaba una posición privilegiada para ejercer un liderazgo tanto político como religioso de la comunidad musulmana (*umma*). Entre la parentela (*dhawu l-kurba*) de Mahoma se contaban los descendientes de su bisabuelo Hashim y, en cierta medida, los descendientes del hermano de Hashim, al Muttalib. Para quienes pensaban que debía ser uno de su familia, Alí –sobre quien se funda el chiismo⁵, enfrentado al sunismo, la primera gran división del islam – era el candidato perfecto pues era esposo de Fátima, una de las hijas de Mahoma. Él mismo, poco antes de morir, en la peregrinación del año 632, pronunció el “último discurso” o “discurso de despedida” (*el Khu-batu l-Wadā*), pronunciado en el valle Umanah en el Monte Arafat, al lado del Ghadir Khumm (el arroyo Khumm). Mahoma puso entonces la mano sobre la espalda de Alí y dijo “Quien le sigue, me sigue”. Sin embargo, Alí, nacido en el 599 o el 600, era demasiado joven para desempeñar ese papel, se precisaba un líder más fuerte, más experto. Además, Alí no había demostrado una fuerza guerrera, sino que había demostrado ser un hombre muy religioso, de manera que se dice que él había sido el primero en seguir a Mahoma y en convertirse al islam.

De la otra parte estaba Abú Bakr, más guerrero, será de hecho el sucesor de Mahoma desde el 632 al 634. De esta manera, dio un golpe de Estado para tener un mayor apoyo. Después de la muerte de Abú Bakr, Alí espera ser el segundo califa, pero el elegido para desempeñar tal función fue Omar, amigo de Abú Bakr. Además, Omar era padre de Hafsa, una de las esposas de Mahoma y, por tanto, familiar del Profeta. Este Omar, antes de morir en el 644, estableció un consejo de seis miembros entre los cuales debería ser elegido el próximo sucesor. Entre ellos estaba Uthman Ibn Affan – padre de Rukayya y de Umm Kulthum, dos de las mujeres de Mahoma –, quien ordenó redactar la versión oficial del Corán, con las 114 suras que hoy conocemos, siendo desde entonces un texto invariable e intraducible. Tras su muerte (656), Alí fue elegido, finalmente, como califa hasta su muerte (661). Estos son los cuatro “califas ortodoxos” o “bien guiados” y ninguno de ellos murió serenamente en su cama, sino que todos fueron asesinados.

El primer califa ortodoxo siguió el proyecto político de Mahoma, que convirtió las tribus árabes al islam. En teoría, el pacto entre Mahoma y esas tribus había acabado con la muerte del profeta, pero Abú Bakr les señala que el pacto no lo habían hecho con Mahoma sino con el islam. Así, el proceso de unión de todas las tribus beduinas del desierto arábigo fue hecho primero en torno a un jefe (Mahoma) y después en torno a un proyecto (el islam).

Con el fin de prolongar esta victoria se sucedieron muchas guerras y campañas militares que permitieron una fabulosa expansión del islam. En la primera fase, fue conquistada toda la Península Arábiga. En la segunda fase, los territorios limítrofes: Siria, Jordania y Líbano; estos tres territorios eran conocidos como el *sham* (“levante” en árabe). En el 638 llegaron a Palestina y Persia. En el 639 conquistaron El Cairo. En el

² En esa tesis deben entenderse el documento firmado conjuntamente por el Papa Francisco y el gran imán de la Universidad de Al Azhar, el doctor Ahmad Al Tayeb, considerado como el “líder” del islam sunní, en el viaje del Pontífice a los Emiratos Árabes Unidos en febrero de 2019, titulado: “Documento sobre la fraternidad humana por la paz mundial y la convivencia común” [2].

³ El deseo de Francia de establecer un “islam francés”, compatible con los valores republicanos, es una muestra de este debate.

⁴ Entre las últimas más polémicas estaría la del pakistaní Imran Firasat llamada “La Auténtica Biografía de Mahoma”.

⁵ Los chiíes, a su vez, están divididos en cuatro grupos: los duodecimanos, que reconocen una sucesión de doce imanes; los ismailíes, que reconocen una sucesión de siete imanes; los alawitas y los drusos.

641, Alejandría y el Magreb. Desde el punto de vista militar, fueron conquistas formidables, hechas rápidamente y con pocos soldados. Ya en el siglo siguiente, el islam se expandió aún más allá de esas fronteras por el este con la batalla de Talas (751) y su establecimiento en la región en torno al río Oxus, la Transoxiana (la actual Asia Central), y por el oeste hasta llegar a invadir la península hispánica (711–726)⁶.

Como cualquier otro imperio de la Antigüedad, tras las campañas militares vinieron las campañas de aculturación, imponiendo sus leyes, su lengua, su cultura y su religión. La cultura que transmitieron estos conquistadores fue la del desierto árabe del siglo VII, fundamentada en la tradición y en la transmisión oral de poemas fáciles de memorizar⁷. Mientras el siriaco⁸, claro precedente del árabe, sí se escribía y se usó incluso como lengua litúrgica de los primeros cristianos habitantes de la Península Arábiga, el árabe primitivo apenas se escribía (sólo en contadas ocasiones y sobre piedra) y se trataba de poemas, algunos de ellos sapienciales, pero sin llegar a ser textos filosóficos.

Además de forjar una cultura, el islam era — y es — una religión social e integral, que tiene una opinión sobre cualquier aspecto de la vida humana. Además de ser una forma de relacionarse con Dios — aspecto este muy positivo —, también posee una dimensión social, de costumbres, y una dimensión política (de ordenación de la vida política y social) y militar (de expansión, de islamizar otros países, adquirir nuevas tierras para el islam). En el islam, todo es uno: el Estado es un Estado islámico y la Constitución debe ser islámica⁹. El islam tiene una respuesta para cada cosa: hay una forma islámica para comer, una manera islámica para vestir ... Todo entra bajo el paraguas del islam.

Esto es, paradójicamente, a la vez su fortaleza y su debilidad. Es su fortaleza porque da un sentido de unidad a todos los musulmanes; es su debilidad porque la religión está mezclada y puede ser más tradición que religión. Es precisamente esto lo que no permite distinguir entre planos. Un musulmán no puede abandonar el islam, debe ser musulmán toda su vida hasta la muerte; si anuncia que ha abandonado el islam debe ser asesinado según la ley islámica, por lo que deberá huir o morir¹⁰.

Además de ser una religión social, el islam es una religión muy jurídica. Fue Abu anifah al Nu'man ibn Thabit (699, Kufa, Irak — 767, Bagdad) quien sistematizó el islam como fuente de normas jurídicas, recogiendo toda la tradición jurídica islámica ya acumulada hasta ese momento. Así se convirtió en el fundador de la escuela Hanafi, una de las cuatro escuelas de pensamiento (*madhabs*)¹¹ o jurisprudencia (*fiqh*) dentro del islam sunní.

Este es un punto esencial para entender bien el islam y el islamismo. Todos los movimientos fundamentalistas (desde los menos violentos hasta los yihadistas) parten de este principio: la base de todo es la *sariah*, definida esencialmente en el Corán y en la *sunna*, la tradición primitiva de Mahoma — esto es, los dichos y los hechos atribuidos a él —. En realidad, la *sariah* va más allá porque todas las decisiones tomadas por grandes juristas en los siglos siguientes hasta el Medievo — como al Bujari — son interpretaciones de los dichos y hechos de Mahoma, pero no existe un canon universal o una lista cerrada de quién es un referente en este sentido: mientras Corán y *sunna* sí son una referencia segura para todos, la *sariah* no siempre.

El problema, entonces, viene de pensar que todo aquello que correspondía a la cultura y a la sociedad del desierto arábigo del s. VII vale para el s. XXI. La esclavitud, por ejemplo, era toda una institución social y económica muy difundida de muchas maneras por todo el mundo, entre muchas culturas, independientemente de la religión: el Antiguo Testamento refleja que el pueblo hebreo sometió y fue sometido a la esclavitud y el Nuevo Testamento no trata de la esclavitud como tal, sólo san Pablo habla de ella esclavitud para pedir a su discípulo Filemón que trate bien a Onésimo (un esclavo de Filemón que había huido de su lado). Como se ve, en los comienzos del cristianismo no se abolía toda la estructura social de la esclavitud, sino que simplemente se invitaba a tratar de un modo más humano al hermano, lo que acabó con la abolición de dicha institución. Sin embargo, ésta reapareció a partir del siglo XVII con el colonialismo. Por tanto, la abrogación no era un principio, sino que era un modo humano de tratar que fuera propuesto por el cristianismo. Pero en el islam, el Corán vino a regularizar los usos de la vida árabe que, como en la Biblia, vienen para humanizar un poco ciertas cosas que eran practicadas. En efecto, el Corán hace pro-

⁶ Aquí, el sacerdote Álvaro de Córdoba (año 856) “renombró” al profeta Muhammad como “Mahoma”, palabra que proviene del mote “Maozim” para, según algunos autores, desprestigiarlo e insultarlo ya que Maozim es citado en la Biblia como un dios pagano y asimilado al anticristo.

⁷ También la religión islámica debe ser aprendida de memoria.

⁸ En Siria había una cultura de tradición escrita, la cultura cristiano-bizantina, de manera que el califato de los Omeya, establecido en Damasco entre el 660 y el 680, se encontró allí una civilización ya bien asentada y la aprovechó para su corte, tal como reflejan las conversaciones de san Juan Damasceno en torno al 740 con el califa.

⁹ Por ejemplo, Arabia Saudita no tiene una Constitución porque su Carta Magna es la misma *sariah*, la evolución del derecho islámico.

¹⁰ Esto sucede hoy así en Arabia Saudita, Egipto o Jordania.

¹¹ Las cuatro escuelas sunníes principales son la Hanafi, la Maliki, la Shafi'i y la Hanbali.

puestas que mejoran, humanizan, las prácticas vigentes en esa región del mundo anteriores al s. VII, pero allí se han quedado. Han hecho de la Palabra increada de Dios una norma válida para todas las culturas y de todos los tiempos.

En pocas palabras, se podría decir que mientras el cristianismo actualiza, el islam regulariza. Este debate se hizo de manera pública al inicio del s. IX. Entre los musulmanes surgió una tendencia teológica cuyo grupo fue denominado “mutazilíes”, quienes aplicaban el solvente de la razón a los dogmas del Corán. Afirmaban que el Corán es un texto “creado” — este es el término utilizado — ya que, si el Corán afirma que Dios no tiene ninguna característica humana, Dios no podría haber dictado sus versos a Mahoma, y por tanto el Corán debió crearse de otro modo.

Por el contrario, el grupo opuesto a estos mutazilíes decía que el Corán es increado, que había descendido sobre Mahoma de parte de Dios a través del ángel Gabriel, de manera que Mahoma no había hecho más que decir lo que había recibido; además, la tradición decía que el ángel Gabriel había abierto el pecho de Mahoma, había metido allí todo el Corán y así, después de volver a cerrar el pecho, Mahoma sólo tenía que sacar fuera, pieza a pieza, según las diversas circunstancias, aquello que Dios le había dado de un solo golpe. Esta es la tradición clásica. Mahoma, por tanto, no interfiere nada en la redacción del Corán, sólo en el hecho de sacar fuera los fragmentos concretos, en el transmitir en el momento necesario el fragmento divino.

Esta visión de la tradición ha sido discutida y rechazada casi exclusivamente por aquellos mutazilíes, aunque el debate Corán creado-increado continuó hasta casi el final del Medievo, al menos hasta el s. XIII.

La corriente que defendía un Corán creado recibe un nombre concreto —mutazilíes—, pues representaban a una minoría muy reducida, aunque tuvieron presencia incluso en Córdoba. Sin embargo, aquellos que defendían la postura contraria no tenían un nombre concreto pues eran la mayoría. El califa al Mahmún (muerto en el 833) protegió a los mutazilíes, como también lo hiciera su sucesor al Ash’ari, aunque fracasó frente a su más ferviente adversario, Ahmed ibn Hanbal [14]. No obstante, “durante los siglos VIII y IX los mutazilíes fueron vanguardia del progreso y de la libertad de pensamiento y prestaron un valioso servicio a la sociedad islámica de su tiempo al ser paladines del libre albedrío y oponerse a la predestinación [de los ashariés]” [15, p. 41–42].

Finalmente, uno de los sucesores de al Mahmún, el califa al Mutawakkil (822–861), comenzó a perseguirles y les condenó a muerte [6]¹². Aunque esta corriente de pensamiento continuó existiendo y generó debate durante siglos [11, p. 266], prevaleció la opinión de que el Corán es increado, no es tampoco “revelado” sino que fue “bajado del Cielo”, “bajado de arriba” (“hacer descender” se dice en árabe “*tanzil*”). Así pues, la Palabra de Dios descendió sobre Mahoma, lo que significaría el máximo de materialización del verbo divino.

Los modernistas reintrodujeron a partir del año 1850 este debate (Corán creado-increado), pero sin utilizar la palabra “mutazilí”. La interpretación en gran parte de la tradición islámica es un comentario material, gramatical, del léxico del texto coránico; no reflexiona nunca sobre el contenido, sino que intenta explicar palabra por palabra, frase por frase, verso a verso, qué quiere decir el texto. Sin embargo, también existió lo que se conoce en el mundo árabe como “renacimiento” (*al-nahda*, en árabe), que empezó en torno a 1850–60, aunque quizás comenzara un poco antes, y se extendió hasta 1950. El libanés Djirdji (o Yuri) Zaydan (1861–1914) fue quien teorizó acerca de este renacimiento desarrollado fundamentalmente en Egipto. Ubicó el antecedente inmediato de este renacimiento en la invasión napoleónica (1797) pues el contacto con una civilización más desarrollada hizo que los intelectuales egipcios se replantearan por qué los occidentales eran más avanzados e intentaron imitar esos avances siguiendo las huellas del modelo europeo. Algunos de los máximos exponentes de esta corriente de pensamiento nacida dentro del propio mundo árabe serían: Muhammad Ali de Egipto, Jamal-Al-Din Afghani, Al-Nahda, Rifa’A El-Tahtawi, Ahmad Zaki Pasha, Butrus Al-Bustani, Francis Marrash.

Ese arco de 100 años estuvo marcado fuertemente por árabes cristianos, fundamentalmente de Siria y Líbano, aparte de que se difundiera con mucha fuerza al principio en Egipto ya que los más doctos de ellos habían emigrado allí (a Egipto). Este “renacimiento” trató de repensar el Corán para el mundo de hoy. Esta es la diferencia entre explicar literalmente y repensar la letra.

El problema aquí es que no se repiensa el islam para hoy, sino que por fidelidad al islam pretenden aplicar literalmente todo lo que su profeta hizo. Esta es la vía por la que optó Muhammad Abd al-wahhab at-tamimi (1703–92), fundador del wahabismo. Al-wahhab escribió el *kitab at-tawhid* (el libro del mono-teísmo), donde defendía la *ijtihad* (la libre interpretación) y condenaba el *taqlid* (el principio de autoridad).

¹² Califas posteriores, como el califa al-Mutasim (833–842), también trataron de ganarse a los chiíes y oscilaron entre una y otra facción religiosa, aunque sin resultado positivo [6].

Esto lo hizo para huir de un ejercicio de excesiva analogía realizado por algunos clérigos que extendían la aplicación de ciertas aleyas (versículos del Corán) yendo demasiado lejos con su interpretación. De la misma manera rechazó el *qiyas* (el método de razonamiento analógico), para evitar que los ulemas acabaran con el sentido espiritual del texto revelado. Así cayó, paradójicamente, en el ejercicio de un literalismo riguroso y restrictivo.

Este es el drama de los salafistas: para justificar su terror se refieren y adoptan todas las usanzas del desierto en el s. VII y se escudan en la excusa de que “Mahoma lo hizo así” o de que “Mahoma lo mandó hacer así”. En efecto, en el Corán hay textos que hablan de la venta de esclavas, pero la cuestión es que ellos pretenden justificar una acción y buscan un verso de Mahoma que se adapte a lo que ellos desean, aunque sean las cosas más extrañas.

El experto Cole Bunzel afirma que se podría defender la esclavitud basándose en una expresión del Corán: “Lo que tu mano derecha posee”. Tradicionalmente se ha interpretado esa frase como referida a las esclavas. Y no se basaría sólo en el Corán sino también en parte de los escritos de la tradición islámica: “Hay una gran cantidad de escrituras que sancionan la esclavitud. [...] Se puede argumentar que ya no es relevante y ha caído en desuso. ISIS argumentaría que estas instituciones deben ser reavivadas, porque eso es lo que hicieron el Profeta y sus discípulos” [1]. Algunos autores desean deslegitimar esa postura, argumentando que el propio Mahoma animó con su ejemplo a liberar a los esclavos¹³, o que esa aleya donde aparece la expresión “lo que tu mano derecha posee” en realidad deja claro que las relaciones sexuales incluso con esclavas deben ser consentidas¹⁴. Sin embargo, lo cierto es que esas aleyas existen.

Daesh justifica en sus mensajes la esclavitud, especialmente la esclavitud sexual, basándose en el Corán y en los dichos del Profeta. La cuestión es que se puede justificar una cosa y la contraria, como se puede ver en el caso de la esclavitud. Este mensaje, en concreto, ha sido condenado por muchas autoridades religiosas del mundo, incluso por el Gran Muftí de Egipto, aunque lo hizo sobre el argumento de que *Daesh* está dando una mala imagen del islam a Occidente. Por eso, en muchas ocasiones se echa en cara a las instituciones islámicas que no condenan con suficiente firmeza este tipo de comportamientos.

En los países occidentales ha surgido una corriente de opinión intermedia entre los yihadistas y los islamófobos, favorable al islam, pero contrario a los islamistas, a los yihadistas [5], [8], [9]. Sin embargo, algo que no se puede obviar es que la violencia está inserta en el propio texto sagrado — en la letra y en el espíritu — y que sólo desde una interpretación que ignore o que anule esas aleyas (o que las tome en un sentido meramente espiritual, de lucha contra el mal, no contra el otro) se podrá aceptar el islam como religión de paz. Aquí radica el principal problema: ¿cómo se puede negar algo que tiene su fundamento en el Corán? Es, por lo tanto, un problema teológico y hermenéutico que se complica al entender que el islam es un proyecto global, integral, por lo que se aplica la teología a todo (la esclavitud, la guerra, la economía ...).

En resumen, todo el problema del islam es este, que desde hace siglos la mayoría de los expertos religiosos musulmanes no repiensa. Algunos laicos (musulmanes) sí lo hacen. Hay algunos excelentes pensadores musulmanes liberales que defienden que las aleyas más polémicas deben ser entendidas en su contexto histórico y cultural y que no se pueden interpretar literalmente. Pero la mayoría de los clérigos no; todas las tendencias de la enseñanza de las diversas universidades religiosas que forman a los imanes — al menos a los del mundo sunnita — son de un literalismo que paraliza la vida. Hasta que esto no cambie, no habrá paz política o militar.

Para cambiar esto se necesitan décadas, ya que multitud de generaciones enteras han sido formadas sobre la letra del texto. A finales de diciembre de 2014, el presidente egipcio Al Sisi pronunció un discurso en la Universidad de Al Azhar ante más de 200 imanes y ante el Gran Muftí de Egipto; acabó su intervención diciendo: “Nosotros debemos hacer la revolución islámica, la revolución en el interpretar bien el texto” [3]. Esta declaración fue aprobada, en teoría, por el Rector de la Universidad; en teoría, porque después no se creó ningún comité para reinterpretar los textos. Sólo dijeron que estaban de acuerdo con lo que el presidente había dicho, pero después no hicieron grandes cosas.

Esto es verdaderamente un trabajo de décadas pero que significaría la salvación para el islam y la paz en el mundo hasta un cierto punto. Sin lugar a dudas es una gran dificultad.

¹³ Ver las suras *al-Baqarah*: 177; *al-Ma'idah*: 89; *al-Nisa'*: 93; y *al-Mujadilah*: 3.

¹⁴ El texto coránico al que hace referencia es el comienzo de la sura de los creyentes: “Por cierto que triunfarán los creyentes. Que observen sus oraciones con sumisión, se aparten de las banalidades, paguen la limosna, se preserven de cometer adulterio o fornicación, y sólo cohabiten con sus esposas o con sus esclavas, pues ello no es censurable. Y [sabad que] quienes lo hagan con otras mujeres serán trasgresores”. (sura 23, 1–7). En este contexto, es sabido que cuando habla de relaciones sexuales lícitas deben ser siempre consentidas pues las violaciones no están permitidas.

3. Las raíces religiosas de la violencia yihadista

En el Corán y en una buena cantidad de hadices se puede encontrar una incitación a la violencia, como la sura “Muhammad”, aleya 4, donde se dice:

“Cuando sostengáis, pues, un encuentro con los infieles, descargad los golpes en el cuello hasta someterlos. Entonces, atadlos fuertemente. Luego, devolvedles la libertad, de gracia o mediante rescate, para que cese la guerra. Es así como debéis hacer. Si Dios quisiera, se defendería de ellos, pero quiere probaros a unos por medio de otros. No dejará que se pierdan las obras de los que hayan caído por Dios”.

En efecto, hay defensores del islam como religión de paz que afirman que se equivocan quienes ven en esta sura una invitación al musulmán actual a odiar a los infieles. Según estos autores, esta sura tiene un contexto histórico y debe ser entendida en ese contexto y restringir ese mensaje a ese momento histórico preciso. Así pues, esta aleya hay que entenderla en el contexto de la lucha contra un enemigo y no para convertir a los infieles al islam. Como es bien sabido, la yihad en el Corán no se refiere sólo al combate espiritual, o a una guerra defensiva¹⁵ o una lucha por la justicia¹⁶, sino a la forma de expandir el islam por las tierras de los infieles¹⁷. Aunque se suele esgrimir la sura 2, 256 (“No cabe coacción en la religión”) para subrayar que la expansión del islam debe ser pacífica, parece que dicha aleya queda abrogada por otras de talante totalmente contrario: “Ciertamente, la Religión, para Alá, es el islam. Aquéllos a quienes se dio la Escritura no se opusieron unos a otros, por rebeldía mutua, sino después de haber recibido la Ciencia. Quien no cree en los signos de Alá ... Alá es rápido en ajustar cuentas” (Sura 3,19.20.85).

Según Raad Salam Naaman, católico iraquí, de rito caldeo, experto en islam:

“la historia del islam, desde su nacimiento, está atestada de violencia y guerra y se extendió por el ‘filo de su espada’, hasta el presente [...] Hay 255 versículos en el libro sagrado de los musulmanes que ordenan la violencia y la matanza, lo que no está permitido en cualquier otra religión, o en un mundo civilizado. Los musulmanes rezan cinco veces al día y repiten 17 veces una sura en la que critican a judíos y cristianos” [16], [17, p. 381].

Hay que tener en cuenta, además, que el perdón no existe en el Corán. Existe la misericordia como atributo divino. Y así no se puede construir una civilización de la misericordia [4]¹⁸. Las raíces existen, pero se debe ayudar a revisar el Corán y la Sunna porque no es muy habitual.

Las religiones, *per se*, no son fanáticas, pero habitualmente son utilizadas para fanatizar a la gente. Por ejemplo, en Egipto destruyen las iglesias porque dicen que Egipto es una tierra islámica; impiden la construcción de nuevos templos no islámicos por la misma razón, aunque haya permiso del presidente del país. Hay otros ejemplos donde se vive un islam de tolerancia, como es el caso de Asia Central, pero en muchos otros lugares hay un conflicto teñido de religión o de odio religioso cuando en realidad es una lucha interna de carácter étnico o un problema mayoría-minoría.

Siguiendo con la manipulación de la religión con fines violentos, es sabido que los yihadistas usan la *ta-qiyya* [18], la simulación, el engaño, viven de una manera disoluta para no despertar el recelo y la sospecha de las personas que tienen alrededor. Si mostraran rasgos de radicalización podrían hacer saltar todas las alarmas, pero si beben alcohol, no ayunan durante el Ramadán, van vestidos al estilo occidental o incluso consumen drogas y acuden a la prostitución, alejan de sí toda sospecha de radicalismo yihadista. Según ellos, el Corán afirma que es lícito engañar al enemigo para hacer la yihad.

Los yihadistas del *Daesh* piensan que si mueren en acto de combate irán directamente al paraíso. Los muyahidines son combatientes voluntarios o pagados (mercenarios), gente que hace propaganda. Hacia 2014 lanzaron la yihad de las mujeres jóvenes, que eran remuneradas para mantener o por ayudar — incluido en el aspecto sexual — a los hombres que hacen la yihad. Estas mujeres son conocidas como “*mu-jahidad*”, una palabra que no existía en árabe clásico, una palabra inventada para describir esta nueva situación.

El número dos de Al Qaeda, Ayman Al Zawahiri, después de suceder a Bin Laden, comenzó a pagar a los yihadistas. La yihad primitiva no se pagaba pues los yihadistas luchaban por sus ideales. Sin embargo,

¹⁵ “Combatid por Dios contra quienes combatan contra vosotros, pero no os excedáis. Dios no ama a los que se exceden” (sura 2, 190).

¹⁶ “¿Por qué no queréis combatir por Dios y por los oprimidos -hombres, mujeres y niños-, que dicen: “ ¡Señor! ¡Sácanos de esta ciudad, de impíos habitantes! ¡Danos un amigo designado por Ti! ¡Danos un auxiliar designado por Ti!?” (Sura 4, 75).

¹⁷ “¡Creyentes! ¡Combatid contra los infieles que tengáis cerca! ¡Qué os encuentren fuertes! ¡Sabad que Alá está con los que le temen!” (Sura 9,123). Ver también dice: “Cuando vuestro Señor inspiró a los ángeles: Yo estoy con vosotros. ¡Confirmad, pues, a los que creen! Infundiré el terror en los corazones de quienes no crean. ¡Cortadles del cuello, pegadles en todos los dedos! No erais vosotros quienes les mataban, era Alá quien les mataba” (sura 8,12.17).

¹⁸ No obstante, en algunas ocasiones, los dirigentes políticos han perdonado a algunos presos, como medida de gracia extraordinaria. Ver, por ejemplo, [4].

para atraer a más jóvenes, pagan a buen precio a aquellos que lanzan un ataque. Es cierto que en el Corán hay un capítulo dedicado al botín (sura 8), el “*anfeh*”, según el cual quien lucha por Dios tiene derecho al botín. Ese botín tenía un sentido material (oro, plata, dinero, joyas), pero también humano, es decir, que se asesinaba a los varones y se tomaba a las mujeres como esclavas. Mahoma mismo hizo esto en más de 60 razias. Tras la primera razia que hizo, él tomó una quinta parte del botín; es un privilegio del Corán. Ni Mahoma ni su familia podían recibir limosnas pues este tema era considerado impuro; sin embargo, recibían el *khums*, es decir, la quinta parte del botín de guerra, y el *fay*, los bienes de la comunidad musulmana que no procedían de las victorias en batallas.

No obstante, hay que decir que no está escrito en el Corán qué hacer con el resto del botín, eso pertenece a las diversas tradiciones islámicas. El último ejemplo, trágico, de este tipo de botín es lo que ha hecho el *Daesh* con los yazidíes: han asesinado a los hombres, después de torturarlos de diversas maneras, y después han vendido a las mujeres como esclavas sexuales; su precio variaba en función de su edad, existiendo incluso una lista de precios donde las niñas de hasta 9 años eran las más caras mientras que las mujeres de más de 50 años eran las menos costosas. Hay que decir también que algunas han sido vendidas para ser depositadas por árabes ricos.

4. Islam y modernidad

Se podría decir que existe un auténtico enfrentamiento con el mundo moderno, con lo que representa la modernidad. Una sociedad neutral en lo que respecta a la religión — lo que se suele denominar “sana laicidad” — es una utopía en el mundo islámico. Si el islam no acepta esto, siempre estará en conflicto consigo mismo y con las demás formas de pensar ya que los musulmanes sólo quieren la libertad para ellos mismos. Ahí está el ejemplo del Líbano, que es un país árabe pero no islámico; si un hombre no ayuna en Ramadán, no sucede nada, no tiene implicaciones legales. Pero en Marruecos o en Libia, si un cristiano no observa el Ramadán puede ser multado o incluso mandado al calabozo para que aprenda cómo se debe comportar en un país musulmán.

Aquí se ve un gran enfrentamiento entre tradición y modernidad. La modernidad hoy viene de Occidente, toda la tecnología proviene del occidente no islámico. Si se borrara todo lo que viene del mundo no islámico — como desean los fundamentalistas — no se podría vivir en Egipto, por ejemplo.

Hasta la mitad del s. XX Occidente aparecía como cristiano. Aunque se le criticaba a comienzos del s. XX, en realidad no era muy distinto al islam en cuanto a los valores éticos o en el modo de concebir el bien y el mal. Sin embargo, en la actualidad Occidente ya no es más cristiano, es más bien ateo o incluso anticristiano. Hoy la modernidad aparece como atea, como una forma de ateísmo, y eso ha reforzado todo el movimiento fundamentalista; por supuesto, no es lo mismo decir que el fundamentalismo ha tomado ese dato para reforzarse que decir que Occidente ha creado el fundamentalismo.

En los orígenes del pensamiento fundamentalista están los Hermanos Musulmanes, corriente de pensamiento más rigorista que los demás musulmanes, cuya radicalización vino de la mano de Sayyid Qutb, un egipcio que viajó en los años '50 a Estados Unidos. Los dos años que vivió allí le impresionaron hondamente pues contempló una sociedad occidental disoluta, alejada de Dios, atea. Después, volvió a Egipto para escribir sus libros¹⁹, muy radicales, y acabó siendo condenado a muerte por Nasser y posteriormente ejecutado en la horca en 1966. Esta tendencia más radical de Qutb aún se difunde hoy. Aquí el drama viene del hecho de que todo lo meten bajo el mismo título, todo es o musulmán o no-musulmán, son las dos únicas categorías que existen, y por lo tanto la modernidad entraría dentro de la categoría de no-musulmán y es un mal porque proviene del Occidente no-musulmán. Ellos se defienden diciendo que toman de Occidente sólo lo material (el coche, el avión, la radio, el ordenador) pero no toman la ideología de Occidente, como si se pudiese distinguir radicalmente entre el pensamiento y la cultura que crea una cosa y el producto que ha sido creado por esa cultura; todo va unido. Llegan al punto de decir que aceptan los productos del s. XXI de Occidente, pero para volver al modo de pensar y de vivir del desierto de la Arabia del s. VII. Y ese es el drama fundamental para este grupo y hasta que no afronten este problema, no habrá una solución duradera.

Como se ha dicho antes, existen algunos pensadores laicos que han superado este corsé ideológico y han ido más allá. Por otro lado, en Europa, algunos pensadores musulmanes parece que han recorrido un camino de tolerancia, pero sólo lo han hecho en apariencia pues intentan justificar al islam cuando surge un problema, esgrimiendo el argumento de que todas las religiones tienen sus problemas, no sólo el islam. En realidad, no son críticos del Islam sino apologetas, cuyo objetivo no es explicar qué sucede sino siempre justificar y

¹⁹ Sus obras más importantes son “Justicia Social”, “*Ma'alim fi al-Tariq*” (Piedras miliare) y, su gran obra “*Fi Zilal al-Quran*” (en la sombra del Corán), un conjunto de 30 volúmenes de comentarios sobre el Corán.

defender al islam, aduciendo que es una cuestión de tiempo, que es un proceso lento que tiene sus *tempos*.

Un aspecto concreto en el que se ve este enfrentamiento entre islam y modernidad se da en los jóvenes de segunda o tercera generación de inmigrantes de origen musulmán. ¿Deben las mujeres llevar velo? ¿Pueden ir las jóvenes a la Universidad? Parece obvio que, si desean vivir en Francia, por ejemplo, deben aceptar que deben vivir como se vive en Francia; es difícil vivir en Francia como se vive en Egipto. No se trata de forzar las conciencias de estos jóvenes, obligarles a hacer algo que vaya contra su religión. A propósito de esto, hay que hacer una delimitación clara entre lo que es estrictamente un mandato religioso y una costumbre social o una tradición — que refleja el modo de vivir de Arabia en el s. VII —. Por ejemplo, no parece que se pueda imponer que una pareja de jóvenes musulmanes deba tener relaciones sexuales prematrimoniales, pero sí parece lógico que se les obligue a aceptar que otras parejas puedan demostrar su afecto en público — entiéndase, dentro de unos límites razonables —. Para estas generaciones, hijos o nietos de inmigrantes, es imprescindible que aprendan la lengua del país que les ha acogido, porque sin aprender el idioma siempre se será “de segunda clase”; si desean integrarse, el primer paso es aprender el idioma. Eso no implica que se deba aceptar todo lo que la cultura francesa — por seguir con el mismo ejemplo — ofrece, pero se debe reflexionar acerca de qué está bien y qué está mal, no acerca de qué es acorde con las tradiciones islámicas y qué no. El problema aquí es que no se hace la distinción entre fe y tradición, sino que todo deviene islam.

Otro ejemplo recurrente es el poder comer o no carne de cerdo. ¿Cuál es la raíz de esta prohibición? ¿Por qué está escrito en el Corán? ¿Se mantienen a día de hoy los condicionantes que llevaron a introducirlo en la categoría de animal impuro? Por eso, se debe reflexionar por qué se hace, si es por motivo médico o higiénico. Se sabe que en Arabia hubo una epidemia que afectó al ganado porcino en la época de Mahoma y por eso se prohibió. Son usos, costumbres, pero la ciencia puede ayudar a descubrir si hay motivos objetivos que favorezcan o desaconsejen el consumo de carne porcina. El hombre tiene derecho a hacerse preguntas para reflexionar, también sobre la religión.

Algo relacionado con esto último de la reflexión, y que es de suma importancia, es que no existe una auténtica filosofía dentro del islam, no hay un verdadero discurso filosófico. Hay un discurso social, político, económico, pero no filosófico. No obstante, sí es cierto que es posible encontrar en el Corán algunos pensamientos comunes a toda la humanidad — “quien mata a un hombre mata a la humanidad entera”, por ejemplo — pero no hay un verdadero desarrollo filosófico.

6. Posibles vías de salida a la violencia yihadista

La situación en Irak y Siria es desesperante. Aunque ya se ha dado por vencido al Estado Islámico, aún sigue habiendo muchos frentes de batalla, muchos reductos donde el *Daesh* sigue siendo fuerte. Como se sabe, en los años anteriores, todos los civiles o huyeron o fueron utilizados con fines propagandísticos: a los hombres se les decapitaba y a las mujeres se las esclavizaba. Así era en tiempos de Mahoma. Todos debían ser asesinados. Los no musulmanes o se convertían o debían ser asesinados. Las mujeres, ya que no participaban en la batalla, eran consideradas directamente botín de guerra y podían ser vendidas como esclavas. Por eso hay toda una jurisprudencia islámica acerca de cómo usarlas, incluso desde el punto de vista sexual. En efecto, aunque el Corán es un texto sagrado es también un código de conducta y por eso entra en cuestiones sociales, económicas o políticas. Por eso, para leer bien el Corán, la jurisprudencia es la ciencia fundamental con la que interpretar el texto sagrado, porque permite mantener el texto humanizando ciertas cosas.

Lamentablemente no existe un magisterio auténtico en el islam, no hay una voz universal que imponga su autoridad sobre todo el mundo islámico. Cuando hay que hacer una interpretación es porque no se entiende bien el sentido, el significado de una palabra; esto sucede a menudo porque el árabe en el que está escrito el Corán no es un árabe normal sino culto y por lo tanto sólo está al alcance de unos pocos, sólo algunos pueden entenderlo a profundidad. No obstante, suele haber una interpretación más o menos común; el problema viene cuando hay una palabra, una frase o un pensamiento sobre la que hay una interpretación tradicional pero también aparecen interpretaciones más personales. Ya que la interpretación, la hermenéutica, no ha sido sistematizada y se ha perdido durante siglos, se encuentran varios modos de entender esos pensamientos.

En la época medieval sí se hacía hermenéutica, pero hoy es más bien algo extraño. Hay excepciones, autores laicos que hacen otra interpretación, como el argelino Muhammad Arkoun, muerto en 2010. O el caso de Nasr Abu Zayd, profesor egipcio, muerto en 2010; los tribunales egipcios obligaron a su mujer a divorciarse de él pues sus escritos, según la Universidad de Al Azhar, demostrarían que era un apóstata y, por lo tanto, ya no era musulmán — cuando lo desposó era musulmán, pero ahora era un pagano y, por

lo tanto, no podía convivir más con él — y los dos tuvieron que huir a Holanda, llegando a enseñar en la Universidad de Leiden. O como el sociólogo argelino Khaled Fouad Allam, muerto en Roma en 2015, que ayudó a repensar el islam.

¿A qué puede deberse esta falta, esta ausencia de librepensadores en el islam? ¿Es una cuestión estructural o se trata de una situación coyuntural? Las respuestas a estas preguntas tendrían un denominador común: el Corán debe ser aprendido de memoria, en su lengua original, con su pronunciación original; es una religión basada en la memoria, no en la reflexión. Sólo importa qué dice el Corán, no qué quiere decir el Corán. De esta manera, cuando un imán quiere justificar una cosa, toma el Corán o lo cita de memoria. Por eso comienzan a una edad muy temprana (4 o 5 años) a aprenderse de memoria los cientos de páginas del Corán. Llenan su mente con sólo Corán; el resto del saber les importa bastante menos. En este caso, no se necesita la reflexión, basta con citar el pasaje preciso, adaptado a la situación o circunstancia que tengo delante.

En el islam basta con citar un dicho de Mahoma o bien la interpretación de alguien famoso. Es un claro abuso del argumento de autoridad, que no sirve para elaborar todo un razonamiento más complejo sino para sentenciar, para exponer frases irrefutables. Si surgen contradicciones entre diversas interpretaciones, no importa, porque uno toma una posición — la que sea — citando. De esta manera, el discurso del imán será siempre apologetico, en el sentido tradicional del término.

Aunque pudiera parecer a primera vista que la hermenéutica es muy importante, la verdad es que no existen escuelas de hermenéutica sino sólo escuelas para aprender de memoria qué se ha dicho, de manera que se copian unos a otros constantemente. No existe, por ejemplo, una crítica literaria o histórica del texto sagrado. Éste es intocable. Perfecto. En la Edad Media sí existieron esas interpretaciones y esas críticas, de manera que ya desde entonces se elaboró todo un pensamiento sobre cómo sería el paraíso y por qué Mahoma lo describe de aquella manera. Se dieron cuenta de que la forma de describir el paraíso era simplemente aquello con lo que podría soñar un beduino del desierto arábigo del s. VII (oasis, palmeras, frutos frescos, ríos de agua fresca y pura ...). por ejemplo, habla de que no será necesario cansarse mucho para coger la fruta, que estará siempre disponible y fresca, madura, al alcance de la mano; aquí se introduce el término *hurí*, que habitualmente se han identificado con jóvenes vírgenes pero que en realidad se refiere a un tipo de uva blanca.

Un ejemplo de crítica histórica se aplica en el caso de Avicena (Ibn Sina). Este Ibn Sina, nacido en Bujara (actual Uzbekistán) hacia el 980, fue un médico discípulo de un famoso monje cristiano nestoriano, Abu 'l-Faraj ibn al-Tayyib, que murió en el 1043. Avicena escribió un libro sobre lo que se podía encontrar en el más allá, más allá de la muerte, basándose en el Corán; en él, afirma que, con la muerte, el cuerpo perece y es el alma el que vive, y por tanto no habrá cuerpo en el paraíso, será un más allá incorpóreo. De esta manera, todas esas descripciones del paraíso que evocan a un “paraíso beduino”, capaz de despertar la ilusión en un beduino del desierto arábigo del s. VII, son meras metáforas y así habría que entenderlas. Es un discurso lleno de lógica y subraya el mensaje metafórico y espiritual de ese paraíso. Sin embargo, en la actualidad, lo que encontramos son centenares de interpretaciones que giran en torno a la materialidad de estos elementos del paraíso. Lo utilizan, por ejemplo, para atraer a nuevos combatientes, con el aliciente de conseguir una cantidad de vírgenes esperándoles en el paraíso si mueren en combate. Por lo tanto, en ese punto, el islam ha retrocedido mil años.

Uno de los adelantos en el campo de la interpretación del Corán es la aplicación de la crítica literaria e histórica al estudio de las suras. Así, tradicionalmente, el Corán se ha dividido en suras mecánicas, medinesas y mixtas. Según la tradición islámica, el año 610 marcó el inicio del mensaje de Mahoma cuando se retira a una montaña y allí se le aparece el arcángel Gabriel. Después, marchó a Medina, donde su predicación no tuvo una buena acogida y sólo una decena de personas le siguen, la mayoría no le tomó en serio. Esa es la razón por la que en el año 622, buscando despistar a sus perseguidores, se fuga de La Meca a Yatrib — la actual Medina —, que distan unos 350 Km, en lo que se conoce como hégira (هجرة, *hégira*, “emigración” en árabe), que marcó el inicio del calendario musulmán. Las suras que son más espirituales se corresponderían, precisamente, a la etapa mecánica, a su primera predicación. Por otro lado, las suras medinesas se corresponderían con esa época posterior a esa huida y la consiguiente construcción del estado islámico (la época situada entre el 622 y el 632). Serían, por tanto, capítulos de contenido más agresivo, más violento, más guerrero. En ese periodo llevó a cabo ataques — razias — contra caravanas y tribus. Es el periodo más guerrero, con textos más violentos, donde Dios le inspira para combatir. Aunque se dice en una parte del Corán que “no hay constricción en materia religiosa” (versículo del periodo mecánico), dice muchas veces más “matadles allí donde se encuentren...”, siendo este uno de los versículos que más se repiten en el Corán. Así, los islamistas buscan engañar a los ignorantes, confiados, diciendo que el islam es una religión de paz. Por último, algunos capítulos son considerados mixtos, pues algunos versículos fueron introducidos posteriormente.

7. Conclusiones

Los atentados de agosto de 2017 en España pusieron de manifiesto una vez más que el mensaje religioso es transformado en ideología o incluso en pura palabrería para enmascarar una serie de deficiencias psicológicas y personales que son capaces de justificar la violación de preceptos del propio islam con tal de alcanzar los objetivos de una organización superior con aires de grandeza. El hecho de que el cabecilla de la trama fuera un imán no quiere decir que el mensaje del islam justifique tales acciones; sólo que él manipuló los versículos que más le interesaban para coordinar los ataques, ofreciendo recompensas futuras a sus seguidores.

Paradójicamente, el fanatismo de aquellos jóvenes de origen magrebí encontró en la sociedad catalana una respuesta curiosa: el “manual” dice que toda la sociedad, ante un atentado de esas características, tiende a la unidad; sin embargo, la primera reacción de solidaridad pronto se vio empañada por el “procés” separatista y empezaron a proliferar mensajes con doble sentido (“no tinc por”, no tengo miedo) situando al mismo nivel a los asesinos y al estado español. Esto se puso de evidencia cuando, la primera vez que un rey de España asistía a una manifestación, los organizadores de la marcha colocaron oportunamente, justo detrás del monarca, la pancarta que vinculaba a Felipe VI con la venta de armas al reino saudí.

Como se ha podido comprobar a lo largo de este artículo, el islam no es una realidad monolítica, sino que es muy compleja. Además, no es fácil afrontar la problemática planteada por los ataques terroristas de origen yihadista. Se podrían señalar multitud de factores históricos, sociales, culturales o religiosos que estarían en la base de la argumentación con la que se intenta explicar el origen de dicho terrorismo.

Aquí se ha señalado como fuente principal de este yihadismo la (errónea) interpretación del Corán y de los demás textos sagrados. Se ha procurado separar con nitidez que una cosa es el mensaje religioso y otra la instrumentalización ideológica o política que se quiera hacer de dicho mensaje. En el islam, la gran dificultad viene precisamente de que es una religión social fundada por alguien que fue a la vez líder religioso y caudillo militar.

Por eso, los autores, ante la cuestión de cómo resolver la violencia en el islam, hemos señalado que la principal vía de solución debe venir de los propios musulmanes, que retomen la vieja tradición del mutazilismo. Dicha corriente no es ajena sino que es originaria de la historia del pensamiento islámico y favorecía la interpretación no literal sino literaria de algunos pasajes del Corán. De esta manera, se podrían adaptar a los tiempos actuales sin traicionar la esencia del mensaje religioso.

La corriente representada en un pasado por los mutazilíes y que supuso una edad dorada para el desarrollo intelectual del islam, puede ser retomada hoy con pensadores que, desde dentro del propio islam, se atrevan a repensar su religión sobre la base de una crítica histórica y literaria de sus textos sagrados, tal y como ha hecho el cristianismo.

Literatura

1. “Cómo funciona el sistema religioso de ISIS para secuestrar, vender y violar mujeres”, *Infobae*, 14 Agosto 2015, en URL: <http://www.infobae.com/2015/08/14/1748294-como-funciona-el-sistema-religioso-isis-secuestrar-vender-y-violar-mujeres/>
2. “Documento sobre la fraternidad humana por la paz mundial y la convivencia común”, en URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/es/travels/2019/outside/documents/papa-francesco_20190204_documento-fratellanza-umana.html
3. “Egyptian President Al-Sisi At Al-Azhar: We Must Revolutionize Our Religion”, *MEMRI TV*, 1 de enero de 2015, en URL: <https://www.memri.org/tv/egyptian-president-al-sisi-al-azhar-we-must-revolutionize-our-religion>
4. “Ex miembro de los Hermanos Musulmanes ‘desenmascara la verdad’ de la organización”, *Atalayar*, 23 de junio de 2019, en URL: <http://www.atalayar.com/content/ex-miembro-de-los-hermanos-musulmanes-%E2%80%98desenmascara-la-verdad%E2%80%99-de-la-organizaci%C3%B3n>
5. Alonso Marcos, Antonio: “Terrorismo, yihadismo y crimen organizado en la Estrategia Global de Seguridad de la UE”, *Revista UNISCI*, nº 42 (Octubre, 2016).
6. Armstrong, Karen (2014): *El Islam*. Madrid, Debate.
7. Armstrong, Shawn (2016): *Islam, a Religion of Peace: An Inconvenient Truth*. Lulu.com, pp. 55–58.
8. Aznar Fernández, Federico: “Aproximaciones al fenómeno del terrorismo”, *IEEE*, 10 Marzo, 2015.
9. Caspar, Robert: “Le renouveau du Mo’tazilisme”, *Mlanges de l’Institut Dominicain d’Etudes Orientales du Caire* (MIDEO), nº 4, 1957, Cairo.
10. Cortés, Julio (1986): *El Corán*. Barcelona, Herder.
11. Cruz Hernández, Miguel: “De la poca realidad al mucho deseo”, *Anaquel de Estudios Árabes*, VII (1996), p. 266.

12. Gaudefroy-Demombynes, Maurice (1990): *Mahoma*. Madrid, Akal Universitaria.
13. Gómez García, Luz: “Nasr Hamid Abu Zayd, intelectual egipcio renovador del islam”, *El País*, 10 Julio 2010.
14. Kneale, Matthew (2013): *Historia de las creencias (contada por un ateo): Cómo comprender nuestro invento más extraordinario*. Madrid, Taurus.
15. Menéndez del Valle, Emilio (1997): *Islam y Democracia en el mundo que viene*. Madrid, Catarata, pp. 41–42.
16. Salam Naaman, Raad: “¿Qué dice el Islam de nosotros los no-musulmanes, los judíos y cristianos?”, *Religión en Libertad*, 23 Junio 2014, en URL: <http://www.religionenlibertad.com/que-dice-el-islam-de-nosotros-los-nomusulmanes-los-judios-y-36265.htm>
17. Salam, Raad: “Yihadismo: la nueva amenaza totalitaria mundial”, en Navarro, Fernando; Sichar, Gonzalo y Cuerda, Esther (Coords.) (2018): *El delirio nihilista*. Madrid, CITMA Última Línea, p. 381.
18. Yitzhak, Eduard: “Taqiyya, mentir en nombre de Alá”, *GEES*, 19 de febrero de 2019, en URL: <http://www.gees.org/articulos/taqiyya-mentir-en-nombre-de-ali>

Авилова А. В.

Агнесса Викторовна Авилова,
канд. экон. наук,
ИМЭМО РАН, Россия.
avi@imemo.ru

Инвестиционное сотрудничество между Испанией и Китаем

Аннотация. В 2018 г. Испания и Китай подписали пакет инвестиционных соглашений, открывающих новый этап в их экономическом сотрудничестве. Обе стороны рассчитывают на развитие кооперации, в том числе в технологически передовых отраслях. Китай быстрыми темпами наращивает свое инвестиционное присутствие за рубежом. Однако наступательный характер его инвестиционной политики создает для стран ЕС определенные препятствия и риски, с которыми Испания вынуждена считаться.

Ключевые слова: Испания, Китай, прямые зарубежные инвестиции, Новый шелковый путь, технологии 5G.

Agnessa Aviliova

Investment cooperation between Spain and China

Abstract. In 2018, Spain and China signed a package of investment agreements opening a new stage in their economic cooperation. Both parties expect to develop production cooperation, including in technologically advanced industries. China is rapidly expanding its investment presence abroad. However, the offensive nature of its investment policy creates certain obstacles and risks for the EU countries, which Spain has to reckon with.

Keywords: Spain, China, foreign direct investment, New silk road, 5G technology.

Agnesa Aviliova

Cooperación inversionista entre España y China

Resumen. En 2018, España y China firmaron un paquete de acuerdos inversionistas, abriendo una nueva etapa en su cooperación económica. Ambas partes aspiran a desarrollar la cooperación, incluida la colaboración en sectores tecnológicamente avanzados. China está expandiendo rápidamente su presencia inversionista en el extranjero. Sin embargo, el carácter ofensivo de su política de inversión crea para los países de la UE ciertos obstáculos y riesgos con los que España tiene que contar.

Palabras clave: España, China, inversión extranjera directa, The New Silk Road, tecnología 5G.

В ноябре 2018 г. в ходе официального визита Си Цзиньпина Испания и Китай подписали около 20 соглашений о двустороннем сотрудничестве в ряде областей, включая сферу научно-технического сотрудничества и совместную деятельность на рынках третьих стран. Десять соглашений (на сумму 15,5 млрд евро) было заключено между испанскими и китайскими предприятиями [1]. Предусматривается участие в двустороннем сотрудничестве крупнейших испанских компаний и банков. Институт государственного кредита (ICO) и Банк Китая окажут финансовое содействие испанским компаниям в выходе их продукции на китайский внутренний рынок, а также в реализации инфраструктурных проектов в Китае. Намечено совместное участие испанской ТНК Abengoa и двух китайских компаний, ICBC и SEC, в сооружении в Дубае крупнейшей в мире электростанции, работающей на солнечной энергии. В декларации,

опубликованной по итогам визита, говорится о начале «стратегического» взаимодействия между двумя странами [2].

Подписание этих соглашений свидетельствует о том, что Испания наряду с другими промышленными странами Европы становится одним из перспективных объектов инвестиционной экспансии Китая.

Китай как инвестор

Китайская Народная Республика в кратчайшие исторические сроки превратилась из страны, импортирующей капитал для нужд своего ускоренного промышленного развития, в страну-экспортёра прямых инвестиций. За 2002–2018 гг. их годичный вывоз увеличился с 2,7 млрд долл. до 129,8 млрд (последняя цифра – оценка), то есть в 72,7 раза. Объем накопленных за рубежом китайских инвестиций вырос за 2000–2017 гг. с 27,8 млрд долл. до 1 482 млрд [3], или в 53,3 раза. Только в Европе за последнее десятилетие Китаем было вложено 318 млрд долл. [4]. Он стремительно сокращает разрыв с США в сфере зарубежного инвестирования, нарастив свою долю до 12,8 % – против 0,45 % в 2004 г. [5].

В 2017–2018 гг. вывоз китайского капитала замедлился: с одной стороны, правительство усилило контроль и противодействие спекулятивным финансовым операциям своих инвесторов, с другой – страны-реципиенты начали проявлять известную осторожность. Сказалось и резкое изменение внешнеэкономического курса США в сторону протекционизма. Однако возобновление инвестиционной экспансии Китая, по-видимому, не заставит себя ждать. Гигантская инициатива «Один пояс – один путь», провозглашенная Китаем в 2013 г., содержит развернутую стратегию евроазиатской интеграции путем инвестирования в развитие наземной и морской инфраструктуры: сооружение автодорог, портов, железнодорожных линий, промышленных парков, энергосетей и телекоммуникаций, в которое будет вовлечено около 70 стран Азии, Европы, Ближнего Востока и Африки с населением, составляющим более 2/3 населения земного шара [6]. Этот «Новый шелковый путь» предполагает – в перспективе – капиталовложения в объеме 900 млрд долл. [7]. По данным из околоправительственных экспертных кругов Китая, в течение ближайших 15 лет намечается инвестировать за рубежом 2 трлн долл. [8].

Инвестиционные потоки

До 2008 г. китайские инвестиции в Испании были незначительны. В последующие восемь лет их приток составил 4 млрд евро, наряду с приобретением активов на 10 млрд евро у испанских компаний в странах Латинской Америки [9]. С 2015 по 2019 гг. Китай удвоил темпы инвестиционной активности в Испании [10] и вошёл в десятку ведущих для нее стран-инвесторов.

Стоит отметить, что на предыдущем этапе китайский капитал часто приходил в Испанию непрямым путем – или через Гонконг, или через покупку или увеличение доли в капитале иностранных ТНК, имевших испанские филиалы. Примерами могут служить покупка Китаем итальянской компании Pirelli, увеличение его доли в EDP Portugal, приобретение французской гостиничной сети Louvre и др. Однако в последние годы все чаще объектами инвестиций становятся испанские предприятия.

Главным объектом инвестиционной экспансии Китая в Испании является инфраструктура, в которую вложено более 1 млрд евро. Второй важнейший сектор, куда пришел китайский капитал (900 млн евро) – недвижимость. Одним из каналов его проникновения стала программа «Золотая виза», которая предоставляла право жительства в Испании иностранным инвесторам при покупке недвижимости на сумму от 500 тыс. евро. По официальным данным, 1/3 «Золотых виз», выданных испанскими властями, пришлась на китайских инвесторов. Китай проявил интерес и к испанскому агропромышленному комплексу, инвестировав в него 525 млн евро посредством покупки нескольких крупных компаний [11].

Крупнейшие из уже осуществленных вложений – Grupo Miguel (пищевая промышленность), Barcelo Santiago de Tenerife и Edificio Espana (гостиничный бизнес), Madrilena del Gas (энергетика), Atletico de Madrid (футбольный бизнес) [12].

Одним из мотивов вложения средств в экономику Испании является для Китая возможность выхода не только на ее внутренний рынок, но и на рынки стран Латинской Америки, а также Европы. Большими достоинствами являются благоприятный инвестиционный климат в этой стране, ее географическое положение и качество внутреннего рынка (невысокие трудовые издержки) [12].

Испания тоже выступает как инвестор: в экономике Китая работает более 800 испанских предприятий с накопленным суммарным капиталом свыше 3 млрд евро. Сфера применения его довольно широка: производство автомобильных запчастей, управление водными ресурсами и отходами, цифровая экономика, логистика и транспорт, образование, санитарные услуги, промышленный дизайн, робототехника [13].

В Китае представлены крупнейшие испанские компании: Telefonica (0,59 % капитала государственной телекоммуникационной компании China Unicom), REPSOL, Inditex (588 торговых точек и 8,2 % общей прибыли группы), Tecnicas Reunidas (инжиниринг, около 20 проектов), ALSA (автобусный транспорт, более 500 направлений), Gamesa (производство турбин на 6 предприятиях и управление ветровыми ЭС в сотрудничестве с китайскими операторами), CEPSA (нефтехимия), Melia (5 отелей и сотрудничество с крупнейшим в Китае туристским агентством Strip), Gestamp (производство автомобильных запчастей на 11 предприятиях, 2 научно-исследовательских центра), El Corte Ingles (сотрудничество с Alibaba и Alipay). Их присутствие в Китае способствует развитию двусторонней торговли, оборот которой достиг в 2018 г. 33,2 млрд евро [14] (с хроническим дефицитом для Испании).

В рамках проекта «Новый шелковый путь» с ноября 2014 г. действует железнодорожное сообщение между Мадридом и торговым центром Йиву (Yiwu), обслуживающим китайские рынки в большом числе стран. Эта самая протяженная в мире линия (13 тыс. км) рассчитана на регулярное движение поездов, способных покрывать ее за 16 дней. Испания стала одной из 57 стран – основательниц Азиатского банка инвестиций в инфраструктуру, финансирующего глобальный китайский проект. Однако более детально ее позиция по вопросу об участии в «Новом шелковом пути» пока не определилась.

Отношение официальных кругов и населения Испании к проникновению в страну китайского капитала неодинаково. Правительства Народной партии и ИСПП стремились всячески его привлекать – ввиду объективной потребности в дополнительных финансовых ресурсах, особенно после кризиса 2008 г., рассчитывая на возможность более широкого выхода испанских товаров на трудно доступный для иностранцев китайский внутренний рынок. Испанская пресса в целом также позитивно оценивает его присутствие. Отмечаются, однако, плохое знание китайскими партнерами хозяйственного законодательства Испании, производственные неудачи отдельных компаний и злоупотребления, ставшие предметом разбирательства в испанском суде.

Широкие круги населения настроены несколько иначе. Согласно опросу, проведенному в 2015 г. Институтом Элькано, испанская общественность питает меньшее доверие к китайским инвесторам, чем к инвесторам из стран Европы и США. «Желательность присутствия» в стране иностранных компаний испанцы оценивали следующим образом (в процентах, первая цифра – положительное отношение, вторая – отрицательное): из Франции – 36/5, Германии – 48/6, США – 37/5, Великобритании – 23/4, Японии – 16/9, Китая же – 21/24. При этом 34 % респондентов полагали, что Китай как инвестор опережает другие страны на испанском рынке, тогда как на самом деле он занимал только десятое место. Иными словами, испанская среда с известной настороженностью воспринимает инвестиционную активность Китая [15].

Технологическое сотрудничество

Китай стремительно обретает статус современной технологической державы, бросая вызов США в ряде ведущих областей науки и техники. В 2017 г. он реформировал свою систему НИОКР. В стране действует 3 тыс. бизнес-инкубаторов и более 150 зон высоких технологий, в которых насчитывается около 400 тыс. малых и средних научно-технических предприятий. Инвестиции в НИОКР в 2017 г. составили 279 млрд долл. [8]. Промышленная стратегия «Made in China-2025» содержит 10 приоритетных секторов, развитие которых должно вывести китайскую экономику на ведущие позиции в мировом хозяйстве. Зарубежные инвестиции нацелены на приобретение передовых технологий и глобальных торговых марок.

В Китае имеется список отраслей, закрытых для иностранного инвестирования, хотя их число сокращается (с 36 в 2015 г. до 18 в 2017 г.), а также регулируемых: ограничивающих процент иностранного участия в капитале китайских компаний. Но в ряде отраслей (например, современные медицинские технологии) Китай стремится привлечь передовой иностранный опыт. На территории открытых торговых зон постепенно смягчаются ограничения для иностранного капитала.

Для Испании, как и для других европейских стран, возможности технологического сотрудничества с Китаем связаны с нахождением тех областей, где есть перспектива взаимодополняемости, взаимовыгодной производственной кооперации. Испания рассчитывает найти эти возможности в таких областях, как «зеленые» технологии, здравоохранение, агропромышленный комплекс, «экологическое» автомобилестроение (они указаны как приоритетные в действующем пятилетнем плане развития китайской экономики), а также инжиниринг, информационные сети нового поколения, новые материалы, биомедицина, выпуск авиадвигателей и газовых турбин, современные методы ведения аграрного производства.

Определенные возможности для Испании открывает сфера китайско-европейского (ЕС) технологического сотрудничества, имеющего правовую основу и инструменты поддержки, в частности, малого и среднего бизнеса в его операциях с Китаем. Возможно, среди прочего, участие Испании в производстве аэробусов в Китае. Широкое присутствие китайского капитала в странах Латинской Америки также может служить предпосылкой для его технологического взаимодействия с испанскими компаниями.

В 2013 г. Испания и Китай подписали соглашение о сотрудничестве в области НИР, но развернутого механизма для его реализации пока не создано [16].

Наступательный характер зарубежной инвестиционной деятельности Китая вызывает трудности в его взаимоотношениях со странами ЕС. В ноябре 2018 г. руководство Евросоюза после длительных дискуссий приняло решение контролировать приток инвестиций из «третьих стран» в ряд отраслей (называются энергетика, транспорт, связь, космос, финансы, здравоохранение, оборона, биотехнологии, СМИ, пищевые продукты, водоснабжение). Целью является защитить эти отрасли от «опасных» инвестиций, то есть от захвата контроля над ними, для чего страны-члены договорились поддерживать между собой информационно-консультационный контакт [17]. Опасения в отношении инвестиционной политики Китая особенно обострились после того, как он приобрел крупнейшего в ФРГ производителя роботов – компанию Kuka.

Предполагается в 2020 г. наделить Еврокомиссию правом «скрининга» иностранных капиталовложений через посредство специально созданного независимого органа, обладающего правом вето. В частности, имеется в виду функция защиты частного бизнеса от поглощения его крупными иностранными компаниями с государственным участием. ЕС, опасаясь растущего присутствия китайского капитала в стратегически важных отраслях, настаивает на соблюдении принципа взаимности не только в торговле, но и в технологическом сотрудничестве с Китаем [18].

В этой связи особое внимание привлекает проблема сотрудничества в сфере новейших технологий, и в частности использования в ЕС китайских телекоммуникационных технологий пятого поколения (5G). Они служат ключевым фактором начинающейся «четвертой промышленной революции», так как делают возможным беспрецедентное расширение объема и увеличение скорости передачи информации. Китайские компании Huawei и Zte контролируют, согласно оценке, от 25 % до 40 % технологий, критически важных для создания современных систем 5G. Считается, что из-за наличия в Китае государственного контроля над этими компаниями их внедрение в экономику европейских стран сопряжено с риском для национальной безопасности. Эта проблема вызывает дискуссию и порождает сильное давление на ЕС со стороны США, главного конкурента Китая в данной области.

Страны ЕС, в том числе Испания, вынуждены придерживаться в этом вопросе двойственной тактики. Отказ от сотрудничества с Китаем в сфере технологий связи был бы чреват отставанием на магистральном направлении технического прогресса и, в перспективе, конкурентными потерями. Допуск же Китая в эту сферу на основе двусторонних соглашений опасен ввиду явного неравенства договорных позиций и агрессивного характера китайской инвестиционной политики за рубежом. Поэтому Еврокомиссия, определив Китай как «стратегического конкурента и системного соперника», пытается выработать совместную тактику стран-членов для таких переговоров и одновременно ускорить процесс стандартизации технологий 5G в рамках ЕС, чтобы уменьшить степень его уязвимости [19].

Современный этап инвестиционного взаимодействия Испании с Китаем несет в себе новые возможности и риски. Возможности вытекают из процесса глобализации мирового рынка, открывающего перспективу нахождения разнообразных вариантов «нишевой» кооперации. Но в них же заложены и риски, связанные с огромной экономической и финансовой мощью Китая в сочетании с особенностями его инвестиционной экспансии.

Литература / References

1. *Del Barrio A.* Los inversores chinos que mandan en Madrid. — Режим доступа: <https://www.elmundo.es/Madrid/2018/12/08/5c07ac3a21efa0e57d8b47a7.html> [дата обращения: 12.09.2019].
2. Ciencia, tecnologia y jamon: Espana y China sellan una ventena de acuerdos en sectores estrategicos. — <https://actualidad.rt.com/actualidad/297220-espana-china-sellan-ventena-acuerdos> [accessed: 12.09.2019].
3. *Катасонов В.* Об экспорте китайского капитала. — Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2019/04/01/ob-eksporte-kitajskogo-kapitala-47906.html> [дата обращения: 14.09.2019].
4. How China is buying its way into Europe. — Mode of access: <https://www.bloomberg.com/graphics/2018-china-business-in-europe/> [date of reference: 16.09.2019].
5. China ha invertido en España más de 4000 millones de euros desde 2015. — Available at: https://www.abc.es/economia/abci-china-invertido-espana-mas-4000-millones-euros-desde-2015-201908180227_noticia.html [accessed: 16.09.2019].
6. *Cavestri L.* Piattaforma online di mediazione e arbitrato per la Belt and Road // *Il Sole 24 Ore*, 20.11.03.2019.
7. *Pelosi G.* La Via della Seta cinese spacca il governo italiano come la TAV // *Il Sole 24 Ore*, 7.03.2019.
8. *Щепин К.* Китай-2018: большой план большой экономики // *Российская газета*. Спецвыпуск № 7530 (67).
9. *Esteban M.* (ed.). China in Latin America: repercussions for Spain. V., 2015. Цит.по: Carril-Caccia F., Milgram-Baleix J. Inversiones directas chinas en España. — Mode of access: http://www.iberchina.org/files/2018-2/ide_china_esp.pdf [date of reference: 17.09.2019].
10. China ha invertido en Espana mas de 4.000 millones de euros desde 2015. — Available at: https://www.abc.es/economia/abci-china-invertido-espana-mas-4000-millones-euros-desde-2015-201908180227_noticia.html [accessed: 18.09.2019].
11. *Esteban M., Otero-Iglesias M.* Chinese investment in Spain: open for business, but not at any price. — Mode of access: www.iberchina.org/files/2018/inversiones-chinas-en-espana-ETNC.pdf [date of reference: 19.09.2019].
12. ¿Por qué las empresas chinas invierten en España? — Available at: <https://forbes.es/business/33731/las-empresas-chinas-invierten-espana> [accessed: 20.09.2019].
13. Las empresas españolas buscan nuevas oportunidades de inversión en China. — Available at: <https://www.camara.es/encuentro-en-shanghai-empresas-espanolas> [accessed: 21.09.2019].
14. ¿Qué grandes empresas españolas están presentes en China? — Available at: <https://www.lavanguardia.com/vida/20190607/462714309966/que-grandes-empresas-espanolas-estan-presentes-en-china.html> [accessed: 21.09.2019].
15. España y China: adiós a la sintonía? — Available at: <http://politica-cina.org/opch/areas/politica-exterior/analisis-politica-exterior> [accessed: 21.09.2019].
16. *Ortega A.* Cooperacion tecnologica entre Espana y China. — Available at: <http://www.iberchina.org/files/2018-2/Cooperacion-tecnologica-Espana-China.pdf> [accessed: 21.09.2019].
17. *Romano B.* Scudo Ue sugli investimenti esteri // *Il Sole 24 Ore*, 21.11.2019.
18. *Pelosi G.* La Cina fa paura, ora la Ue accelera sul golden power // *Il Sole 24 Ore*, 22.03.2019.
19. *Cardona N., Esteban M.* ¿Qué papel debe Jugar China en el desarrollo de la tecnología 5G en España? — Available at: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/comentario-cardona-esteban-que-papel-debe-jugar-china-desarrollo-tecnologia-5g-espana [accessed: 24.09.2019].

Баранов А. В.

Андрей Владимирович Баранов,
д-р полит. наук, д-р ист. наук, профессор,
зав. кафедрой политологии и политического управления
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
baranovandrew@mail.ru

Тенденции развития партийной системы Испании в контексте электорального цикла 2019 г.

Аннотация. Актуальность темы заключается в том, что партийная система Испании переживает серьёзные трансформации, изменяются позиционирование политических сил и их идеология, организационное строение. Национальные парламентские выборы проводятся четвёртый раз за четыре года, что уникально для стран консолидированной демократии. Тенденции развития Испании актуальны для кросс-национальных сравнений партийных систем. Материалы исследования – нормативно-правовые акты; заявления лидеров партий; предвыборные программы; результаты социологических опросов; статистические данные об итогах выборов. Методы исследования: системный анализ, синхронный сравнительный анализ, вторичный анализ итогов социологических опросов, картографирование поддержки партий. Результаты исследования показывают, что кризис партийной системы Испании своеобразен переходом от двухпартийной модели к модели умеренного плюрализма, ростом фрагментации, значительной волатильностью, зависимостью основных национальных партий от поддержки региональных партий. В электоральном цикле 2019 г. партийная система Испании – система умеренного плюрализма (5 ведущих акторов) с распущей ролью региональных партий, для создания правительства неизбежны прагматические коалиции. Экономический подъём 2014–2019 гг. повлиял на спад влияния “Unidos Podemos”, их электорат отчасти вернулся к ИСРП. На европейских и субнациональных выборах эти тенденции выражены ярче из-за формата избирательных систем и обособленности региональных партийных систем. Сохраняется тройственная структура электората, распределённого в основном между левоцентристами, правоцентристами и региональными националистами. Анализ итогов выборов и опросов доказывает обратно пропорциональную взаимосвязь между уровнем поддержки ИСРП и «Унидос Подемос» в левоцентристском сегменте, уровнем поддержки Народной партии, «Граждан» и “Vox” – в правоцентристском лагере. Влияние партий крайне неравномерно по автономным сообществам, неравномерность возрастает. Прогнозируется усиление нестабильности партийной системы вследствие роста влияния новых партий и неразвитости культуры парламентских коалиций. Этот процесс повышает шансы каталонских националистов. Назревает коренная реформа политической системы Испании, запрос на реформу высказывает в наибольшей мере электорат левых партий.

Ключевые слова: партийная система, Испания, тенденции развития, электоральный цикл 2019 г.

Andrey Baranov

Tendencias de desarrollo del sistema de partidos de España en el contexto del ciclo electoral 2019

Resumen. Relevancia del lema: el sistema de partidos de España está experimentando serias transformaciones, el posicionamiento de las fuerzas políticas y sus ideologías, la estructura organizativa está cambiando. Las elecciones parlamentarias nacionales se celebran por cuarta vez en 4 años, lo cual es exclusivo de los países de democracia consolidada. Las tendencias de desarrollo de España son relevantes para las comparaciones transnacionales de los sistemas de partidos. Materiales de la investigación: actos jurídicos reglamentarios; declaraciones de los líderes del partidos; programas preelectorales; resultados de encuestas de opinión; estadísticas sobre resultados electorales. Métodos de investigación: análisis sistemático, análisis comparativo sincrónico, análisis secundario de los resultados de las encuestas de opinión, mapeo del apoyo del partidos. Resultados del estudio: la crisis del sistema de partidos en España es peculiar a la transición de un modelo bipartidista a un modelo de pluralismo moderado, mayor fragmentación, volatilidad significativa y la dependencia de los principales partidos nacionales del apoyo de los partidos regionales. En el ciclo electoral de 2019, el sistema de partidos de España es un sistema de pluralismo moderado (5 actores principales) con el creciente papel de los partidos regionales, las coaliciones pragmáticas son inevitables para crear un gobierno. La recuperación económica de 2014-2019 influyó en la disminución de la influencia de "Unidos Podemos", su electorado regresó parcialmente al PSOE. En las elecciones europeas y subnacionales, estas tendencias son más pronunciadas debido al formato de los sistemas electorales y al aislamiento de los sistemas de partidos regionales. La estructura triple del electorado se conserva, distribuida principalmente entre los partidarios de centro izquierda, centro-derecha y los nacionalistas regionales. Un análisis de los resultados de las elecciones y las encuestas demuestra una relación inversamente proporcional entre el nivel de apoyo para el PSOE y "Unidos Podemos" en el segmento de centro izquierda, el nivel de apoyo para el Partido Popular, "Ciudadanos" y "Vox" en el campo de centro-derecha. La influencia de los partidos es extremadamente desigual en las comunidades autónomas, y su desigualdad está aumentando. Se prevé que la inestabilidad del sistema de partidos aumente debido a la creciente influencia de los nuevos partidos y la cultura subdesarrollada de las coaliciones parlamentarias. Este proceso aumenta las posibilidades de los nacionalistas catalanes. Se está gestando una reforma radical del sistema político de España; el electorado de los partidos de izquierda expresa la mayor demanda de reforma.

Palabras clave: sistema de partidos, España, tendencias de desarrollo, ciclo electoral 2019.

Andrey Baranov

Spain's party system development trends in the context of the electoral cycle 2019

Abstract. The topicality of the article is that the party system of Spain is undergoing serious transformations, the positioning of political forces and their ideologies, the organizational structure are changing significantly. National parliamentary elections are held for the fourth time in 4 years, which is unique to the countries of consolidated democracy. Trends in the development of Spain are relevant for cross-national comparisons of party systems. Methods - systems approach, synchronous

comparative analysis, a secondary analysis of the results of opinion polls, mapping of party support in the elections. Materials: regulations; statements by party leaders; pre-election programs; results of sociological surveys; statistics on the results of elections. Results: The crisis of the party system in Spain is peculiar to the transition from a bipartisan model to a model of moderate pluralism, increased fragmentation, significant volatility, and the dependence of the main national parties on the support of regional parties. In the electoral cycle of 2019, the party system of Spain is a system of moderate pluralism (5 leading actors) with the growing role of regional parties, pragmatic coalitions are inevitable for creating a government. The economic recovery of 2014-2019 influenced the decline in the influence of "Unidos Podemos", their electorate partially returned to the PSOE. In European and subnational elections, these trends are even more pronounced due to the format of electoral systems and the isolation of regional party systems. The threefold structure of the Spanish electorate, distributed mainly among left-leaning centers, center-right and regional nationalists, is preserved. An analysis of the statistical results of the elections and questionnaires proves an inversely correlated relationship between the level of support for the PSOE and "Unidos Podemos" in the center-left segment, and the level of support for the People's Party, "Citizens" and "Vox" in the center-right camp. The influence of parties is extremely uneven across autonomous communities, and unevenness is increasing. The increase in the instability of the party system in Spain is predicted due to the growing influence of new parties and the underdeveloped culture of parliamentary coalitions. This process increases the chances of Catalan nationalists. A radical reform of the political system of Spain is brewing; the electorate of the left parties expresses the greatest demand for reform.

Keywords: party system, Spain, development trends, 2019 electoral cycle.

Актуальность исследования. Партийная система Испании переживает серьёзные трансформации, весомо изменяются позиционирование политических сил и их идеологемы, организационное строение. В Испании проведены уже четвёртые национальные парламентские выборы за четыре года, что уникально для стран консолидированной демократии. Электоральный цикл 2019 г. своеобразен близостью во времени выборов в Европарламент, Генеральные кортесы Испании, региональные и муниципальные органы власти. Тенденции развития партийной системы Испании актуальны для кросс-национальных сравнений партийных систем, поскольку сходные процессы развиваются во многих странах Запада.

Цель статьи – выявить тенденции развития партийной системы Испании в электоральном цикле 2019 г.

Материалы исследования: нормативно-правовые акты; заявления лидеров партий; предвыборные программы; результаты социологических опросов, проведённых социологической службой «Метроскопия», Центром социологических исследований; статистические данные об итогах выборов национального и регионального уровней. Источники систематизированы и интерпретированы на интервале 2015–2019 гг.

Методы исследования – системный подход, синхронный сравнительный анализ. На основе системного подхода выявлены институциональные и социокультурные параметры партийной системы, выяснены уровень влияния и позиционирование основных политических партий. Синхронный сравнительный анализ обеспечил установление сходств и различий предвыборных партийных программ, позиционирования партий в политическом процессе Испании. Применён закон М. Дюверже, раскрывающий взаимосвязь между типом избирательной системы и партийной системы. Использована модель социальных размежеваний С. М. Липсета и С. Роккана, объясняющая долгосрочные различия электоральных ориентаций. Прикладные методы анализа – вторичный анализ итогов социологических опросов. Проведено картографирование поддержки партий на выборах в Генеральные кортесы (апрель 2019 г.) и Европейский парламент (май 2019 г.), выявлены ареалы повышенной и сниженной поддержки партий. Вторичный анализ итогов опросов позволил установить социальную базу партий.

Степень разработанности темы статьи. Системные исследования партийной системы Испании провели А. Хиль-Торрес [1, р. 81–100], С. М. Хенкин [2, с. 85–110], В. Л. Верников [3, с. 134–138]. Факторы кризиса партийной системы определяют Х. Рама Кааманьо и А.-М. Рейнерс [4, р. 403–423], О. Санчес Муньос [5, р. 237–260]. Новым направлением стал

анализ политики леворадикальной партии «Подемос». Исследователи стали уделять больше внимания, чем прежде, анализу региональных партий. Малоизученными остаются новейшие тенденции развития партийной системы Испании и её территориальная неоднородность.

Изложение результатов исследования. Гипотеза такова: в условиях информационного общества партийные системы переживают кризис представительства социально-групповых интересов, целеполагания, технологий позиционирования и достижения общественной поддержки. Кризис партийной системы Испании своеобразен переходом от двухпартийной модели к модели умеренного плюрализма, ростом фрагментации, значительной волатильностью, зависимостью основных общенациональных партий от поддержки региональных партий.

В период демократического транзита в Испании сформировалась «несовершенная» двухпартийная система, более 80 % мест в Генеральных кортесах неизменно делили между собой Народная партия и ИСРП. Партии получают государственное финансирование. По Конституции 1978 г. и Органическому закону 2002 г. «О политических партиях», регистрация партий заявительная. Нижняя палата парламента — Конгресс депутатов избирается по закрытым партийным спискам, с низким заградительным барьером в 3 %. Мандаты распределяются по формуле д'Ондта, что даёт преимущество первой и второй по влиянию партиям. Прямые выборы большинства членов Сената (208 из 256 человек) проводятся одновременно с выборами депутатов нижней палаты. По А. Г. Орлову, число голосов для получения депутатского мандата в нижней палате колеблется по автономным сообществам в 5,15 раз (выигрывают малые по населению регионы, проигрывают крупные). Расхождение между набранными голосами и получаемыми мандатами в Генеральных кортесах — 8,15 %, что беспрецедентно много для пропорциональных систем [6, с. 83—89]. Испанская избирательная система завышает парламентское представительство двух самых влиятельных партий более чем на 4 % каждой [7, р. 89—116].

Закон М. Дюверже подтверждается: пропорциональная избирательная система и парламентская форма правления усиливают фрагментацию партийной системы. Мировой кризис 2008—2013 гг. усилил разочарование в традиционных партиях. Совокупная поддержка НП и ИСРП на выборах в кортесы 2015 г. снизилась до 50,7 % и восстановиться не смогла. Ниша правого центра во многом перешла к новой либеральной партии “Ciudadanos”. Кризис вызвал к жизни новый левый популизм (“Unidos Podemos”) и новый правый популизм — праворадикальную антииммигрантскую партию “Vox”. Правительство во главе с лидером ИСРП П. Санчесом дважды за 2019 г. пошло на проведение внеочередных выборов в кортесы из-за отсутствия единства в правящей парламентской коалиции.

Анкетные опросы доказывают значительное снижение авторитета политических партий. В ноябре 2016 г. опрос службы «Метроскопия» (выборка 3 500 человек) зафиксировал рекордно низкий уровень доверия всем партиям — 20 % [8]. По опросу Центра социологических исследований (CIS) (июль—август 2019 г.), назвали себя социалистами 16,2 % респондентов, 13,5 % — консерваторами, 11,4 % — прогрессистами и 10,9 % — либералами. Свыше 1/3 респондентов не смогли определить своих ориентаций, чего раньше не было. 26,4 % опрошенных желали участия «Подемос» в новом правительстве [9].

Статистический анализ голосования на выборах в Генеральные кортесы 2019 г., проведённый Х. А. Карпио, выявил зависимости между социальными позициями испанцев и их электоральными ориентациями. Так, поддержка ИСРП оказана в местностях с повышенным уровнем безработицы; за НП голосовали избиратели более пожилых возрастов. Напротив, поддержка «Граждан» возрастает в муниципалитетах с высоким уровнем доходов и молодым составом сообщества. Голосование в пользу «Унидос Подемос» связано с городами, где невысок уровень жизни, но значителен удельный вес лиц с высшим образованием. Поддержка “Vox” проявляется в местностях с высоким удельным весом иностранцев, повышенными доходами. Праворадикалов в наибольшей мере поддерживают молодые мужчины в малых городах [10].

Опрос CIS в мае 2019 г. показал: 35,4 % респондентов считают главным мотивом голосования идейную близость с партией, 18,9 % голосовали по традиции, 13,2 % считали данную партию наиболее способной управлять страной. Оценивая партии страны (1 балл — левые, 10 — правые), респонденты выстроили интервал так: «Унидос Подемос» — 2,2 балла; ИСРП — 4,0; «Граждане» — 7,0; НП — 8,0; “Vox” — 9,4 [11, р. 19, 26].

Выборы 28 апреля 2019 г. привели к победе ИСРП (прирост поддержки по стране с 22,6 до 28,7 % явившихся избирателей), выиграла также партия «Граждане» (прирост с 13,1 до 15,9 %). Принципиально новым явлением стал успех праворадикальной партии «Вокс», набравшей по стране 10,3 %. Проигравшие — Народная партия (спад голосования с 33,0 % до 16,7 %) и «Унидос

Подemos» (с 21,1 % в коалиции до 14,3 %) [12; 13]. Голоса «Унидос Подemos» перешли в основном к социалистам, а бывшие сторонники НП поддержали либо «Граждан», либо «Вокс».

Партийная система Испании ярко отражает социокультурные размежевания страны по территориальному признаку. В автономных сообществах сложились свои партийные системы, и без участия региональных партий с начала XXI в. невозможно сформировать испанское правительство. Так, в Каталонии 22 из 48 региональных мест в Конгрессе депутатов получили «Левые республиканцы Каталонии» и «Вместе — за Каталонию», выступающие за независимость [13].

Отчётливо проявляется географическая неравномерность влияния партий. На выборах в Генеральные кортесы 28 апреля 2019 г. ИСРП получила наибольшую поддержку в Эстремадуре — 38,1 %, Астурии — 35,3 %, Андалусии — 34,2 %, Кастилии-Ла-Манче и Мурсии — по 32,4 %, Арагоне — 31,7 %. Наименьшая поддержка ИСРП — в Стране Басков 19,9 %, Каталонии — 23,2 % (за счёт конкуренции региональных партий близкой ориентации), в Кантабрии — 25,2 %. Ареал поддержки Народной партии на этих выборах: Мурсия — 32,4 %, Галисия — 27,4 %, Кастилия и Леон — 26,1 %, Кастилия-Ла-Манча 22,7 %, Кантабрия — 21,7 %. Слабее всего НП выступила в Каталонии — 4,9 % и Стране Басков — 7,4 % [13].

“Ciudadanos” получили в среднем 15,9 %, их опорой стали Мадрид — 20,9 %, Арагон — 20,5 %, Мурсия — 19,5 %, Кастилия и Леон — 18,9 %, Валенсия и Эстремадура — по 18,0 %. “Unidos Podemos” набрали 14,3 % голосов по стране. Ареал их поддержки — Наварра (18,7 %), Балеарские острова (17,8 %), Страна Басков (17,6 %), Мадрид (16,2 %), Канарские острова (15,7 %). В Каталонии влияние “Unidos Podemos” замещается левыми националистами. Праворадикалы “Vox”, набравшие 10,3 % голосов, наиболее популярны в Сеуте — 24,0 %, Мурсии — 18,6 %, Мелилье — 16,9 %, Кастилии — Ла-Манче — 15,3 %, Мадриде — 13,9 % и Андалусии — 13,4 % [13].

Таким образом, новые партии суммарно контролируют свыше 50 % электората. Ареалы влияния новых партий накладываются только в Мадриде, где спад влияния традиционных сил — Народной партии и ИСРП — наиболее выражен. Видна повышенная поддержка сепаратистскими регионами “Unidos Podemos” как единственной влиятельной партии, поддержавшей проведение референдума в Каталонии. География влияния «Вокс» объясняется фактором миграции мусульман преимущественно на юг страны.

Выборы депутатов Европарламента, состоявшиеся в Испании 26 мая 2019 г., также принесли перемены. На данных выборах применяется пропорциональная избирательная система без заградительного барьера и с закрытыми партийными списками, что поощряет фрагментацию партийной системы. Участие в выборах 2019 г. приняли 32 политические организации, 9 из них получили представительство. В сравнении с предыдущими выборами 2014 г. ИСРП увеличила представительство с 14 до 20 мандатов, а Народная партия уменьшила влияние с 16 до 12. Победу одержала ИСРП: 33 % голосов и 37 % мест испанской квоты в Европарламенте. На втором месте по влиянию Народная партия — 22,2 % мест, на третьем — «Граждане» (13,0 %). Мандаты также получили: левая коалиция «Вместе можем изменить Европу» (с участием «Подemos») — 11,1 % мест, праворадикальная партия “Vox” и левоцентристская коалиция «Сейчас Республики» в составе каталонских, баскских и галисийских националистов во главе с О. Жункерасом — по 5,6 % мест, правоцентристская каталонская коалиция “Lliuresper Europa” («Свободные для Европы») во главе с К. Пучдемоном — 3,7 %, правоцентристская «Коалиция за солидарную Европу» (баскские и канарские националисты) — 1,9 % мест. ИСРП стала относительным лидером в большинстве избирательных округов, а НП — только в половине округов Галисии и Кастилии и Леона. В Каталонии относительным лидером стали «Свободные за Европу», а в Стране Басков — «Коалиция за солидарную Европу» [14, р. 62480–62485]. Итак, выборы в Европарламент в сравнении с выборами в Генеральные кортесы принесли большой успех ИСРП и НП, а также усилили обособленность региональных партийных систем. Совокупная поддержка пяти влиятельных партий выросла за 2014–2019 гг. с 62 % до 81 % электората.

Выборы в представительные органы 13 автономных сообществ (2019 г.) привели к успеху ИСРП в 11 регионах, кроме Кантабрии и Мурсии. Социалисты получили наибольшую поддержку в Эстремадуре — 46,7 %, Кастилии-Ла-Манче — 44,1 % и Ла-Риохе — 38,7 %. Их наименьшая поддержка — в Кантабрии (17,6 %), Наварре (20,6 %) и Валенсии (23,9 %). Народная партия концентрирует влияние в Ла-Риохе — 33,1 %, Мурсии — 32,4 %, Кастилии и Леоне — 31,5 %. «Граждане» пользуются наибольшей поддержкой в Мадриде — 19,4 %, Валенсии — 17,5 % и Арагоне — 16,7 %. «Унидос Подemos» получили наибольшую поддержку в Астурии — 11,0 %, на Балеарах — 9,7 % и Канарах — 8,8 %. Влияние “Vox” сосредоточено в Валенсии — 10,4 %, Мурсии — 9,5 % и Мадриде — 8,9 %. Наварра имеет обособленную партийную систему, в которой обще-

испанские ведущие партии в совокупности не набирают и 60 % голосов [15]. Важно, что в 6 из 13 автономных сообществах выборы 2019 г. восстановили преобладание «исторических» партий, а в 7 — влияние ИСРП и НП не превышает 50 % голосов.

Внеочередные выборы депутатов Генеральных кортесов 10 ноября 2019 г. подтвердили указанные тенденции. В среднем по стране ИСРП набрала 28,0 % голосов, НП — 20,8 %, “Vox” — 15,1 %, «Унидос Подемос» — 12,8 %, «Граждане» — 6,8 %, «Левые республиканцы Каталонии» — 3,6 %. Тем самым пять ведущих партий страны набрали 83,5 % голосов. Сохраняется примерное равенство сил левоцентристских и правоцентристских партий. Голоса перераспределяются в пользу ИСРП, НП и “Vox”, левых республиканцев [16]. Но «исторические» партии не могут восстановить своё доминирование. Сформировать коалиционное правительство стало ещё более трудно, судьба кабинета зависит от региональных партий. Растёт запрос на новые протестные партии и на левом, и на правом флангах.

Заключение. В электоральном цикле 2019 г. партийная система Испании — система умеренного плюрализма (5 ведущих акторов) с растущей ролью региональных партий, для создания правительства неизбежны прагматические коалиции. Экономический подъём 2014–2019 гг. повлиял на спад влияния “Unidos Podemos”, их электорат отчасти вернулся к ИСРП. На европейских и субнациональных выборах эти тенденции выражены ещё ярче из-за формата избирательных систем и обособленности региональных партийных систем.

Сохраняется тройственная структура испанского электората, распределённого в основном между левоцентристами, правоцентристами и региональными националистами. Анализ статистических итогов выборов и анкетных опросов доказывает обратно пропорциональную взаимосвязь между уровнем поддержки ИСРП и «Унидос Подемос» в левоцентристском сегменте, между уровнем поддержки Народной партии, «Граждан» и “Vox” — в правоцентристском сегменте. Влияние политических партий крайне неравномерно по автономным сообществам, и неравномерность возрастает.

Прогнозируется усиление нестабильности партийной системы Испании вследствие роста влияния новых партий и неразвитости культуры парламентских коалиций. Этот процесс повышает политические шансы каталонских националистов. Назревает коренная реформа политической системы Испании, запрос на реформу высказывает в наибольшей мере электорат левых партий.

Литература / References

1. *Gil-Torres A.* Bipartidismo y pluridemocracia en España: la construcción del contexto sociopolítico español según el CIS (2011–2016) // *Index.Comunicación*. — Madrid, 2018. — № 8 (1). — P. 81–100.
2. *Хенкин С. М.* Перестройка партийной системы Испании // *Актуальные проблемы Европы*. — 2018. — № 2. — С. 85–110.
3. *Верников В. Л.* Кризис политической системы или вызов времени? // *Современная Европа*. — 2017. — № 1 (73). — С. 134–138.
4. *Rama Caamaño J., Reynaers A.-M.* Nuevos Partidos en los Países Bajos y en España. ¿Qué Factores Explican su Surgimiento? // *Papers. Revista de Sociologia*. — Madrid, 2019. — Vol. 104, № 3. — P. 403–423.
5. *Sánchez Muñoz O.* El Fin (Momentáneo) del Bipartidismo en España: Análisis de los Resultados Electorales de 2015 y 2016 // *Revista Española de Derecho Constitucional*. — Madrid, 2017. — № 109. — P. 237–260.
6. *Орлов А. Г.* Избирательная система Испании // *Современные избирательные системы*. — М.: РЦИОИТ, 2009. — Вып. 3. — С. 9–92.
7. *Penades A., Santiuste S.* La Desigualdad en el Sistema Electoral Español y el Premio a la Localización del Voto // *Revista Española de Ciencia Política*. — Madrid, 2013. — № 32. — P. 89–116.
8. *Toharia J. J.* Confianza en las Instituciones: España en Perspectiva Comparada. 2016. — Modo de acceso: <http://metroscopia.org/confianza-en-las-instituciones-espana-en-perspectiva-comparada/> (fecha de referencia: 11.09.2019).
9. *Casqueiro J.* Encuesta CIS: Un 26,4 % Quiere que Podemos Entre en el Ejecutivo y un 20,2 % que Sánchez Governe en Solitario. — Modo de acceso: https://elpais.com/politica/2019/07/10/actualidad/1562754916_881122.html (fecha de referencia: 11.09.2019).
10. *Carpio J. A.* Elecciones Generales 2019. Los Datos Hablan. — Modo de acceso: <http://www.rtve.es/noticias/20190430/datos-hablan-radiografia-del-voto-voto-grupos-sociales/1930141.shtml> (fecha de referencia: 11.09.2019).

11. Estudio nº 3248. CIS. Postelectoral Elecciones Generales 2019. — Modo de acceso: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3240_3259/3248/es3248mar.pdf (fecha de referencia: 11.09.2019).
12. Elecciones Generales 2016, 26 de junio. — Modo de acceso: www.resultados.elpais.com/elecciones/generales.html (fecha de referencia: 11.09.2019).
13. Elecciones Generales 28A. Resultados Elecciones Generales 2019. Comunidades. — Modo de acceso: <https://elecciones.lne.es/resultados-elecciones/generales/> (fecha de referencia: 11.09.2019).
14. Resumen de los Resultados de las Elecciones de Diputados al Parlamento Europeo // Boletín Oficial Del Estado. — Madrid, 2019. — № 142, 14 de Junio, Sec. III. — P. 62480—62490.
15. 26M. Elecciones Autonomicas. — Modo de acceso: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2019/autonomicas/> (fecha de referencia: 11.09.2019).
16. 10N Elecciones Generales. Congreso de los Diputados. Resultado de las Elecciones generales 2019. — Modo de acceso: <https://www.abc.es/elecciones/elecciones-generales/resultados/> (fecha de referencia: 14.11.2019).

Кожановский А. Н.

Александр Николаевич Кожановский,
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.
Центра европейских исследований
Института этнологии и антропологии РАН.
ankozhan49@yandex.ru

Феномен партии «Вокс» (Vox) в контексте национально-культурного развития Испании

Аннотация. Автор рассматривает последние электоральные успехи испанской правоконсервативной партии «Вокс», неожиданные для большинства аналитиков, с точки зрения национально-культурных процессов в постфранкистской Испании. Он считает возможным наличие здесь, помимо прочего, реакции части испанского общества на переживаемый ею в настоящее время «кризис идентичности».

Ключевые слова: Испания, либеральные реформы, идеология политкорректности, национально-культурная идентичность, кризис, электоральные успехи правых консерваторов.

Alexandr Kozhanovsky

The phenomenon of the VOX party in the context of national and cultural development of Spain

Abstract. The article discusses the last electoral successes of “Vox” (Spanish right-wing conservative party) whose achievement came as a surprise to most analysts. The author of the article considers “Vox” phenomenon from the point of view of national and cultural processes in post-Franco Spain. He thinks it possible to see here among other things the reaction of part of Spanish society to the “identity crisis” which they are now experiencing.

Keywords: Spain, liberal reforms, ideology of political correctness, national and cultural identity, crisis, electoral successes of right-wing conservatives.

В текстах программных заявлений лидеров и идеологов правоконсервативной партии «Вокс», стремительно ворвавшейся на испанскую политическую арену, довольно значительное место занимают темы и сюжеты, которые в целом можно отнести к национально-культурной и языковой сферам жизни населения Испании. Речь идёт об общенациональном единстве, месте регионов в общеиспанском комплексе, статусе испанского и региональных языков; об отношении к государственной символике, оценке событий исторического прошлого страны и её культурного наследия, а также к фольклорной традиции; о месте Испании и испанского языка в мире и отношениях с испаноязычными странами; об иммиграционной политике государства; о конфессиональном факторе внутри и вне страны; о европейской интеграции и национальном суверенитете; об общественном позиционировании полов, политике в отношении семьи, роли родителей в образовательном процессе — и т. д. [1].

Уже само столь широкое и недвусмысленное обращение к тематике, прямо связанной с испанской национальной идентичностью, отнюдь не характерно для политической картины постфранкистской Испании, но поистине эффект разорвавшейся бомбы произвела в стране неожиданная для многих поддержка немалой частью избирателей того вызова, который был брошен новой политической силой сложившемуся положению вещей.

Дело в том, что, как известно, начавшаяся несколько десятилетий назад в ходе демонтажа авторитарного режима всесторонняя трансформация социально-экономического и политико-идеологического строя жизни Испании исходно вдохновлялась совершенно определёнными, а точнее, «передовыми европейскими» образцами и стремлением как можно скорее и теснее интегрироваться в сообщество наиболее развитых государств Западной Европы. Этим процессом был радикально затронут среди прочего целый ряд существенно значимых устоев и принципов общественного сознания, сформированных длительной предшествующей эпохой исторического развития страны. В потоке повсеместно происходивших преобразований они были поставлены под сомнение, а то и полностью дискредитированы, лишились прежней поддержки со стороны государства в виде его многочисленных и влиятельных институтов, в том числе образовательных, основного корпуса СМИ и т. д., а главное — всего прежнего уклада существования, неуклонно отходящего в прошлое.

Взамен здесь стала быстро набирать силу мировоззренческая модель, постепенно превратившаяся фактически в доминирующую, исповедуемую наиболее влиятельными общественными слоями и политическими структурами, в том числе государственными [2]. Построенная на неолиберальной идеологии она имела сугубо светский характер и включала в качестве основных постулатов так называемые политкорректность, толерантность, феминизм, права меньшинств, мультикультурализм и т. п. Нужно сказать, что в испанском случае установка на утверждение упомянутых постулатов в общественно-политической жизни и в массовом сознании проводилась на некоторых направлениях особенно последовательно и акцентированно.

В ряду сфер общественной жизни, на которых происходившие изменения отразились наиболее ощутимо, оказались национально-культурная и сопряжённая с ней регионально-языковая. С одной стороны, постфранкистская общественно-политическая ситуация пополнилась несколькими принципиально новыми элементами, наиболее значимыми из которых стали территориально-административное разделение прежде унитарного государства на автономные регионы с широкими прерогативами, а также массовый наплыв трудовых мигрантов с разных концов света. С другой стороны, масштабно обозначились такие невозможные до той поры явления и тенденции, как то: открытые претензии некоторых регионов — при поддержке автономных администраций — на их самостоятельность в качестве особых наций, отдельных от общеиспанской нации, вплоть до прямого «нациестроительства» в Каталонии, где был взят курс на фактическую ассимиляцию некаталоноязычного населения; отстранённое отношение немалой и весьма влиятельной части общества ко всему, что олицетворяет или символизирует испанское государство, вплоть до его официальных атрибутов (знамени, гимна) и даже самого термина «Испания» [3]; системное давление с целью привести ряд явлений и элементов традиционной народной культуры в соответствие с внедряемыми нормами политкорректности [4] — и т. д., и т. п.

Что касается реакции государства и общества на эти «новые вызовы», то здесь обращают на себя внимание: неудачи центра в попытках радикально пресечь развитие сепаратистских тенденций и защитить языковые права испаноязычных граждан в Каталонии; снижение уровня самоидентификации значительной части жителей Испании с испанским языком, культурой, историей страны, её символикой и пр., — на фоне повышенных евроинтеграционных устремлений; заниженная национальная самооценка значительной части испанцев [5]; многолетнее отсутствие в стране правой партии со сколько-нибудь весомой общеиспанской программной составляющей; более лояльное, чем в большинстве других стран ЕС, отношение к иммиграции [6], и т. д. Как пишет известный испанский социолог Амандо де Мигель: «самое грустное, что можно сказать о Демократическом Транзите 1976 года», это то, что «на символическом уровне» было покончено с испанской нацией, а термины «нация» и «национальный» в применении ко всей Испании в целом крайне ослабили своё значение в пользу терминов «государство» и «государственный»; более того, в некоторых регионах страны само слово «испанский» воспринимается едва ли не как оскорбление [7]. Ему вторит американский историк-испанист Стэнли Пэйн: «В то время (в 1955 г. — А. К.) у меня и мысли не могло быть о том, что где-то там в конце XX в. — начале нынешнего века некоторые из учёных и политиков Испании дойдут до того, что объявят её чем-то несуществующим. А вот вне этой страны такого рода сомнения в отношении Испании и усилия по её разрушению не встречаются. В мире нет другой более удивительной и более великой истории, чем история Испании» [8].

Весьма важно, что сосуществование и взаимодействие двух основных соперничающих общественных позиций, которые различаются по критерию принятия/отторжения новых тенденций

в общественной жизни и идеологии и за каждой из которых стоит внушительная часть населения, осуществляется в условиях доминирования неолиберальной идеологической парадигмы в её испанском варианте, что ставит одну из противоборствующих сторон («прогрессистскую», то есть нацеленную на форсированное преобразование окружающей социально-культурной среды в соответствии со своими «передовыми» установками) в более выгодное положение, тогда как её оппоненты должны быть готовы к публичному осуждению их как «консерваторов», «сексистов», «ксенофобов» и т. д.; это ощутимо сдерживает их общественную активность и возможности мобилизации своих потенциальных сторонников, а также заставляет прибегать к самоцензуре при высказывании своих суждений вне приватного круга.

Тем более внезапными и удивительными на этом казалось бы устоявшемся политико-идеологическом фоне оказались упомянутые выше электоральные успехи одиозного «Вокса», сторонники которого в своих заявлениях прямо и недвусмысленно оценивают текущую национально-политическую и языковую ситуацию в стране как нетерпимую и даже опасную для дальнейшего существования испанской (общеевропейской) нации. Главной угрозой на данный момент они считают недавние выступления каталонских сепаратистов, трактуя их как попытку государственного переворота и требуя в качестве репрессивных мер привлечения к суду всех его участников, запрета партий и организаций, «стремящихся к разрушению территориального единства нации и её суверенитета», и приостановку действия режима каталонской автономии. Более того, существующее ныне «государство автономий», по их убеждению, должно быть в обозримой перспективе преобразовано в «унитарное государство права», которое будет отстаивать «равенство и солидарность вместо привилегий и разделения» (отмене подлежат, в том числе, и особые льготные налоговые режимы для Страны басков и Наварры — те самые широко известные *conciertos económicos*) и иметь одно правительство и один парламент для всей Испании, а первыми шагами на этом пути станет «немедленное возвращение государству полномочий в сферах образования, здравоохранения, безопасности и судопроизводства и максимально возможное ограничение законодательных прерогатив автономий». А вот строго наказывать за посягательства на официальные символы и эмблемы нации (знамя, гимн, институт монархии и т. д.) необходимо уже сейчас [9].

Равным образом в рамках действующей конституции «Вокс» требует жёсткого подтверждения положений, согласно которым все граждане страны имеют право использовать и обязаны знать испанский (кастильский) язык. Партия настаивает на устранении любых форм ущемления кастильского в пользу «региональных» языков — как в государственном, так и в частном секторе. Как дискриминационное должно быть отменено и требование, практикуемое в некоторых автономных сообществах, о том, что для занятия общественной должности необходимо знание, помимо государственного испанского, ещё и местного языка.

Утверждается настоятельная потребность в разработке и осуществлении «интегрального плана по изучению, распространению и защите национальной идентичности и вклада Испании в цивилизацию и всемирную историю, с особым вниманием к деяниям и подвигам национальных героев» [9]. В рамках «восстановления и охраны обширного наследия общенациональной культуры» предполагается всяческое поощрение «фольклорных проявлений и традиций как Испании, так и народов в ареале *Hispanidad* («испанского мира», то есть стран, исторически входивших в единую с Испанией державу и связанных с ней культурой и языком. — А. К.)», причём особо выделены в этом ряду тавромахия и охота (правомерность которых в наши дни вызывает особенно горячие споры в испанском обществе. — А. К.). Напоминают испанцам и о необходимости неустанной дипломатической активности по возвращению Гибралтара.

Новые правила, провозглашённые идеологами «Вокса», призваны лишить возможности так называемых нелегальных иммигрантов обосноваться в стране, а квоты на законный въезд в Испанию для иностранных работников предполагается устанавливать в соответствии с нуждами испанской экономики и с учётом происхождения потенциального иммигранта — таким образом, что приоритет должны получить представители «национальностей, которые имеют с Испанией общий язык и крепкие дружеские и культурные связи». Что же касается получения иностранцами испанского подданства, то оно станет возможным не иначе как после выполнения целого ряда условий, свидетельствующих о глубокой интеграции претендента в испанскую социальную, культурную и языковую среду [9].

Жёсткие меры предусмотрены по недопущению пропаганды и деятельности на территории страны радикальных исламистов; более того, выражается готовность принимать участие в международных военных операциях против них. Но при этом и изучение мусульманской доктрины

ны как таковой предполагается исключить из программы бюджетных школ, вместе с запрещением финансирования иностранными государствами культовых сооружений на испанской земле. Зато декларируется намерение создать специальную структуру для помощи зарубежным христианским меньшинствам, оказавшимся под угрозой. В отношении процессов внутри ЕС выражается ясное намерение держаться курса на укрепление национального суверенитета отдельных государств — членов объединения, в котором будут безусловно уважаться ценности европейской культуры и присутствие в котором — как и в других наднациональных структурах — будет определяться для Испании исключительно её национальными интересами. Вне ЕС особое внимание предполагается уделять сближению и сотрудничеству со странами, принадлежащими к «историческому испанскому сообществу» [9].

Ещё несколько программных тезисов «Вокса», имеющих касательство к нашей теме и вызвавших большой резонанс в стране, относятся уже к сфере социально-культурного бытия — также пережившей в постфранкистский период весьма радикальные изменения, воспринятые местным обществом далеко не однозначно. Правые провозглашают решительную административно-финансовую поддержку и защиту «естественной семьи» как «института, предшествующего государству», и семейных ценностей; поощрение рождаемости; отмену тех законодательных норм, которые они считают навязанными радикальными феминистками и дискриминационными по отношению к представителям мужского пола; право родителей в контексте образовательного процесса давать разрешение на участие их детей в «мероприятиях, содержание которых затрагивает ценности этического, социального, гражданского, морального и сексуального характера».

Наконец, предполагается «удалить из перечня общественного здравоохранения те виды хирургического вмешательства, которые не связаны со здоровьем (изменение пола, аборт...» [9].

При оценке содержания только что изложенных тезисов «Вокса» вряд ли правомерно игнорировать то обстоятельство, что описанные в начале нашей статьи всесторонние трансформации в Испании последних десятилетий по сути своей означают, помимо прочего, глубокие сущностные изменения, своего рода «переформатирование» испанского национально-политического и культурно-языкового пространства, постепенное, но неуклонное размывание тех основ, на которые опирались коллективные представления не только предшествующих поколений, но и многих из ныне живущих испанцев о своей специфике как исторической и национальной общности, — что с неизбежностью должно вызывать у какой-то части невольных участников происходящего ощущение дискомфорта, растерянности, а порою и болезненную реакцию. Собственно, именно эти чувства проявлялись в упорном многолетнем общественном противостоянии по поводу фольклорных праздников и обычаев между защитниками традиции и сторонниками её радикального политкорректного обновления [10]; их фиксировали данные об истинных настроениях многих граждан, не попадающие в социологические сводки, но недвусмысленно свидетельствующие об озабоченности сохранением своей национально-культурной идентичности [11] — и т. д.

В течение какого-то времени возобладавшая в стране «прогрессистская» идеология в целом справлялась с такого рода эмоциями, поддерживая общественное отношение к ним как к «маргинальным», «архаичным», привязанным к негативно оцениваемому авторитарному прошлому, инерция отторжения которого продолжает оставаться весьма влиятельной в коллективном сознании испанцев. Но насколько долговременным могло быть такое положение вещей? Не только из среды политиков определённого толка, но и со стороны испанских социологов и особенно так называемых «простых граждан» нередко звучат обвинения в адрес тех или иных СМИ, должностных лиц и пр. в идеологически обусловленном замалчивании жизненно важных для населения тем (например, связанных с иммиграцией), равно как и их политкорректной — то есть заведомо искажающей реальность в пользу некоего заданного постулата — трактовкой, что, по мнению многих комментаторов, не решает действительно имеющие место проблемы, а только загоняет их вглубь и в конечном счёте усугубляет.

В этой связи возникает вопрос: не является ли сам феномен «Вокса» одним из наиболее заметных проявлений той ситуации, которую можно было бы назвать «кризисом идентичности» в национально-культурном аспекте, переживаемым по крайней мере частью населения страны, — даже если допустить, что данная партия всего лишь использует это явление в своих политических целях? Если это так, то правомерно предположить, что неожиданно оказавшаяся довольно весомой поддержка избирателями сравнительно недавно возникшего «Вокса», а может быть, и само появление этой правой партии на испанской политической арене, в определённой

степени обусловлены именно опасениями утраты прежней идентичности, достигшими некоего критического предела, и в этом случае являют собой «отложенную реакцию», эффект своего рода «сжатой пружины». Иными словами, не сработал ли здесь некий «социальный инстинкт самосохранения» общности в целом или по крайней мере её весьма заметной части, ощутившей угрозу для своего дальнейшего существования в привычной, столетиями сформированной культурно-исторической ипостаси в случае продолжения действия доминирующих «прогрессистских» трендов?

В таком случае в отношении испанского общества к «Воксу» и проповедуемой им доктрине можно видеть одно из проявлений сосуществования, взаимодействия и противоборства разнонаправленных тенденций социально-культурного развития населения страны, изучение которого позволяет лучше понять динамику соотношения сил между ними на нынешнем этапе истории Испании. О том, что в этой динамике в самые последние годы и даже месяцы случился серьёзный сдвиг, говорит уже сам факт голосования за «Вокс», позволивший этой партии занять место на политической арене [12]. Некоторая категория граждан с какого-то момента перестала опасаться выражать согласие с заявлениями и постулатами «Вокса». Мало того, есть данные о наличии в электорате правоконсервативного «Вокса» избирателей, голосовавших ранее за левые партии [13]. Вместе с тем говорить о конкретных причинах упомянутого сдвига представляется преждевременным в силу малого количества необходимой для анализа информации. В напрашивающееся объяснение происходящего всего лишь запоздалым распространением на Испанию подъёма правоконсервативных и националистических настроений, уже несколько лет как охватившего многие страны Европы, не вписываются такие важные местные отличия от «среднеевропейской модели», как упор на отстаивании единства страны и целостности испанской нации, а также на борьбе с радикальным феминизмом. При этом собственно иммигрантской проблематике, сосредоточенность на которой, по мнению многих комментаторов, стала едва ли не основной побудительной причиной «правого поворота» в европейском общественном сознании последнего времени, — в испанском случае уделяется значительно меньше внимания.

Литература / References

1. VOX: 100 medidas para la España Viva. — URL: https://www.voxespana.es/wp-content/uploads/2019/04/100medidasngal_101319181010040327.pdf
2. *Galiñanes Gallén M.* El español y lo políticamente correcto. — URL: http://www.uniss.it/lingue/annali_file/vol_5/0014%20-%20Galinanes%20Gallen%20Marta.pdf
3. *Vélez I.* España, palabra tabú. — URL: <http://www.kosmopolis.com/2017/12/2086/>
4. *Кожановский А. Н.* Эволюция социально-культурных ценностей и норм испанского общества на рубеже XX–XXI вв. // Ибероамериканские тетради. — 2017. — Вып. 1 (15). — С. 43–45.
5. *González Enríquez C.* La excepción española: el fracaso de los grupos de derecha populista pese al paro, la desigualdad y la inmigración. — URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/155407f2-773a-4f08-ad08-aff2df759fdb/DT7-2017-GonzalezEnriquez-Excepcion-espanola-fracaso-grupos-derecha-populista.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=155407f2-773a-4f08-ad08-aff2df759fdb>
6. *Fernández M., Valbuena C. Caro R.* Evolución del racismo, la xenofobia y otras formas de intolerancia en España. Informe-encuesta 2015. — URL: <http://www.empleo.gob.es/oberaxe/ficheros/documentos/InfCortoRacismoVsCortaInternet.pdf>
7. *Miguel, Amando de.* El cambio que viene. — Barcelona, 2015. P. 67.
8. *Payne S. G.* Discurso del profesor Stanley G. Payne (Doctor Honoris Causa Universidad Rey Juan Carlos). — URL: <http://www.kosmopolis.com/2016/03/discurso-del-profesor-stanley-g-payne-doctor-honoris-causa-universidad-rey-juan-carlos/>
9. VOX: 100 medidas para la España Viva. — URL: https://www.voxespana.es/wp-content/uploads/2019/04/100medidasngal_101319181010040327.pdf
10. *Gómez Pellón E.* Los problemas del patrimonio inmaterial: uso y abuso de los animales en España // AIBR. Vol. 12. N. 2. Mayo-Agosto 2017. — URL: <https://dialnet.unirioja.es/ejemplar/469588>
11. Комментарии читателей к статье: *Seco R.* España supera a Italia en llegadas de inmigrantes por mar. — URL: https://elpais.com/politica/2018/07/17/actualidad/1531855916_995446.html

-
12. *Acha B.* No, no es un partido (neo)fascista // Agenda Pública. 6.01.2019. —URL: <http://agendapublica.elpais.com/no-no-es-un-partido-neofascista/>
 13. *Castro C.* España, primero // La Vanguardia. 4.12.2018. —URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20181204/453328535661/elecciones-andaluzas-votante-vox-derecha.html>

Малашенко Т. И.

Тимофей Игоревич Малашенко, науч. сотр.
Института Латинской Америки РАН, Россия.
malashenko.t@gmail.com

Банковский сектор Испании: инновации

Аннотация. В условиях турбулентности глобальной экономики внедрение инноваций в банковский сектор является ключевым фактором для повышения эффективности и стабилизации мировой финансовой системы. Мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. стал серьезным испытанием для экономики Испании. Признание значения адаптации банковского сектора к новым экономическим условиям становится все более актуальным для рассмотрения современных процессов, происходящих в Европейском союзе и в мировой экономике в целом. Испания занимает передовые позиции по внедрению цифровых технологий в банковую сферу, однако ее опыт является мало изученным. Это первая работа, анализирующая испанский опыт по внедрению, развитию и эксплуатации новых технологий: Blockchain, мобильных банковских приложений, альтернативных финансов, шеринговых платформ, краудсорсинга. Автор приходит к выводу о том, что внедрение инноваций трансформировало банковский сектор Испании и привело к уменьшению числа банковских служащих и сокращению количества офисов. Освободившиеся ресурсы были направлены на активизацию цифрового сегмента, что привело к лидирующим позициям Испании в цифровом банкинге. В будущем ожидается еще большее распространение и развитие этих технологий. Оно будет расти медленнее, чем доход, поскольку оплодотворенный спрос поглощается, а домашние хозяйства увеличивают норму сбережений.

Ключевые слова: банки Испании, инновации, цифровой банкинг.

Timofey Malashenko

Banking sector of Spain: innovation

Abstract. In a turbulent global economy, the introduction of innovations in the banking sector is a key factor in improving efficiency and stabilizing the global financial system. World financial and economic crisis of 2008-2009 became a serious test for the economy of Spain. The recognition of the importance of adapting the banking sector to new economic conditions is becoming increasingly relevant for considering modern processes taking place in the European Union and in the global economy as a whole. Spain is at the forefront in introducing digital technology into the banking sector, but its experience has been little studied. This is the first work analyzing the Spanish experience in introducing, developing and operating new technologies: Blockchain, mobile banking applications, alternative finance, sharing platforms, crowdsourcing. The author concludes that the introduction of innovation has transformed the banking sector in Spain and has led to a decrease in bank employees and a reduction in offices. The freed up resources were directed to the activation of the digital segment, which led to the leading position of Spain in digital banking. In the future, an even greater spread and development of these technologies is expected. It will grow more slowly than income, as deferred demand is absorbed and households increase their savings rates.

Key words: Spanish banks, innovation, digital banking.

Timofey Malashenko

La Banca española: innovación

Resumen. En una economía global turbulenta, la introducción de innovaciones en el sector bancario es un factor clave para mejorar la eficiencia y estabilizar el sistema financiero global. La crisis financiera y económica mundial de 2008-2009 se convirtió en una prueba seria para la economía de España. El reconocimiento de la importancia de adaptar el sector bancario a las nuevas condiciones económicas es cada vez más relevante para considerar los procesos modernos que se desarrollan en la Unión Europea y en la economía global en su conjunto. España está a la vanguardia en la introducción de la tecnología digital en el sector bancario, pero su experiencia ha sido poco estudiada. Este es el primer trabajo que analiza la experiencia española en la implementación, desarrollo y operación de nuevas tecnologías: Blockchain, aplicaciones de banca móvil, finanzas alternativas, plataformas de intercambio, crowdsourcing. El autor llega a la conclusión de que la introducción de la innovación ha transformado el sector bancario en España y ha llevado a una disminución de los empleados bancarios y una reducción de las oficinas. Los recursos liberados se dirigieron a la activación del segmento digital, lo que llevó a España a la posición de liderazgo en la banca digital. En el futuro, se espera una mayor difusión y desarrollo de estas tecnologías. Crecerá más lentamente que los ingresos, ya que la demanda diferida se absorbe y los hogares aumentan sus tasas de ahorro.

Palabras clave: Bancos españoles, innovación, banca digital.

Актуальность исследования. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. породил сомнения у многих стран относительно правильности проводимой ими финансово-экономической политики. Как следствие в посткризисный период в банковском секторе Испании стали наблюдаться новые тенденции [1, с. 79–96]. Продолжается уменьшение банковских служащих, сокращение офисов [2, с.150–152], сама банковская деятельность приобретает новые формы и направления. У банков появляются конкуренты в лице тех компаний, которые в состоянии выполнять их функции на ином, более прогрессивном уровне. Сокращение филиальной сети и персонала банков происходит в ответ на вызовы времени. Изменения проводятся во многом посредством внедрения новых технологий: Blockchain, мобильные банковские приложения, альтернативные финансы, шеринговые платформы, краудсорсинг.

Цель исследования — выделить и проанализировать новые технологии и тенденции банковского сектора Испании.

Материалы. По близким темам опубликовано большое количество работ. Вопросы инновационного развития европейских банков представлены в диссертациях Д. П. Валько, В. В. Волкова, А. А. Гилевой, Е. М. Евдокимовой, Э. Кана-лес, К. А. Комаровой, А. И. Ландабасо Ангуло, Ю. С. Пасько, А. Ю. Плюйко, Г. С. Якубовского и др., защищенных по специальности 08.00.14 «Мировая экономика».

Методы. В ходе исследования были использованы общенаучные методы познания: системный, исторический, логический, сравнительный, графический, статистический. На их основе были проведены: изучение, структурирование, систематизация, сопоставление, анализ, синтез, обобщение, SWAT анализ внедрения цифровых технологий в банковский сектор Испании, тенденц

Изложение результатов исследования

Технология Blockchain¹ является новаторской, поскольку представляет собой саморегулирующееся хранение данных на множестве узлах и компьютерах, объединенных в сеть без точки единого управления.

В основе ее достоинств лежат следующие принципы:

- распределенная база данных: доступ к ней есть у всех участников, полного контроля нет ни у кого;
- отсутствие иерархии;
- прозрачность операций;
- неизменность записей.

К недостаткам относятся большие затраты электроэнергии, отсутствие законодательной базы, некоторое недоверие со стороны участников, децентрализация, усложняющая путь к договоренности [3, с.117–122].

Взвешивая плюсы и минусы технологии Blockchain, большинство экспертов высоко оценивают ее возможности и полагают, она способна произвести революцию в сфере финансов, аналогичную интернету.

Первый Blockchain Consortium Banking в Испании появился в 2017 г. Консорциум создали совместно один из крупнейших испанских банков Cесабанк и фирма Grant Thornton, специализирующаяся на профессиональном оказании услуг бизнес-поддержки [4]. Проект был направлен на развитие авангардного пути Blockchain и раскрытия потенциала технологии в финансовом секторе. Консорциум сегодня объединяет 33 % испанского банковского сектора и находится на передовых рубежах, его члены стали первыми финансовыми институтами для создания и применения на основе Blockchain — технологий с реальным применением в банковском бизнесе. Нарботки, которые приходят из консорциума, направлены в первую очередь на повышение эффективности в процессе предотвращения отмывания денег членов-учреждений. Технология также позволяет абсолютно безопасно идентифицировать клиентов в цифровом формате, это делается благодаря системе распознавания KYC (Know Your Customer), созданной на ее основе. Консорциум планирует создавать и другие разработки, которые будут рационализировать банковские процессы, генерировать новые бизнес-модели. Не останавливаясь на приложениях Ethereum или Hyperledger, разработанных также с использованием Blockchain, Консорциум ориентируется на получение новых знаний о технологии Blockchain в банковском секторе.

Благодаря совместной работе члены Консорциума могут проверять новые открытия на их будущую жизнеспособность, используя оценки экспертов Grant Thornton.

Аналитики Harvard Business Review предположили, Blockchain 2.0 является основополагающей технологией и, следовательно, «имеет потенциал для создания новых основ для наших экономических и социальных систем». Далее было отмечено, что, хотя фундаментальные инновации могут иметь огромное влияние, «потребуется несколько десятилетий, чтобы внедрить их в экономическую и социальную инфраструктуру» [5].

В 2018 г. Banco Santander² объявил о запуске международного платежного сервиса с использованием технологии на основе Blockchain. Услуга Santander One Pay FX сразу стала доступна для розничных клиентов в Испании, Великобритании, Бразилии и Польше. Планируется, что в ближайшее время она будет доступна и в других странах. Услуга позволяет клиентам совершать международные переводы в один и тот же день. Сервис также показывает точную сумму, которая будет получена в валюте, прежде чем будет сделан перевод.

Клиенты Santander в Великобритании могут загрузить приложение One Pay FX, а затем на-

¹ Blockchain (блокчейн) — блокная цепочка — база данных, чьи устройства хранения не подключены к общему серверу. Это постоянно растущий список записей (блоков), которые связаны и защищены криптографией. Каждый блок обычно содержит указатель хеширования как ссылку на предыдущий блок, метку времени и данные транзакции. Блоки устойчивы к модификации данных. Функционально цепочка блоков служит «открытым распределенным регистром, который может регистрировать транзакции между двумя сторонами эффективно контролируемым и постоянным образом». Для использования в качестве распределенной книги цепочка блоков обычно управляется одноранговой связью, которая коллективно придерживается протокола тестирования новых блоков. После записи данные в любом данном блоке не могут быть изменены ретроспективно, без изменения всех последующих блоков и сговора большинства сетей.

² Banco Santander — ведущий розничный и коммерческий банк, основанный в 1857 г. со штаб-квартирой в Испании. Он имеет значительную долю рынка в 10 основных странах Европы и Америки. Банк является крупнейшим банком в зоне евро по рыночной капитализации. В конце 2017 г. у Banco Santander было 986 млрд евро клиентских средств (депозиты и паевые инвестиционные фонды), 133 млн клиентов, 13 700 филиалов и 200 000 сотрудников.

чать осуществлять платежи. Он подключается к Apple Pay, где пользователи могут безопасно подтверждать платежи с помощью Touch или Face ID. Пользователи могут переводить от 10 до 10 000 фунтов стерлингов. Платежи могут производиться в фунтах стерлингов в евро и долларах США. В настоящее время платежи в евро могут отправляться в 21 страну, в долларах США — в США, при этом в будущем география расширится.

Клиенты Santander в Испании уже могут использовать услугу для осуществления переводов в Великобританию и США, которые являются основными направлениями розничных денежных переводов в Испании, из приложения банковского онлайн-банкинга или Supernet. Запуск Santander One Pay FX является ярким примером того, как Santander повышает качество обслуживания клиентов с помощью цифровизации в соответствии с Digilosofia, цифровой философией банка, которую он использует для ускорения своей цифровой трансформации в Испании.

Банк BBVA³ тоже открывает возможность проведения мгновенных международных платежей. Blockchain может, таким образом, выйти на широкий простор. Banco Bilbao Vizcaya Argentaria SA — кредитор № 2 Испании, выполнил свои первые трансграничные платежи через систему, основанную на программном обеспечении, поддерживающем биткойн, сообщила компания. Используя программу, созданную компанией Ripple, Сан-Франциско, BBVA сделала пробный перевод евро в Мексику из Испании, он прошел за считанные секунды. Как сказано в сообщении банка, такие операции обычно занимают до четырех дней.

BBVA планирует использовать распределенное бухгалтерское предложение Ripple для предоставления корпоративным клиентам более быстрого и дешевого способа оплаты зарубежных поставщиков и осуществления других международных транзакций. По данным компании, обработка платежей по Ripple занимает времени в среднем на 80 % меньше, чем по корреспондентской банковской сети SWIFT, которая используется по всему миру для передачи информации и отправки платежей с 1973 г. Четырехлетняя Ripple делает ставку на платежную систему, позволяющую ежегодно обрабатывать более 20 трлн долл. транзакций; кроме того, позволяет компаниям отслеживать свои платежи, такие как пакет FedEx, и дает возможность точно определить стоимость платежа по завершению передачи. Традиционный метод, опирающийся на многолетнюю систему обмена сообщениями Swift, устарел, он не может обеспечить многих современных потребностей. Поэтому сложившаяся объективная реальность заставила компании поддерживать дорогостоящие бухгалтерские операции. В мае 2018 г. сотрудники подразделения Banco Santander SA U.K. начали использовать приложение Ripple для трансграничной оплаты. Компания Ripple также установила партнерские отношения среди других фирм с Bank of America Corp., UBS Group AG и Standard Chartered Plc. Но Ripple не станет настоящей альтернативой Swift, пока BBVA и другие партнеры не начнут принимать платежи друг от друга в своей сети.

Мобильные банковские приложения. Большое распространение в Испании получили мобильные банковские приложения. Испания — технологически развитая страна, поэтому неудивительно, что мобильный банкинг завоевал популярность среди населения. Хотя интернет-банкинг и электронная коммерция в Испании несколько менее популярны, чем во многих других странах ЕС, мобильный банкинг оказался популярным среди тех, кто использует цифровые услуги, особенно среди молодежи. Исследование ING (2014 г.) показало, Испания занимает четвертое место по уровню использования мобильного банкинга среди интернет-пользователей в Европе (после Турции, Нидерландов и Польши). Приблизительно 8 из 10 испанских жителей используют смартфоны, страна обеспечивает значительный рынок мобильного банкинга. Это позволило Испании сконцентрировать усилия банков по развитию данного направления. Исходя из растущего интереса клиентов, традиционные банки и новые онлайн-банки стали все более активно предлагать пользователям цифровые услуги.

Поставщики мобильного банкинга в Испании включают в себя:

1. Национальные испанские банки, такие как BBVA, CaixaBank и Santander. Согласно исследованию (2017 г.), BBVA была признана лучшим приложением для мобильного банкинга в мире среди крупных банковских ритейлеров, 92 % его услуг были доступны через приложение.
2. Онлайн-банки, такие как Bunq, N26 и Revolut.
3. Поставщики телекоммуникационных услуг, такие как Orange, Apple и Android, которые

³ Banco Bilbao Vizcaya Argentaria (BBVA) — второй по объему банк в Испании. Находится на 1 месте среди финансовых учреждений в Мексике, на 2 — в Испании, Турции и Перу, на 3 — в Венесуэле и на 4 — в Колумбии. Банк представлен более чем в 30 странах мира, имеет более 7 тыс. офисов и штат в 125 тыс. человек.

теперь предлагают мобильный банкинг и варианты оплаты для пользователей смартфонов и планшетов.

Рассмотрим особенности мобильного банкинга в Испании.

Мобильные платежи представляют собой финансовые транзакции, осуществляемые с помощью смартфона или мобильного устройства (например, Apple Watch). К ним относятся бесконтактные платежи (например, с помощью смартфона для оплаты товаров в магазине), цифровые кошельки, такие как приложение PayPal, которые связываются с банковскими счетами и хранят/отправляют средства, и QR-коды, которые можно сканировать для оплаты таких вещей, как бронирование гостиниц.

Функции в испанских мобильных банковских приложениях включают в себя такие вещи, как:

- платежные сервисы, чтобы пользователи могли делать покупки с помощью своего устройства, оплачивать счета и переводить деньги на другие испанские счета;
- 24/7 доступ к учетной записи с актуальной информацией о балансе;
- инструменты управления бюджетом, чтобы помочь планировать финансы, основанные на регулярных доходах и расходах.
- ссылки на социальные сети, такие как Facebook, Twitter и WhatsApp, где пользователи могут связаться с финансовыми консультантами или даже выполнить некоторые из своих банковских операций.
- возможность получать уведомления, если ваш баланс падает ниже определенной суммы или расходы превышают определенный лимит;
- функции безопасности, такие как блокировка карты и идентификация с помощью обмена сообщениями.

Различные приложения также будут иметь свои собственные уникальные функции. Некоторые банки разрешают кредитовать через свои приложения, такие как ImaginBank (услуга мобильного банкинга через CaixaBank), где клиенты могут занимать до 15 000 евро с помощью приложения. Существуют также ограничения для банковского обслуживания смартфонов, такие как перевод средств между счетами в иностранной валюте. Хорошей новостью для пользователей является возможность совершать международные платежи с большинством приложений. С BUNQ можно сэкономить 3 % на платежах по зарубежным картам и заплатить лишь небольшую часть надбавки к международным платежам в иностранной валюте.

В Испании пока наличные деньги остаются предпочтительным способом оплаты: в 2017 г. 65 % всех транзакций было осуществлено таким образом [6]. Тем не менее процесс подключения мобильных платежей среди испанских резидентов набирает скорость — страна одна из первых в Европе внедрила схему кредитного перевода SEPA Instant⁴.

Поставщики мобильных платежей обычно работают вместе с банками, приложения связываются со счетами. В Испании одним из крупнейших сервисов мобильных платежей является Bizum, который был запущен 27 испанскими банками в 2016 г. и имеет около 1,5 млн пользователей. Другие широко используемые мобильные платежные приложения включают Apple Pay и Samsung Pay, запущенные в Испании в 2016 г., и Google Pay (ранее Android Pay), запущенные в 2017 г.

Журнал World Finance лучшим цифровым банком Испании и банком с лучшим приложением в номинации «World Finance Digital Banking Awards 2018» назвал BBVA. Наградами отмечают те компании, которые успешно решают задачи отрасли и ведут цифровую революцию с динамичным бизнесом, стратегии и инновационные технологии. Журнал подчеркивает, что технологии внесли радикальные изменения в способы создания и управления компаниями. Эти изменения привели к ускорению изменений в банковской сфере в последние годы.

Таким образом, можно отметить, что мобильные банковские приложения в Испании получают широкое распространение. Результатом стали лидирующие позиции испанских банков в сфере мобильного банкинга. В будущем ожидается еще большее распространение и развитие данной технологии.

Оно будет расти медленнее, чем доход, поскольку отложенный спрос поглощается, а домашние хозяйства увеличивают норму сбережений.

Альтернативные финансы. После экономического кризиса 2008–2014 гг. банки значительно

⁴ Схема кредитного перевода.

сократили кредитование компаний, что вынудило тех искать другие каналы для финансирования самих себя. В результате стал расти теневого банкинг, также называемый альтернативным банкингом. Теневые банковские операции стали новыми каналами финансирования для компаний, которые не могут получить доступ к традиционным банковским кредитам. В сектор теневого банкинга включены инвестиционные трасты на рынке недвижимости, бизнес-ангелы, краудфандинг, фонды венчурного капитала, закрытые фонды и хедж-фонды.

В случае Испании банки, сгруппированные в Ассоциацию испанских банков, были обеспокоены ростом теневого сектора, предлагали «хорошо разграничить свои будущие риски». Однако некоторые продолжают поддерживать альянсы с теневыми банковскими организациями, к которым перенаправляют своих клиентов в случае, если запрашиваемые ими кредиты не могут предоставить им в одиночку.

Испания — пятая по величине европейская страна по альтернативным финансам. В 2016 г. сектор альтернативного финансирования Испании вырос на 162 % до 131 млн евро [7].

Шеринговые платформы. Шеринговая экономика — бизнес, позволяющий людям эффективно использовать свободные ресурсы при помощи цифровых платформ. Максимально эффективное использование ресурсов. Обмен навыками, вещами, услугами и деньгами.

Это сложное явление, которое разрушило бизнес-модели и изменило способ потребления и работы. Определение общей или совместной экономики представляет собой рыночную тенденцию и новую модель потребления, основанную на обмене товарами и услугами, который ранее оставался бездействующим или недоиспользованным. Неиспользованными или незанятыми ресурсами могут быть дома, свободные места в автомобилях, автомобили, навыки, богатство, идеи, мысли или время через систему сетей и рынков. Этому движению способствуют мобильные технологии, поэтому мы можем в реальном времени видеть на телефоне доступные товары и услуги.

Шеринговые платформы подразумевают доступ к пользованию ресурсами, а не к владению ими. Самый широко известный в узких кругах — сервис аренды жилья Airbnb.com. Другим примером является Мадридская платформа Eссосаг, которая предоставляет услуги по управлению автопарком агентствам по прокату автомобилей, корпорациям, автодилерам, государственным администрациям и сообществам. В отличие от других существующих платформ, доступных на рынке, ессосаг позволяет совместно использовать транспортные средства, тем самым оптимизируя размер парка и уменьшая количество используемых транспортных средств (и выбросы CO₂).

Компания Ессосаг, основанная в 2015 г., только что привлекла 495 тыс. евро, которые будут в основном использоваться для внедрения ее технологий, направленных на ускорение оцифровки сектора проката автомобилей. В раунде участвовали инвесторы из Valgine, СМС XXI и Pinama при участии галицких капитальных фондов, таких как Xesgalicia, Vigo Activo, и различных бизнес-ангелов [8].

Специализируясь на управлении автопарком и аренде автомобилей, компания Eссосаг работает в Испании и Португалии, работая с корпоративными партнерами, такими как Endesa, Cofares, Ferrovial и Prosegur.

Краудсорсинг. Одним из видов шеринговых платформ является краудфинансирование. Это способ коллективного финансирования, основанный на добровольных взносах. Отличие краудсорсинга от краудинвестинга заключается в том, что вознаграждением не может быть прибыль от бизнеса или доля в нём.

Негативные стороны краудсорсинга:

- «социальный шум»,
- «эффект Матфея»,
- низкий КПД,
- низкий коллективный IQ «толпы краудсорсеров»,
- неустойчивое сотрудничество.

Преимущества краудсорсинга:

- легитимность,
- масштабируемость,
- разделение бизнес-рисков с исполнителями;
- бонусный эффект аутсорсинга. Многоуровневая проблематизация + структуризация проектов с помощью фильтров и рейтингов + использование комплексных методов оценки и отбора идей.

На краудфандинговой благотворительной платформе Kiva можно давать микрозаймы по

принципу P2P — «от человека к человеку» (Person-to-Person). С 2005 г., благодаря Kiva, более двух миллионов людей одолжили 800 млн долл. в формате микрозаймов. Уровень возврата по кредитам составил примерно 99 %.

С помощью краудфандинга были собраны деньги на съемки фильмов: «Железное небо» (Тимо Вуоренсола, бюджет 7,5 млн долл., доля средств — 16 %), российский проект «Двадцать восемь панфиловцев» (Андрей Шальопа, Ким Дружинин, доля народных средств — 51 %, бюджет — 61 млн руб.) и др.

Согласно исследованию CNMV, в 2018 г. 30 % населения Испании использовали шеринговые платформы (в том числе, сервис аренды жилья Airbnb.com., мадридскую платформу Essoscar по управлению автопарком). BBVA изучает новые модели финансирования через Trust-U, инициативу подразделения New Digital Business. Ценностное предложение Trust-U делает уникальным право потенциальных заемщиков на объем финансирования, которое зависит, среди прочего, от поддержки со стороны родственников и друзей. Trust-U составляет оставшуюся сумму кредита, что является крайне важно, поскольку целевой рынок состоит из компаний, которые уже несколько лет занимаются бизнесом, но им сложно получить банковские кредиты, не имея кредитной истории. В мае 2019 г. на Столыпинском форуме в МГИМО (У) МИД РФ Александр Аузан⁵ сказал: именно за шеринговыми платформами стоит будущее.

Выводы

Рассмотрев внедрение в испанский финансовый сектор новых технологий, можно сделать вывод: банковский сектор Испании демонстрирует свою открытость для инноваций, но вместе с этим таит угрозы (Таблица 1).

Таблица 1

Swat-анализ внедрения цифровых технологий в банковский сектор испании

Сильные стороны	Слабые стороны
— создание большего удобства и комфорта для клиентов банков; — быстрота операций с полным сектором банковских услуг; — повышение эффективности операционной деятельности банков (за счет оптимизации юристов, экономистов, бухгалтеров и другого обслуживающего персонала, а также сокращения филиальной сети); — доступность для всех слоев населения; — оперативный доступ к единой базе кредитных историй; — создание новых перспективных продуктов и цифровых платформ; — расширение международного сотрудничества.	— доступ большого количества людей к персональным данным; — возможность корректировки банковских операций (кроме Blockchain); — повышение безработицы; — зависимость от мобильной связи и доступа к интернету; — высокие издержки на эксплуатацию цифровых систем и необходимость постоянного совершенствования (доработки).

⁵ Российский экономист, д-р экономических наук, декан экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член Экономического совета при Президенте РФ.

Возможности	Угрозы
— повышение внимание государства к образованию граждан и внедрение цифровой оценки компетенций; — защищенность персональных данных; — перевод всех финансовых и юридических операций в цифровой формат; — ликвидация классических банков; — отказ от использования наличных средств; — снижение издержек в сфере торговли и создание единого финансового интегратора; — развитие новых каналов безопасного хранения и передачи информации (в том числе, на «облачной» основе); — повышение ценности высококвалифицированного человеческого капитала; — использование наработок банковского сектора для расширения цифровой инфраструктуры на нефинансовые продукты (паспорт, водительское удостоверение, страховой полис, медицинская книжка, история болезней и др.); — внедрение новых механизмов управления (в том числе, быстрое привлечение заинтересованных сторон к решению).	— кибер-риски (взлом, мошенничество и др.); — потеря данных; — технологические и технические сбои; — анонимное использование эмитентами цифровых денег (криптовалют); — полная формализация отношений, то есть стандартизация подходов (например, в отношении пролонгации кредита людям, попавшим в сложные и непредвиденные жизненные обстоятельства); — необходимо постоянное совершенствование законодательной базы для использования цифровых технологий; — использование цифровых разработок в криминальных целях.

Источник: Авторская разработка.

Необходимо отметить, что у банков появляются конкуренты (популярные сайты и социальные сети) в лице тех компаний, которые в состоянии выполнить их функции на ином, более прогрессивном уровне, и не имея таких административных издержек и правового давления, как классические банки.

В то же время новейшая экономическая политика правительства Испании вызывает ряд опасений. Педро Санчес Перес-Кастехон⁶ проводит линию по ужесточению налогообложения банковского сектора, что может создать дополнительную нагрузку на финансовую систему.

Банковский сектор Испании является локомотивом развития цифровых технологий. Однако тенденции дальнейшего развития испанской банковской системы во многом определяется современной политической и экономической ситуацией в стране и мире.

Заключение

Испанская банковская система входит в новый этап своего развития, более сложный и противоречивый. Задача государства, науки, банковского сектора — учесть неиспользованные возможности, вероятные угрозы и, опираясь на свои сильные стороны реализовать существующий позитивный сценарий развития.

⁶ Председатель Правительства Испании с 2 июня 2018 г. по 30 апреля 2019 г.

Литература / References

1. *Malashenko T. I.*, Evolución del sistema bancario español bajo el impacto de la crisis // Iberoamerica. 2018. № 1. С. 79–96.
2. *Malashenko Timoteo I.* Fusiones y adquisiciones en el sector bancario español // Rusia y España en el periodo de la “nueva normalidad. Coordinadores: P. Yákovlev, E. Ermólieva. — Moscú, ILA RAN, 2018. P. 150–152.
3. *Малашенко Т. И.* Развитие технологии Blockchain в Испании и России // Научно-практический журнал «Экономика и управление: проблемы, решения». — 2017. — Т. 4. — № 9 (69). — С.117–122.
4. Cecabank y Grant Thornton crean el primer Consorcio Bancario de Blockchain en España, 26.05.2017. — Available at: <https://www.cecabank.es/notas-de-prensa/cecabank-grant-thornton-crean-primer-consorcio-bancario-blockchain-espana/> (accessed: 02.08.2019).
5. *Iansiti, Marco; Lakhani, Karim R.* The Truth About Blockchain // Harvard Business Review. Harvard University. 2017-01-17. — Mode of access: <https://hbr.org/2017/01/the-truth-about-blockchain> (date of reference: 04.08.2019).
6. Mobile banking in Spain has become more commonplace in recent years, with traditional banks and new online banks now offering digital services to users. 25.02.2019. — URL: <https://www.expatica.com/es/finance/banking/mobile-banking-in-spain-76908/>
7. *Carmen Álvarez*, Spain, the fifth largest European country in alternative finance, 22.01.2018. — Mode of access: <https://www.bbva.com/en/spain-the-fifth-largest-european-country-in-alternative-finance/> (date of reference: 16.08.2019).
8. *Loritz Mary*, Madrid-based car sharing platform eccocar raises €495k, 09.04. 2019. — Mode of access: <https://www.eu-startups.com/2019/04/madrid-based-car-sharing-platform-eccocar-raises-e495k/> (date of reference: 21.08.2019).

Yákovlev Petr P.

Petr P. Yákovlev, Dr. Titular en Ciencias Económicas,
Jefe del Centro de Estudios Ibéricos del Instituto
de Latinoamérica de la Academia de Ciencias Rusa;
profesor de la Universidad Económica Rusa Plekhanov,
Moscú, Rusia.
petrp.yakovlev@yandex.ru

Rusia y España en el contexto global de las guerras comerciales

Resumen. En los últimos años la economía mundial se ha vuelto más inestable, y las relaciones entre países de diferentes regiones han empeorado. A veces se puede hablar de los combates económicos internacionales. Al parecer, las principales razones de esta situación son las siguientes: así llamadas guerras comerciales; el neoproteccionismo; las sanciones financieras y de otra índole. Muchos países del mundo, entre ellos Rusia y España, son víctimas de uno o varios rasgos de este fenómeno. En el centro de los combates económicos están, sin duda alguna, las guerras comerciales. Es un tipo de contradicciones internacionales que tiene una historia bien larga, pero la ola moderna fue provocada por la política económica del presidente Donald Trump. Según su opinión, la raíz de los problemas económicos de Estados Unidos está en su déficit comercial con China, Unión Europea, México y algunos otros países del mundo. Partiendo de la idea que “las guerras comerciales son buenas y fáciles de ganar”, Washington rompió unilateralmente los acuerdos establecidos: el acuerdo Transpacífico, de París sobre cambio climático, con Irán, con México y Canadá. Además, Trump subió aranceles de cientos de productos industriales importados por Estados Unidos (acero, aluminio, lavadoras, paneles solares, etc.) y atacó a la Unión Europea amenazando subir aranceles para automóviles. Lo más negativo es que las guerras comerciales, desatadas por Casa Blanca, tendrán consecuencias directas e indirectas duraderas para el estado de la economía global. Rusia y España dependen mucho de los mercados internacionales. Por eso las complicaciones en el comercio mundial trabajan contra los intereses de ambos países.

Palabras clave: Rusia, España, inestabilidad global, política económica de D. Trump, guerras comerciales, neoproteccionismo, sanciones económico-financieras, intereses de empresas rusas y españolas.

Petr P. Yakovlev

Russia and Spain in the midst of global trade wars

Abstract. In recent years, the world economy has become more unstable and relations between countries in different regions have deteriorated. As a result, we can talk about an international economic confrontation. The main reasons for this situation seem to be traceable: so-called trade wars, neo-protectionism, financial and other sanctions. Many countries around the world, including Russia and Spain, are victims of one or more aspects of the phenomenon. Trade wars are undoubtedly at the heart of economic battles. They have a long history, but the current wave of trade wars has been driven by President Donald Trump's economic policies. In his opinion, the root of the U.S. economic problems lies in its trade deficit with China, the European Union, Mexico and some other countries of the world. With the idea that “trade wars are good and easy to win”, Washington unilaterally tore up the agreements reached: the Paris climate accord, the Trans-Pacific Partnership,

the nuclear deal with Iran, the free trade agreement with Mexico and Canada. In addition, Trump has raised tariffs on hundreds of manufactured goods imported by the United States (steel, aluminum, washing machines, solar panels, etc.) and threatened the European Union with higher tariffs on cars. The trade wars unleashed by the White House will have long-term direct and indirect consequences for the state of the world economy. Russia and Spain are heavily dependent on international markets. That is why complications in world trade are contrary to the interests of both countries.

Keywords: Russia, Spain, global instability, D. Trump's economic policy, trade wars, neo-protectionism, economic and financial sanctions, interests of Russian and Spanish companies.

Пётр Яковлев

Россия и Испания в условиях глобальных торговых войн

Аннотация. В последние годы мировая экономика стала более нестабильной, а отношения между странами в различных регионах ухудшились. В результате можно говорить о международном экономическом противостоянии. Как представляется, основные причины этой ситуации следующие: так называемые торговые войны, неопroteкционизм, финансовые и другие санкции. Многие страны мира, включая Россию и Испанию, являются жертвами одной или нескольких сторон данного явления. В основе экономических баталий, несомненно, стоят торговые войны. Они имеют долгую историю, но современная волна торговых войн была вызвана экономической политикой президента Дональда Трампа. По его мнению, корень экономических проблем США кроется в их торговом дефиците с Китаем, Европейским союзом, Мексикой и некоторыми другими странами мира. Отталкиваясь от идеи, что «торговые войны хороши и в них легко победить», Вашингтон в одностороннем порядке разорвал достигнутые соглашения: Парижское – по климату, Транстихоокеанское партнерство, ядерную сделку с Ираном, договоренности о свободе торговли с Мексикой и Канадой. Кроме того, Трамп повысил тарифы на сотни промышленных товаров, импортируемых Соединенными Штатами (сталь, алюминий, спиральные машины, солнечные батареи и т. д.) и пригрозил Европейскому союзу повышением тарифов на автомобили. Торговые войны, развязанные Белым домом, будут иметь долгосрочные прямые и косвенные последствия для состояния мировой экономики. Россия и Испания в огромной мере зависят от международных рынков. Именно поэтому осложнения в мировой торговле противостоят интересам обеих стран.

Ключевые слова: Россия, Испания, глобальная нестабильность, экономическая политика Д. Трампа, торговые войны, неопroteкционизм, экономические и финансовые санкции, интересы российских и испанских компаний.

En las últimas dos décadas el sector exterior ha desempeñado un papel clave en las economías rusa y española. Incluso durante los años duros de la crisis global de 2008–2009 y la recesión posterior, las exportaciones han sido verdaderos puntales económicos para tiempos revueltos, la parte más dinámica de la demanda. La expansión del comercio y la inversión basados en normas internacionales abrió nuevos mercados lucrativos para las empresas rusas y españolas, ayudaron a contrarrestar los golpes de las crisis [1].

Esta situación relativamente positiva está por cambiarse a lo peor gracias, en primer lugar, a la política proteccionista de Washington y la guerra comercial entre Estados Unidos y China que hace estragos a escala global. La Federación de Rusia y los países miembros de la Unión Europea también salen damnificados. Según los datos de la Organización para la Cooperación y el Desarrollo Económico (OCDE), en el segundo trimestre de 2019, las exportaciones de las 20 mayores economías del mundo en conjunto cayeron

casi 2 % (las exportaciones de China cayeron un 5,3 %). A pesar de los precios de crudo bastante altos, una de las caídas más profundas es de Rusia – 7,4 % [2]. Se da cuenta que el crecimiento de las exportaciones de España también muestra los signos de agotamiento. Este fenómeno puede tener consecuencias negativas desde el punto de vista macroeconómico y político-social.

Al mismo tiempo existe un consenso entre los analistas de que en el mundo se produce un empeoramiento de su marco geopolítico. Las tensiones político-estratégicas entre EEUU y China (al margen de las guerras comerciales), las contradicciones entre Rusia y los países de Occidente (así llamada “la segunda guerra fría”), los problemas de ciberseguridad, la situación conflictiva en el Medio Oriente y en otras zonas del mundo, las crisis en Ucrania, Venezuela, Siria, la nueva vuelta de la carrera armamentista, configuran un panorama de elevados riesgos político-diplomáticos e incertidumbres. Según expertos de conocido think-tank Eurasia Group, “el marco geopolítico actual es el más peligroso que ha habido en décadas” [3].

Todos esos factores de diferente índole producen un cambio tectónico, hacen la situación internacional todavía más complicada, tienen impacto negativo sobre las relaciones económico-comerciales, llevan a la humanidad a un callejón sin salida.

El orden global de economía y comercio se destruye

“Inestable”, “incierto”, “débil”, “frágil”, este tipo de adjetivos inundan los informes analíticos de los *think tanks* y organismos intergubernamentales dedicados a la situación económica internacional. En el conjunto de los analistas existe un consenso bastante generalizado de que la economía global está sumergida en un mar de interrogantes, en un preocupante parón de crecimiento del Producto Interno Bruto (PIB) y de dinámica del comercio exterior de muchos países en diferentes continentes que amenazan con una nueva crisis mundial [4].

Entre otras personas de renombre científico, el destacado economista surcoreano y profesor de la Universidad de Cambridge (Reino Unido), Ha-Joon Chang, a quien le encanta usar las parábolas, dijo que “en 2008 la economía mundial sufrió un ataque al corazón pero en vez de cambiar la dieta o hacer ejercicios, los gobiernos le administraron medicamentos para mantenerla artificialmente estable”. Como resultado, la crisis de 2008–2009 no ha sido resuelta a fondo y “la poca regulación que hubo fue deshecha por Trump”. Según Ha-Joon Chang, la situación económica internacional es frágil y la próxima crisis puede ser aún peor que la anterior [5].

Hay que subrayar, que de especial relevancia para España y Rusia, por el impacto que puede tener sobre sus exportaciones, es la desaceleración de las economías de la zona euro. Este grupo de países económicamente avanzados (a que se dirigen más de 50 % de las exportaciones españolas y alrededor de 40 % de las ventas rusas), tras crecer un 2,4 % en 2017, proseguirá la desaceleración iniciada en 2018 (1,8 %), con un crecimiento en 2019 que, según la proyección del Fondo Monetario Internacional (FMI), podría ser del 1,3 % (véase la *Tabla 1*).

Tabla 1

Variación anual del Producto Interno Bruto – PIB (%)

Países	2001–2010	2015	2016	2017	2018	2019
Producto mundial	3,9	3,4	3,4	3,4	3,6	3,3
Economías avanzadas	1,7	2,3	1,7	2,4	2,2	1,8
Estados Unidos	1,7	2,9	1,6	2,2	2,9	2,3
Zona del euro	1,2	2,1	2,0	2,4	1,8	1,3
<i>España</i>	2,2	3,6	3,2	3,0	2,5	2,1
Economías emergentes y en desarrollo	6,2	4,3	4,6	4,8	4,5	4,4
China	10,5	6,9	6,7	6,8	6,6	6,3
<i>Rusia</i>	4,8	–2,5	0,3	1,6	2,3	1,6
Brasil	3,7	–3,5	–3,3	1,1	1,1	2,1
Sudáfrica	3,5	1,2	0,4	1,4	0,8	1,2

Fuente: IMF. *Perspectivas de la economía mundial – abril de 2019*. –URL: <https://www.imf.org/es/Publications/WEO/Issues/2019/03/28/world-economic-outlook-april-2019#Introducción>

Vale señalar que los números arriba mencionados están por bajarse aún más. Es el caso del informe (19 de septiembre de 2019) de la OCDE que ha vuelto a revisar a la baja las perspectivas de la economía mundial, en general, y de los países europeos en particular. “La economía global afronta serios vientos en

contra y el lento crecimiento se está consolidando de una forma preocupante”, advirtió la economista jefe de la OCDE, Lorraine Boone [6].

En este contexto, la ralentización de la economía española puede ser más acusada de lo que pensaba. Así lo constata el Instituto Nacional de Estadística (INE) que el 16 de septiembre publicó una revisión de toda la serie del PIB desde 1995. En ella rebaja el crecimiento del primer trimestre de 2019 y, además, recorta hasta 2,4 % los datos del PIB de 2018 [7]. En otras palabras, las cifras implican que en el año 2019 el crecimiento de España será algo menor de lo que, como regla, preveían las casas de análisis macroeconómico. Eso indica que la inercia del desarrollo va poco a poco hacia abajo. La situación en Rusia es todavía algo peor: en comparación con una dinámica relativamente alta del crecimiento en la primera década del siglo en curso, los últimos años el aumento del PIB es bastante débil y ni siquiera alcanza el nivel medio global [8].

Con la prolongación de dicha tendencia, Rusia y España pueden no soportar una nueva crisis parecida a los desastres de 2008–2009. Ese es la primera tesis básica de este trabajo. La segunda, es que las relaciones económico-comerciales internacionales están viviendo una completa anomia, una falta de reglas. Las pocas que se construyeron después de la Segunda Guerra Mundial por ahora están destruyéndose. El más claro protagonista de este proceso es presidente Donald Trump quien en forma casi frontal “ataca el sistema de comercio global” [9].

Pero no solo se trata de Estados Unidos. También se observa que la Unión Europea (UE), como subrayó expresidente del Gobierno español Felipe González, “esta trufada de miembros que no están dispuestos a respetar las normas” [10]. Es decir, hay una falta de acatamiento al derecho internacional, a la norma, que se refleja, por ejemplo, en la crisis de la Organización Mundial del Comercio (OMC).

Subrayamos una vez más que el rol de comercio exterior en el desarrollo económico de Rusia y España ha sido sumamente importante. A pesar de las crisis, todo tipo de turbulencias en los mercados y altibajos coyunturales, los intercambios comerciales de ambos países en el siglo en curso crecieron significativamente. Las exportaciones rusas aumentaron en 4,5 veces, importaciones – en 5,7 veces, los indicadores españolas, en su lugar, son 3 y 2,5 (véase *Tabla 2*). Gracias a este notable aumento, Rusia y España en la actualidad forman parte del grupo de países líderes en lo que se refiere al comercio internacional.

Tabla 2

Comercio exterior de Rusia y España (bienes, millones de U\$A)

Año	Rusia		España	
	Exportaciones	Importaciones	Exportaciones	Importaciones
2001	99 869	41 865	116 149	154 993
2009	301 796	170 827	223 132	287 502
2010	397 068	228 912	246 265	315 547
2011	516 993	306 092	298 171	362 835
2012	524 766	316 193	285 937	325 835
2013	527 266	314 945	310 964	332 267
2014	497 834	286 649	324 619	359 017
2015	343 908	182 782	282 510	312 051
2016	285 491	182 262	289 974	311 017
2017	359 152	228 213	319 695	351 944
2018	449 347	238 151	345 070	388 075

Fuente: ITC. *Trade statistics for international business*. –URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1

Tomando en consideración la gran (y creciente) importancia del comercio exterior para ambos países, es bien entendible su interés carnal en mantenimiento del régimen de libre circulación de bienes y servicios, en ampliamiento de intercambios económico-comerciales en la escala global.

De las guerras comerciales a los combates en otros frentes

Consistente con la evolución del crecimiento económico, el comercio internacional también está experimentando una desaceleración. La OMC prevé un aumento del comercio mundial del 3,7 % en 2019, frente al crecimiento del 3,9 % en 2018 y el 4,7 % registrado en 2017. El *World Trade Outlook Indicator* publicado por este organismo refleja un descenso sostenido en las órdenes de exportación, lo que anticipa un efecto contractivo sobre los futuros niveles de comercio internacional [11].

Como escriben los expertos del *Fondo Monetario Internacional* (FMI), la expansión económica mundial se ha debilitado y los pronósticos de crecimiento se revisan a la baja en parte a raíz de los efectos negativos de los aumentos de aranceles introducidos, antes que nada, en Estados Unidos [12]. En otras palabras, un recrudecimiento de las tensiones comerciales es una importante fuente de riesgo para las perspectivas del desarrollo económico global.

La famosa y muy provocativa declaración de D. Trump de que “las guerras comerciales son buenas y fáciles de ganar”, sin lugar a dudas pasará a los libros de historia como una expresión clásica, pero en el sentido malo. Se puede constatar que en la realidad hay una preocupación especial por el futuro del sistema de comercio mundial, debido a la agresiva política comercial de la administración de Estados Unidos. Esto ha incrementado el riesgo de que el sistema de comercio global basado en el multilateralismo, antes que nada en la actividad de la OMC, esté bajo seria amenaza.

Mientras tanto, la dura realidad es que los resultados de la contienda comercial con Pekín no son tan positivos para Washington. Es cierto, los aranceles más elevados han dañado a China y a otros países, incluyendo a Rusia y España, pero también han dañado a Estados Unidos donde el hogar promedio acabará pagando de mil dólares al año en precios más elevados. Parece que “los hombres de los aranceles altos” de D. Trump viven en el pasado, fuera de contacto con las realidades de la moderna economía global. No toman en cuenta que en la actualidad casi todos los productos manufacturados son resultado de una cadena de valor global que cruza múltiples fronteras nacionales. También hay que tomar en consideración otros factores de gran calado. Por ejemplo, el mercado agrícola chino es fundamental para los electores de varios estados agrarios norteamericanos donde D. Trump recibió un fuerte apoyo en 2016. La situación puede cambiarse fácilmente con la posible caída de compras chinas en caso de prolongarse el conflicto comercial EE UU – China. Este factor hace a D. Trump políticamente vulnerable a las contrarepresalias económicas extranjeras. Así que la errónea visión del dueño actual de la Casa Blanca de una victoria comercial fácil puede convertirse en una guerra política de desgaste. “Las guerras comerciales, escribió premio Nobel en economía Paul Krugman, casi nunca tienen victorias claras, pero suelen dejar cicatrices perdurables en la economía mundial” [13].

Es decir, en gran medida, gracias a la política económica internacional de D. Trump, los mejores días del libre comercio se quedaron atrás. La situación en la escala global “ha pasado de ser precaria a una en la cual parece que nos lanzamos del precipicio”, constató un experto del conocido *Cato Institute* Simon Lester [14].

La historia indica que las guerras comerciales se desarrollan exponencialmente y se trufan con las monetarias (de divisas) y de otra índole.

Desde los primeros meses en el poder, D. Trump, justo en mitad de la ofensiva comercial contra China, agitaba el miedo a desencadenar una guerra de divisas. Por ejemplo, el presidente en varias ocasiones atacaba el euro y denunciaba que la moneda europea y otras divisas estaban devaluadas frente al dólar y de esta manera perjudicaban la economía norteamericana. Claro como el agua, que no es nada nueva la queja de la Casa Blanca sobre lo sobrevalorado que está el dólar y lo perjudicial que es para EEUU. Pero en la actualidad la amenaza de guerras monetarias toma forma y cuerpo, teniendo en cuenta que el *Departamento de Comercio* norteamericano estudia la manera de establecer un régimen de sanciones con aranceles adicionales a los países que devaluaran sus monedas. Como subrayó el secretario de comercio Wilbur Ross, esta medida “es un aviso para los productores extranjeros si perjudican a la industria de EEUU con subsidios monetarios” [15]. Con sus repetidas declaraciones y medidas concretas, la administración Trump ha señalado bastante claramente que los conflictos cambiarios son el próximo frente en la guerra económico-comercial.

En nuestro caso podemos hablar también de las contiendas tecnológicas y, en general, geoeconómicas. Es decir, por detrás del conflicto comercial de D. Trump con China se encuentra al acecho un temor a que Estados Unidos podría estar perdiendo su ventaja tecnológica mundial. Y este no es solo un sentimiento personal del presidente norteamericano.

De manera más amplia, en los pasillos del poder político de EEUU, la estrategia china denominada *Hecho en China 2025* que pretende garantizar el dominio de este país en las capacidades cibernéticas, la inteligencia artificial, la aeronáutica y otros sectores de tecnología de punta, es vista no solo como un desafío económico, sino como una amenaza geopolítica. El choque entre Washington y Pequín por el liderazgo tecnológico (buen ejemplo – la empresa *Huawei* que estaba en el epicentro del conflicto norteamericano – chino), genera riesgos de escala internacional. Como escribió el decano de *IE School of Global and Public Affairs* en Madrid Manuel Muñiz, “debemos prepararnos para el conflicto venidero. Al igual que en la Guerra Fría del pasado, la competencia entre Estados Unidos y China por el dominio tecnológico producirá efectos dominantes en todo el mundo, lo que podría dar lugar a una reacción mas aguda contra

la globalización... La tentación será romper los mercados globales y retirarse a islas de datos y tecnologías patentados” [16].

El gallo pelón del proteccionismo

Los hechos muestran que en la desaceleración del comercio global está influyendo el aumento de las medidas proteccionistas. Según los datos presentados por OMC el mes de diciembre de 2018, los países miembros de esta organización aplicaron 137 medidas restrictivas del comercio entre octubre de 2017 y octubre de 2018, lo que representó un aumento importante en relación con el anterior periodo. Estas medidas incluyeron elevaciones de aranceles, restricciones cuantitativas y impuestos sobre la exportación, entre otras. Además, estas decisiones restrictivas afectaron a un volumen de comercio de casi 600 mil millones de dólares, una cifra siete veces superior a la del periodo precedente [17]. De esta manera, el fenómeno casi olvidado de proteccionismo, ante nuestros ojos se convierte en un elemento clave de las relaciones económico-comerciales internacionales. Usando la clásica expresión del marxismo, se puede decir que “un fantasma recorre el mundo, el fantasma del proteccionismo” (mejor decir, *neoproteccionismo*).

En las tensiones proteccionistas en la escala mundial el conflicto de mayor relevancia es el de Estados Unidos con China, que se ha convertido en uno de los factores de incertidumbre internacional más determinantes.

Interesa destacar la dinámica acción/reacción o diente por diente, porque las medidas proteccionistas (hasta ahora) se han ejecutado según un calendario especular, que ha registrado varios paquetes simultáneos o inmediatamente consecutivos.

Las dos primeras medidas se aplicaron el 6 de julio y el 23 de agosto de 2018 en direcciones cruzadas y sobre cuantías relativamente pequeñas. La tercera, el 17 de septiembre por Washington (productos por 200 mil millones de dólares a los que se colocó un arancel del 10 %); la respuesta de Pekín fue inmediata, el 24 del mismo mes, en igual porcentaje (10 %), pero sobre menor volumen y cuantía de mercancías – 60 mil millones. Luego de una tregua, el 10 de mayo de 2019 EEUU elevó el arancel sobre bienes por 200 mil millones del 10 % al 25 %; China impuso otro del 25 % las mercancías por 60 mil millones. A partir de este momento la administración Trump no paraba en amenazar con más restricciones. En resultado, para principios de septiembre casi todas las exportaciones chinas a EEUU figuraban en la lista de más altos aranceles, solo algunos han visto aplazarse su entrada en vigor [18]. De esta manera, Washington pretende achicar las importaciones de productos chinos y balancear su intercambio comercial haciendo énfasis en aumento de las exportaciones estadounidenses.

Pero hay que tomar en cuenta lo siguiente. La importancia vital de las exportaciones no debe hacernos olvidar el papel sumamente significativo que juegan las importaciones de bienes y servicios en la economía de Estados Unidos y también en las economías de Rusia y España. En todos los casos, las importaciones contribuyeron y siguen contribuyendo al crecimiento macroeconómico y al bienestar social por varias vías, algunas de las cuales han adquirido especial transcendencia en los últimos tiempos.

En primer término, por el lado del consumo, las importaciones suponen la posibilidad de acceder a productos y servicios más baratos o más eficientes, de mayor calidad. Ello permite aumentar el nivel de bienestar de la población.

En segundo lugar, gracias a las importaciones las empresas locales acceden a maquinaria y tecnologías, que permiten ampliar su capacidad productiva y elevar la competitividad de los bienes en los mercados internos y externos.

En tercer lugar, las importaciones han adquirido una creciente relevancia en los últimos años gracias al desarrollo de las cadenas globales de valor.

Como resultado, las exportaciones se apoyan cada vez más en las importaciones. Una mayoría de las empresas exportadoras son también importadoras. Según señalan los expertos españoles, “las empresas que más importan son aquellas que exportan más valor (margen intensivo) y exportan una variedad más amplia de productos a una variedad más amplia de destinos (margen extensivo)” [19].

Todo eso significa que, ni más ni menos, la escalada proteccionista impulsada por Washington es un bumerán que acabará golpeando la economía estadounidense. Las decisiones a poner trabas al comercio internacional “están impulsadas por políticos ingenuos y sin visión de futuro”, aseguraba premio Nobel en economía Finn E. Kydland [20]. A pesar de esas consideraciones bastante obvias, mucho me temo que el curso proteccionista de D. Trump, especialmente contra la “gran fábrica del mundo” que es China, continuará, porque simplemente se juega el segundo periodo de la presidencia en esa política.

El labirinto de las sanciones

Un rasgo característico de la situación actual en la economía global son las sanciones comerciales, financieras y de otra índole. En general, las sanciones (este fenómeno no es nada nuevo bajo el sol) son el cambio deliberado de las relaciones existentes entre las naciones o grupos de naciones y organizaciones. Tales medidas pueden tomar la forma de un embargo (prohibición de comercio o transferencia de tecnologías), el congelamiento de las cuentas en los bancos, restricciones de uso de diferentes instrumentos financieros (como bonos soberanos o corporativos, préstamos, acciones) [21]. Como regla, los gobiernos utilizan las sanciones económicas como penalidades hacia otros gobiernos u organizaciones extranjeros para poder lograr metas no solo financieras y comerciales sino también políticas y geopolíticas como tuvo lugar en caso de las sanciones de Estados Unidos y la Unión Europea contra la Federación de Rusia al iniciarse el conflicto entre Moscú y Kiev.

Por supuesto, Estados Unidos desempeña una iniciativa y juega un papel de liderazgo en el uso del mecanismo de sanciones (incluso, contra Rusia), pero los países europeos también están tratando de mantenerse al día con Washington. Se puede afirmar que la Unión Europea se está convirtiendo en un actor cada vez más visible en la aplicación de sanciones económicas, la mayoría de las cuales están dirigidas contra Rusia. Al mismo tiempo, el régimen de sanciones antirusas se está endureciendo constantemente.

En la primera quincena de septiembre de 2019, la Unión Europea anunció una prórroga de seis meses (hasta el 15 de marzo de 2020) de sanciones contra 170 personas y 44 organizaciones rusas. Anteriormente, la UE decidió prorrogar las sanciones económicas antirusas, impuestas por primera vez en 2014 en relación con la participación de Moscú en los acontecimientos de crisis en Ucrania [22]. La decisión de 2019 conservó la situación de las tensiones comerciales y económicas en las relaciones ruso-europeas.

La experiencia de la guerra de sanciones ha demostrado que las sanciones comerciales, económicas y de otro tipo son armas de doble filo que no sirven para nadie, no ayudan a resolver los problemas existentes. Al revés, sólo sirven para exacerbarlos. Además, las sanciones son contrarias al derecho internacional, diluyen las normas jurídicas adoptadas y, en última instancia, contrarias a los intereses tanto de los países contra los que se imponen las sanciones, como de los Estados que las aplican.

Vale subrayar, que a lo largo de la historia moderna de vez en cuando las sanciones económicas han acompañado o precedido los conflictos armados y servían para debilitar al enemigo. Podemos recordar, que el presidente de Estados Unidos Woodrow Wilson incluso dijo que las sanciones por si mismas pueden ser una “fuerza mortal” y una herramienta político-diplomática muy eficiente [23].

Según nuestro criterio, no siempre es así. Por ejemplo, las sanciones económicas en contra de un país completo no solo afectan al gobierno, que es el objetivo de las medidas restrictivas, sino también a la población en general. Además, las sanciones pueden mover la culpa de las dificultades soportadas por la elite domestica a los que imponen las sanciones, suprimiendo de forma efectiva el descontento popular. Aún más, son también los que imponen quienes pierden financieramente durante las limitaciones de comercio, ya que las compañías internacionales no pueden expandir sus actividades a los mercados castigados potencialmente rentables.

¿Dónde está la salida?

Se da cuenta que el sistema mundial económico-comercial no solo pasa por un complicado periodo de incertidumbres, sino en términos estratégicos está en una encrucijada. La pregunta clave del análisis sistémico de la situación económica global: ¿Adónde vamos a partir de aquí?

En caso de seguir con el rumbo actual, abrimos nuevos frentes en las guerras comerciales, monetarias, tecnológicas, etc. Como escribía Raghuram G. Rajan (el economista que predijo la crisis financiera global de 2008), “el mundo podría dividirse en bloques desconectados y mutuamente sospechosos, que detendrían los flujos de personas, la producción y las finanzas que hoy los vinculan. Eso no solo sería económicamente desastroso, sino que aumentaría los malentendidos y la posibilidad de conflictos militares” [24].

Desafortunadamente, no puede haber vuelta atrás en el tiempo. Una vez se rompe, la confianza no puede ser restaurada por arte de magia. Por lo menos, hay que evitar desatar nuevos combates comerciales, tecnológicos y otros. Lo ideal sería que todos los países importantes se unieran para negociar un nuevo orden mundial, que acomode a múltiples potencias y bloques con normas que garanticen que todos se comprometen de manera responsable.

Basándose en este enfoque, hay que con suma atención estudiar todas las ideas que proponen economistas de diferentes corrientes científicas. Por ejemplo, ya mencionado Ha-Joon Chang aboga por la creación de un *nuevo-nuevo orden económico internacional* (New-New International Economic Order, NNIEO) y llama a los países a combatir los intentos por debilitar el multilateralismo. “El sistema econó-

mico internacional debe ser reformado de manera que sea más pro-desarrollo”, declara el experto. Según su opinión, un verdadero sistema de desarrollo multilateral debe estar fundado en el principio del proteccionismo asimétrico. En este sistema, a los países económicamente más débiles se les permite proteger y regular en mayor medida que aquellos países más fuertes, y se espera que vayan reduciendo el uso de estas medidas de política proteccionista de manera gradual, conforme con el crecimiento de sus economías. Otra de sus principales propuestas es que los gobiernos recuperen la dirección de las economías nacionales e implementen una política industrial que apoye a los negocios [25].

Por supuesto, todas las ideas hay que tomarlas con pinzas, al fin y al cabo nadie posee la verdad en última estancia. Pero numerosos estudios de los expertos y la misma realidad económica global han suministrado ya suficientes elementos de juicio para que los gobiernos de países avanzados saquen las conclusiones necesarias y pongan en marcha la política económica adecuada y capaz de asegurar un desarrollo dinámico y estable.

En este contexto sumamente complicado y contradictorio: ¿Cuales son las tareas estratégicas de Rusia y España?

Como bien muestran las tendencias globales, los riesgos externos para las economías rusa y española son crecientes y tienen su origen principalmente en las turbulencias internacionales, los resultados destructivos de las guerras comerciales, políticas del proteccionismo y las sanciones de diferente índole. Por ahora los riesgos de este tipo continúan aumentarse. Eso significa que debemos no perder ojo al debilitamiento en curso de la economía global a medida que continúan las profundas desavenencias mundiales.

Pero no nos llevemos a engaño: por increíble que parezca, las guerras comerciales, monetarias y tecnológicas, el auge del proteccionismo, son frutos de decisiones políticas deliberadas y perfectamente conscientes. Entonces, la principal prioridad compartida en materia de estrategia internacional es que los países-líderes (en nuestro caso, Rusia, España, miembros de la Unión Europea, Estados Unidos) cooperen y resuelvan lo más pronto posible sus discrepancias en materia político-diplomática para dar un impulso al crecimiento de intercambios económico-comerciales. Es la premisa *sine qua non*. Además, en la esfera de negocios, en lugar de elevar las barreras perniciosas y desestabilizar aún más la situación económica, hay que mejorar las condiciones para flujos de capital y ampliar la cooperación comercial y financiera. En breves palabras, eso significa realmente echar la política fuera de los negocios, regresar al pragmatismo y al sentido común (aunque, como sabemos, el sentido común es un sentido menos común entre los sentidos).

De todos modos, en vista de la desaceleración de la economía global y del riesgo creciente de guerras comerciales y de volatilidad financiera en el mundo entero, Rusia y España no tienen mucho tiempo que perder.

Literatura

1. Yákovlev P. P. La globalización 3.0 y su impacto en España y Rusia // Iberoamérica, 2017, № 3. P. 5–28.
2. G20 international merchandise trade continues to fall in the second quarter of 2019. 29 August 2019. — Mode of access: <https://www.oecd.org/sdd/its/international-trade-statistics-Q2-2019.pdf> (date of access: 12.09.2019).
3. Eurasia Group. Top Risks for 2019. — Mode of access: <https://www.eurasiagroup.net/issues/tpo-risks-for-2019> (date of access: 14.08.2019).
4. Yákovlev P. P. «Efecto Trump» y América Latina // Iberoamérica, 2017, № 1. P. 5–27.
5. De Zarate F. Ha-Joon Chang: “Si no recuperamos el control sobre el sector financiero, nada va a cambiar” // El País. Madrid, 27.02.2019.
6. OECD sees rising trade tensions and policy uncertainty further weakening global growth. 19.09.2019. — Mode of access: <https://www.oecd.org/economy/oecd-sees-rising-trade-tensions-and-policy-uncertainty-further-weakening-global-growth.htm> (date of access: 22.09.2019).
7. INE. Contabilidad Nacional Anual de España: Principales agregados. 16 de septiembre de 2019. — Mode of access: https://ine.es/prensa/cna_pa_2018.pdf (date of access: 18.09.2019).
8. Yákovlev P. P. La economía de Rusia proyecta un gran salto // Iberoamérica, 2018, № 3. P. 7–32.
9. Brown C. P., Irwin D. A. Trump's Assault on the Global Trading System. September/October 2019. — Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2019-08-12/> (date of access: 20.09.2019).
10. Gallego-Díaz S. Felipe González: “El capitalismo triunfante está destruyéndose a sí mismo” // El País, 8.09.2019.
11. WTO. World Trade Outlook Indicator. 26 November 2018. — Mode of access: https://www.wto.org/english/news_e/news18_e/wtoi_26nov18_e.pdf (date of access: 12.08.2019).
12. International Monetary Fund. Perspectivas de la economía mundial. Enero 2019. — Mode of access: <https://www.imf.org/>

- imf.org/es/Publications/WEO/Issues/2019/01/11/weo-update-january-2019 (date of access: 21.08.2019).
13. *Krugman P.* Trump y sus guerras comerciales // El Sol de México. México, 25.07.2019.
 14. *Lester S.* ¿Quedaron atrás los mejores días del libre comercio? 1 de Agosto de 2019. — Mode of access: <https://www.elcato.org/> (date of access: 22.08.2019).
 15. Remarks by U.S. Commerce Secretary Wilbur L. Ross at the President's Export Award Ceremony. May 23, 2019. — Mode of access: <https://www.commerce.gov/news/speeches/2019/05/remarks-us-commerce-secretary-wilbur-l-ross-presidents-export-award-ceremony> (date of access: 11.07.2019).
 16. *Muñiz M.* La Guerra fría tecnológica que se avecina // El País, 29.05.2019.
 17. *Fanjul E.* Cuatro claves de la globalización en 2019. January 10, 2019. — Mode of access: <https://www.printfriendly.com/p/g/Vq5KET> (date of access: 12.05.2019).
 18. *Vidal-Folch X.* La guerra comercial, un cesto de cerezas // El País, 4.09.2019.
 19. *Fanjul E.* Las importaciones también son un motor del crecimiento y el bienestar. December 13, 2018. — Mode of access: <https://www.printfriendly.com/p/g/SrH42F> (date of access: 22.06.2019).
 20. *Doncel L.* Kydland: “Los políticos que ponen trabas al comercio son ingenuos y carecen de visión de futuro” // El País, 10.06.2019.
 21. *Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B.* Economic Sanctions Reconsidered. Washington DC: Peterson Institute for International Economics, 2009.
 22. EU extends sanctions over actions against Ukraine's territorial integrity until 15 March 2020. 12/09/2019. — Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/09/12/eu-extends-sanctions-over-actions-against-ukraine-s-territorial-integrity-until-15-march-2020> (date of access: 20.09.2019).
 23. *Vossos T.* ¿Qué son las sanciones económicas? 20.11.2017. — Mode of access: <https://www.ehowenespanol.com/> (date of access: 20.07.2019).
 24. *Rajan R.* El orden comercial se desmorona // El Economista. Madrid, 6.09.2019.
 25. Ha-Joo Chang en la CEPAL: “Se necesita un nuevo orden económico internacional y combatir el debilitamiento del multilateralismo”. 21 de Agosto de 2019. — Mode of access: <https://www.cepal.org/es/comunicados/> (date of access: 28.08.2019).

Раздел II.

Иберо-американский мир в пространстве и времени. Актуальные вопросы языка и культуры: исследования и преподавание

Воронова А. Г.

Алла Геннадьевна Воронова,
канд. филол. наук, доцент,
МГИМО Университет МИД России, Россия.
alla-voronova-moscow@yandex.ru

Современный взгляд на классическую теорию индексных символов Романа Jakobsona

Аннотация. Несмотря на активное использование классического термина Романа Jakobsona «индексный символ» применительно к местоимениям, анализ теории Чарльза Пирса, на которую опирается Роман Jakobson, ставит этот термин под сомнение. Поскольку работы Пирса до сих пор определяют подходы к изучению любого языка, то их изучение актуально ввиду всё возрастающей роли коммуникации.

Теоретическим основанием данной статьи является теория знаков Ч. С. Пирса, положения которой сопоставляются с идеями Романа Jakobsona с помощью сравнительно-аналитического метода.

Процедура исследования предполагает изложение и анализ пяти положений теории Р. Jakobsona.

Результатом исследования является обоснование их неправомерности с точки зрения теории Ч. Пирса с учётом логики современного научного знания.

1,4. Местоимения связаны с обозначаемым объектом конвенционально и экзистенциально, поэтому принадлежат к классу индексных символов.

Объект у местоимений и у имён (символов) – разный. Местоимение не обозначает класс предметов, в отличие от имени.

Экзистенциальная связь индекса не сочетается с конвенциональной и сущностной связями символа, создавая вместо отношения знака и объекта вектор направленности внимания на реальный объект с определённой координатой как побуждение к пересмотру сущностной стороны символа.

2. «Я» обозначает «лицо, которое говорит: Я».

Это верно с точки зрения другого человека, обозначающего говорящего как «он». Если считать «Я» символом, то человек, называющий себя «Я», противопоставляет себе себя самого как того, кого он может определять как «он», что логически неприемлемо. И явное «соседство» Индекса и Символа, и скрытое присутствие Символа в явном Индексе в системе Ч. Пирса невозможно.

3. Любой шифтер имеет своё собственное общее значение.

По Ч. Пирсу, у индекса есть только общее значение, а у Символа есть общее значение и общий концепт.

5. Индексные символы лежат на пересечении кода и сообщения.

У Р. Jakobsona код – это знаковая система, следовательно, местоимение может быть каким угодно знаком.

В заключение можно сказать, что в отличие от теории «индексного символа» Jakobsona идеи Пирса позволяют чётко разграничить символ и индекс с точки зрения объекта и характера их связи с объектом, и определить особенности взаимодействия символа и индекса в языке и речи, и поэтому представляются многообещающими для изучения знаковой природы местоимений.

Ключевые слова: индексный символ, шифтер, местоимение «Я», общий знак, общий концепт, Роман Jakobson, Чарльз Пирс.

Alla Voronova

Modern vision of Roman Jakobson's classical theory of indexical symbols

Abstract. Despite active implementing of Roman Jakobson's classical term «indexical symbol» relating to pronouns, the analysis of Charles Pierce's theory, which is the pillar of Jakobson's ideas, puts this term in doubt. As Pierce's works have defined approaches to any language research so far, their study is relevant due to the growing role of communication.

The Theoretical Background of this article is Pierce's theory of signs, the statements of which are conferred with Jakobson's ideas using analytical-comparative method.

The Study Procedure includes exposition and analysis of Jakobson's theory five statements.

The Study Results are the substantiation of their nonderivability from Pierce's theory considering modern scientific knowledge logic.

1.4. Pronouns are linked to the object denoted conventionally and existentially, so they are indexical symbols.

The objects of pronouns and nouns (symbols) are different. Unlike a noun a pronoun doesn't denote a class of things.

Index existential relation doesn't combine with conventional and ontological symbol relations, creating instead of relations between a sign and an object a vector of attention focusing on a real object having concrete coordinates as incentive to revise a symbol ontological aspect.

2. «I» means «person uttering «I»».

It's true from the viewpoint of the other person denoting an uttering person as «he/she». If we consider «I» to be a symbol, a person denoting himself/herself like «I», opposes to himself/herself himself/herself as a person whom he/she can denote like «he/she», which is logically unacceptable. And the evident «neighborhood» of Index and Symbol and the latent presence of Symbol in the evident Index are impossible in Pierce's system.

3. Any shifter has its own general meaning.

According to Pierce, Indexes have a general meaning, but Symbols have a general meaning and a general concept.

5. Indexical symbols overlap code and message.

In Jakobson's theory a code is a sign system, so a pronoun can be any sign.

Summarizing, by contrast with Jakobson's theory of «indexical symbol», Pierce's ideas allow distinguishing symbol and index considering their objects and character of their relation with objects and define peculiarities of symbol and index interaction in language and speech, so they seem promising for studying a sign nature of pronouns.

Keywords: Indexical Symbol, Shifter, Pronoun «I», General Sign, General Concept, Roman Jakobson, Charles Pierce.

Alla Voronova

Visão moderna sobre a teoria clássica dos símbolos – índice de Roman Jakobson

Anotação. Apesar do uso aliovo do termo clássico de Roman Jakobson «símbolo-índice» no que se refere aos pronomes, a análise da teoria de Charles Pierce em que se baseia Roman Jakobson, coloca este termo em dúvida. Como as obras de Pierce até agora definem as abordagens ao estudo de qualquer língua, a análise delas é atual devido ao papel de comunicação a crescer.

A base deste artigo é a teoria de signos de Charles Sanders Pierce, cujas leses se comparam com as ideias de R. Jakobson, sendo usado o método de comparação analítica.

O procedimento do estudo prevê a exposição e a análise de cinco leses da teoria de R. Jakobson.

O resultado do estudo é a justificação da não legitimidade delas do ponto de vista da teoria de Charles Pierce, considerando o conhecimento científico moderno.

1,4. Pronomes estão ligados ao objeto designado de maneira convencional e existencial, por isso pertencem à classe de símbolos-índice.

O objeto dos pronomes e nomes (símbolos) é diferente. O pronome não designa a classe de objetos, diferentemente do nome.

A relação existencial do índice não se combina com as relações convencional e essencial do símbolo, criando em vez da relação entre o signo e a classe de objetos o vetor de concentração de atenção para o objeto real tendo a coordenada definida como a estimulação de revisão do lado essencial do símbolo.

2. «Eu» significa «a pessoa que diz «Eu»».

Isto é certo do ponto de vista de outra pessoa que designa o/a falante como «ele/ela». Se acharmos que «Eu» é símbolo, isso significa que a pessoa que chama a si mesma como «Eu», opõe-se a si mesma como aquele/a que ela pode definir como «ele/ela», o que não é possível logicamente. Tanto a «vizinhança» evidente do Índice e o Símbolo, como a presença latente do Símbolo no Índice manifesto não é possível segundo o sistema de Charles Pierce.

3. Qualquer shifter tem o seu próprio significado geral.

Segundo Charles Pierce, o Índice tem só o Significado Geral, mas o Símbolo tem o Significado Geral e o Conceito Geral.

5. Os símbolos-índice estão na interseção do código e a mensagem.

Para R. Jakobson o código é o sistema de signos, por isso o pronome pode ser qualquer signo.

Concluindo, pode-se dizer que, diferentemente da teoria de «símbolo-índice» de Jakobson, as ideias de Pierce permitem diferenciar de maneira precisa o símbolo e o índice do ponto de vista do objeto e do caráter de relações deles com o objeto, e definir as particularidades de interação do símbolo e o índice na língua e na fala, e por isso se apresentam como promissoras para estudar a natureza de signo dos pronomes.

Palavras-chave: Símbolo-índice, Shifler, pronome «Eu», Signo Geral, Conceito Geral, Roman Jakobson, Charles Pierce.

Введение. Теория Романа Якобсона об индексных символах является классической для многих современных лингвистов. Однако признание её аксиоматичной основывается на недостаточном знании основных постулатов учения основателя семиотики Чарльза Сандерса Пирса, которое было популяризировано и использовано Романом Якобсоном. При внимательном прочтении трудов американского учёного XIX века нами было обнаружено некоторое несоответствие между положениями его теории и идеями Романа Якобсона. Поскольку работы Чарльза Пирса определили и до сих пор определяют ход развития науки о знаках, которая лежит в основе изучения любого языка, то скрупулёзное исследование введённых им терминов и понятий и анализ их интерпретации последующими поколениями учёных является более чем актуальным в свете возрастающей роли коммуникации в современном глобализованном мире.

Теоретические основания исследования. В данной работе термин «индексный символ», введённый Романом Якобсоном, анализируется в соотношении с терминами Чарльза Сандерса Пирса, с помощью которых он описывает свою теорию знаков: «существует девять подклассов знаков; эти подклассы формируются на основе трёх трихотомий знака и их связи с категориями первичности, вторичности и третичности» [1, с. 18].

Трихотомии знака: I Знак как репрезентант, II Знак в отношении к объекту, III Знак в отношении к интерпретанту.

Категории: Первичность (возможность), Вторичность (существование), Третичность (закон). Чарльз Пирс выделил следующие подклассы знаков:

- Качественный знак (I Знак как репрезентант, Первичность [возможность]).
- Единичный знак (I Знак как репрезентант, Вторичность [существование]).
- Общий знак (I Знак как репрезентант, Третичность [закон]).
- Иконический знак (II Знак в отношении к объекту, Первичность [возможность]).
- Индекс (II Знак в отношении к объекту, Вторичность [существование]).
- Символ (II Знак в отношении к объекту, Третичность [закон]).
- Рема (III Знак в отношении к интерпретанту, Первичность [возможность]).
- Суждение (III Знак в отношении к интерпретанту, Вторичность [существование]).
- Умозаключение (III Знак в отношении к интерпретанту, Третичность [закон]).

Исследование (основная часть). Термин «индексный символ», введённый Романом Якобсоном, представляется противоречащим духу и букве теории знаков Чарльза Сандерса Пирса, к которой апеллирует Роман Якобсон.

Методология. При проведении данного исследования мы использовали сравнительно-аналитический метод.

Процедура исследования. Рассмотрим положения, излагаемые Романом Якобсоном, выделим те из них, которые вступают, с нашей точки зрения, в явное противоречие с логикой теории Чарльза Сандерса Пирса, и постараемся понять, что именно из наследия Чарльза Пирса не было учтено или принято во внимание Романом Якобсоном при изложении им своего взгляда на природу шифтеров.

1. «Согласно Пирсу, символ ... соотносится с обозначаемым им объектом по условно принятому правилу, тогда как индекс (например, указательный жест) находится с обозначаемым объектом в реальной связи. Шифтеры совмещают в себе обе эти функции и относятся поэтому к классу *индексных* (или *индикативных*) символов. В качестве яркого примера Беркс приводит личные местоимения» [2, с. 1].

Согласно теории Пирса, знак, рассматриваемый в его отношении к объекту, может быть индексом, иконическим знаком или символом. В соответствии с положениями статьи Романа Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», разница между символом и индексом появляется только вследствие смены одного типа связи между знаком и объектом (конвенциональная) на другой (экзистенциальная). Однако необходимо рассматривать не только **отношение** к объекту, но и сам **объект** в этом отношении. А для этого, согласно теории Чарльза Пирса, следует принимать во внимание не только знак в отношении к объекту (2), но также и другие его ипостаси: знак как сущность (1) и знак как репрезентант объекта к интерпретанту (3). Ч. Пирс пишет: «Рематический Индексальный Общий Знак (например, указательное местоимение) — это общий тип, или закон, установленный таким образом, чтобы каждое проявление

указательного местоимения под воздействием Объекта привлекало внимание к этому Объекту... Интерпретанта Рематического Индексального Общего Знака представляет его как Иконический Общий Знак в определённой степени — но в очень малой степени» [3, с. 2100].

В этом определении нет ни слова о символической природе указательного местоимения, а, напротив, упомянута некоторая иконичность. Применительно к индексу она может быть понята как основа смежности.

Рассмотрим также пункт о восьмой разновидности знаков: «Рематический Символ или Символическая Рема (например, родовое слово) — это знак, связанный со своим Объектом посредством ассоциации **общих идей** таким образом, что его Реплика вызывает к жизни образ как Общий Концепт.... Рематический Символ...обязательно ...является Общим Знаком. Однако его Реплика ...побуждает Символ ...вызывать в уме **Общий Концепт**. В этом состоит его отличие от других Рематических Индексальных Общих Знаков. Так, указательное местоимение «тот» — это Общий Знак, так как относится к общему типу, но — не Символ, так как не обозначает Общий Концепт» [3, с. 2100–2101].

Таким образом, Чарльз Пирс принципиально разграничивает Индексы и Символы, указывая на то, что объектом Символа является Общий Концепт, или класс предметов. Но при этом он не указывает объект Индекса.

Если Роман Jakobson использует терминологию Пирса, то необходимо уточнить, в чём состоит расхождение между определениями понятий, данными Пирсом, и понятиями, принятыми Jakobsonом, так как в противном случае создаётся впечатление, что он использовал теорию Пирса лишь формально. Местоимение «Я» никогда не может быть Общим Термином, то есть обозначать класс объектов. Нет класса «Я», подобного классу «лис» или «пожарных», которые входят в другие классы на основании родовидовых характеристик.

2. Местоимение «Я» обозначает «лицо, которое говорит: Я». [4, с. 1].

Человек, который произносит «я», может обозначать с помощью символов только то, что он императивно определяет, — мир, реальность. Любой символ (в понимании Пирса, родовое слово) прилагается тем, кто называет себя «я», к тому, что или кого он может изначально обозначить с помощью местоимения «он» с целью его последующего наделения родовидовыми характеристиками.

Следовательно, «я» обозначает «лицо, которое говорит: Я», не с точки зрения говорящего, а с точки зрения другого человека, который может обозначить его как «он», «она». Таким образом, если считать «я» символом, то человек, называющий себя «я», противопоставляет себе себя самого как того, кого он может определять как «он». Логически это представляется невозможным.

Символ допускает прибавление признаков к неотъемлемым признакам объектов определённого класса. А местоимения «я», «ты», «Вы», «вы», «мы» не означивают ту часть мира, которая уже определена посредством родовидовых отношений. Хотя они допускают присоединение определений, но эти определения не закрепляются в виде родовидовых черт за классом «я» (которого не существует).

Роман Jakobson в статье «В поисках сущности языка» справедливо отмечает, что «одной из важнейших черт семиотической классификации Пирса является тонкое осознание того, что различие трёх основных классов знаков — это лишь различие в относительной иерархии. В основе разделения знаков на иконические знаки, индексы и символы лежит ... лишь преобладание одного из этих факторов над другими...» [2, с.105]. Однако при всей гибкости и подвижности системы знаков Чарльза Пирса, она имеет некоторые жесткие ограничения.

Одно из таких ограничений — это **невозможность «явного» сосуществования разных категорий в одном и том же знаке**. Но возможны их сочетания, при которых одна категория является ведущей, дающей название знаку, а другая представлена в «скрытом» виде. Например, в Символе в снятом виде присутствуют и Индекс (в речи как указание и в языке как основа любого определения), и Иконический Знак (как репрезентатив). В языке индекс в символе присутствует в виде намёка на неопределённость в любой дефиниции общего термина, так как она обязательно строится от общего к частному.

Ель — это дерево — растение — организм — тело — объект — нечто (движение мысли идёт от «нечто» к «ель»).

Другое строгое ограничение, которое налагается системой Чарльза Пирса, — **невозможность «скрытого» присутствия высшей категории в «явной» низшей**, то есть, например, «скрытого» присутствия Символа в «явном» Индексе.

В этом смысле система Чарльза Пирса гораздо ближе к истине, чем представления о местоимении, согласно которым оно является субститутутом имени. Местоимение считается шифтером, который прилагается к каждому слову, хотя местоименное значение («нечто, что нам неизвестно») — это основа любого имени, а имя — это попытка удержать и зафиксировать свойства меняющейся реальности, суть которой от нас постоянно ускользает.

То есть, ни явное «соседство» Индекса и Символа, ни скрытое присутствие Символа в явном Индексе как категорий разных уровней в системе Чарльза Пирса невозможно.

Иное требует объяснения и размежевания с определениями, данными Пирсом как создателем данной системы. Это не было сделано Романом Якобсоном. Поэтому определение личного местоимения «Я» как индексного символа представляется неубедительным.

3. «Любой шифтер имеет своё собственное общее значение. Так, «Я» обозначает говорящего (а «ты» — «Вы») — адресата сообщения, к которому оно принадлежит».

Чарльз Пирс в таблице соотношения Категорий и Трихотомий чётко обозначает разницу между Общим Знаком и Символом. Общий Знак — это общее значение знака как репрезентатива, рассматриваемого безотносительно чего бы то ни было. Общее значение может быть и у Иконического Знака, и у Индекса, и у Символа (знаков в их отношении к Объекту); а также у Ремы, Суждения и Умозаключения (знака как триадического отношения репрезентации объекта к интерпретанту). А Общий Концепт как указание на класс объектов есть только у Символа и распространяется на Рему, Суждение и Умозаключение.

То есть у Иконического Знака и у Индекса есть только общее значение, а у знаков выше и правее их в таблице есть и общее значение, и Общий Концепт.

4. «Согласно Пирсу, символ ...соотносится с обозначаемым им объектом по **условно принятому правилу**, тогда как индекс ...находится с обозначаемым объектом **в реальной связи**» [4, с.1].

В пункте 1, который мы уже цитировали, на сей раз обратим внимание на характер связи между символом и индексом, с одной стороны, и объектом — с другой, и рассмотрим понятие «конвенциональности», проявляющееся, как полагает Роман Якобсон, не только в символе, но и в местоимениях, которые он считает индексными символами. Проанализируем конвенциональность каждой из сторон символа и индекса, а затем посмотрим, насколько она может совмещаться с экзистенциальной связью в местоимении.

Если понимать «конвенциональность» как сочетание двух элементов: 1) произвольность (с точки зрения подобию) и 2) потенциальная изменчивость, — то конвенциональность **символа** проявляется по-разному при рассмотрении символа в языке, который считается родным для носителя, и в языке, иностранном для говорящего.

Рассмотрим связь между тремя элементами символа (знак, интерпретанта, объект) в **родном языке**.

Знак — интерпретанта: связь — конвенциональная и неизменная, но её «расшатывают» синонимы.

Интерпретанта — объект: связь — неконвенциональная (сущностная) и неизменная.

Объект — знак: связь — конвенциональная и изменчивая в пространстве (относится к любому предмету данного класса).

Рассмотрим связь между тремя элементами символа (знак, интерпретанта, объект) в **иностранном языке**.

Знак-интерпретанта: связь — конвенциональная и изменчивая с течением времени в одном языке или одновременно в разных языках.

Интерпретанта-объект: связь — неконвенциональная (сущностная), но изменчивая с течением времени.

Объект-знак: связь — конвенциональная и изменчивая в пространстве (относится к любому предмету данного класса).

Синонимы «расшатывают» неизменность конвенциональности отношения между знаком и интерпретантой, так как одна и та же интерпретанта может относиться к нескольким знакам в одном и том же языке или в нескольких языках. Иконическая связь между интерпретантой и объектом представляется носителю родного языка сущностной и неизменной, а говорящему на иностранном языке сущностной (но неудобной) и изменчивой с течением времени. Индексальная связь между знаком и объектом — конвенциональна и изменчива в пространстве, так как относится к любому предмету действительности, входящему в данный класс, но никогда не выходит за пределы класса.

В символе отношения идут от объекта к интерпретанте (объект как бы «излучает» свои свой-

ства, которые фиксируются в интерпретанте и далее в слове-символе, отличном от индекса).

В индексе (местоимении) связь представляется несколько другой.

Знак — интерпретанта: связь является конвенциональной основой для образования синонимов.

Интерпретанта — объект: связь — неконвенциональная (сущностная) и изменчивая.

Объект — знак: связь — экзистенциальная (реальная), выходит за пределы класса и указывает на координату.

Местоимения (индексы) «расшатывают» неконвенциональность иконического отношения структурно, выходя за рамки класса и устраняя «иконичность» символа, то есть соответствие интерпретанты (интенционала) объекту (экстенционалу, или классу предметов). Но если нет интерпретанты, то знаку (слову) не с чем соотноситься, кроме объекта, и треугольник превращается в отрезок (знак-объект), а другие его стороны становятся виртуальными, то есть грамматизируются.

В индексе отношения идут от знака к объекту, к которому привлекается внимание и который одновременно помещается в определённую точку сетки координат, налагаемой на мир. Использование местоимений каждый раз заново запускает механизм познания как создания значения символов в результате воздействия объектов действительности на человека в виде зафиксированных в интерпретанте и далее в слове-символе их «сущностных» характеристик. Таким образом, координаты, выраженные индексом, идут от субъекта, познающего мир, к реальности, а значение символов — от мира объектов к человеку через фиксацию в интерпретанте. Координаты отражают **некачественные характеристики**: пространственно-временную локализацию, отношения причины-цели-следствия (определение сферы качественности), количество.

В символе единственная неконвенциональность — иконическое подобие интерпретанты объекту. Индекс же разрушает в символе и конвенциональность отношения между знаком и интерпретантой, и неконвенциональность иконического подобия интерпретанты объекту, и создаёт на месте конвенциональности отношения знака и объекта вектор направленности внимания на реальный объект, имеющий определённую координату как побуждение к пересмотру и видоизменению сущностной стороны символа.

5. По мнению Романа Jakobsona, индексные символы представляют собой сложную категорию, лежащую на пересечении кода и сообщения.

Поскольку в теории Jakobsona код равен знаковой системе, то из этого положения не следует вывод о том, что местоимение «Я» — это индексальный символ, это может быть какой угодно знак.

Таким образом, дефиниция шифтеров как индексальных символов (на примере местоимения «Я») по сути не поддерживается теорией Чарльза С. Пирса несмотря на формальное использование его терминологии и идей Романом Jakobsonом.

Результаты исследования. В статье исследовался термин Романа Jakobsona «индексный символ» на предмет его соответствия теории знаков Чарльза Сандерса Пирса.

Анализ результатов. Были рассмотрены 5 положений, выдвинутых Романом Jakobsonом для обоснования введения термина «индексный символ» в качестве обозначения местоимений, и выявлена их принципиальная невыводимость из учения Ч. Пирса о знаках.

1,4. Местоимения связаны с обозначаемым ими объектом конвенционально и экзистенциально, поэтому они принадлежат к классу *индексных* символов.

Но объект у местоимений и у имён (символов) — разный. Местоимение «Я» никогда не может быть общим термином, то есть обозначать класс объектов.

Что же касается связи, то местоимение разрушает в символе конвенциональное отношение между знаком и интерпретантой и неконвенциональное подобие интерпретанты объекту, которое формируется по вектору от объекта к интерпретанте, и создаёт на месте конвенционального отношения знака и объекта вектор направленности внимания на реальный объект, имеющий определённую координату как побуждение к пересмотру и видоизменению сущностной стороны символа. То есть, экзистенциальная связь индекса не может сосуществовать с конвенциональной и сущностной связями символа, но побуждает к их трансформации.

2. «Я» обозначает лицо, которое говорит: Я.

«Я» обозначает «лицо, которое произносит слово “Я”», не с точки зрения говорящего, а с точки зрения другого человека, который может обозначить его как «он», «она». Таким образом, если считать «Я» символом, то человек, называющий себя «Я», противопоставляет себе себя самого как того, кого он может определять как «он». Логически это представляется невозмож-

ным.

Кроме того, ни явное «соседство» Индекса и Символа, ни скрытое присутствие Символа в явном Индексе как категорий разных уровней в системе Чарльза Пирса невозможно.

3. «Любой шифтер имеет своё собственное общее значение. Так, «Я» обозначает говорящего (а «ты» — «Вы») — адресата сообщения, к которому оно принадлежит».

Чарльз Пирс в таблице соотношения Категорий и Трихотомий чётко обозначает разницу между Общим Знаком и Символом. У Иконического Знака и у Индекса есть только общее значение, а у Символа есть и общее значение, и Общий Концепт.

5. По мнению Романа Якобсона, индексные символы представляют собой сложную категорию, лежащую на пересечении кода и сообщения.

Поскольку в теории Якобсона код равен знаковой системе, то из этого положения не следует вывод о том, что местоимение «Я» — это индексный символ, это может быть какой угодно знак.

Заключение. Учение Чарльза Пирса представляется гораздо более многообещающим с точки зрения изучения знаковой природы местоимений, чем взгляд Романа Якобсона на местоимения как на индексные символы. Термин Романа Якобсона «индексный символ» не учитывает разницу между понятиями «общий знак» и «общий концепт», не принимает во внимание смену ракурса при определении значения местоимения «Я», рассматривает понятие конвенциональности и экзистенциальности связи в отрыве от объекта и направленности связи. В противоположность этому, логика идей Чарльза Пирса позволяет чётко разграничить символ и индекс с точки зрения объекта и характера их связи с объектом и определить особенности взаимодействия символа и индекса в языке и речи.

Литература / References

1. Критика и семиотика. — 2001. — Вып. 3/4. — С. 5–32 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_03-04/cs0304net.pdf (дата обращения: 10.09.2017).
2. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семиотика. — Благовещенск, 1998. Т.1. С.101–116.
3. Peirce, Ch. S. (2014). *Elements of Logic*. // *Collected papers. Vol. II*. — Cambridge (Mass): Harv. Univ. Press, 1965 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://colorysemiotica.files.wordpress.com/2014/08/peirce-collectedpapers.pdf> (дата обращения: 07.09.2017).
4. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Теория языка. 1957 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/printer_191.html (дата обращения: 25.09.2017).

Демкина А. В.

Анастасия Владимировна Демкина, аспирант,
Университет МГИМО МИД России, Россия.
a.v.dyomkina@yandex.ru

Коммуникативные неудачи политического дискурса испанской партии «Подemos»

Аннотация. В статье с позиций когнитивистики и прагмалингвистики рассматривается вопрос эффективности дискурса испанской партии «Подemos». Отмечается, что непоследовательность в развертывании дискурса и коммуникативные неудачи могут играть весомую роль в продвижении или деградации политической коммуникации и как следствие повлиять на динамику электоральной поддержки.

Учитывая тезис лингвопрагматиков о том, что источником коммуникативной неудачи могут быть как сам коммуникант, так и обстоятельства коммуникативного акта, автор осуществляет дискурс-анализ риторики лидеров «Подemos» в хронологических рамках периода 2014-2019 гг., фокусируясь не только на эволюции прагмалингвистических практик, но и на прагматическом контексте коммуникативных событий.

Констатируя высокую медийную зависимость дискурса «Подemos» и его перформативный характер, выявлено, что повторяющийся характер «перформативных осечек» или коммуникативных неудач приводит к нарушению последовательности дискурса, снижению его эффективности и даже к размыванию дискурсивной идентичности коммуникатора.

Представляется, что если на этапе начала деятельности политической организации агрессивная коммуникативная тактика «медийных скандалов» и может принести политикам популярность, то впоследствии избиратели ожидают от своих избранников логичности и последовательности, а прерывистость и непонятная аудитории смена дискурсивной рамки может привести к неконтролируемым для адресанта последствиям. Фиксируется, что в конечном счете снижение электоральной поддержки «Подemos» на всеобщих и муниципальных выборах в Испании в 2019 г. обусловлено крупными медийными скандалами вокруг деятельности партии, которые оказались спровоцированными подобного рода нарушениями дискурсивной логики.

Ключевые слова: когнитивистика, прагмалингвистика, дискурс «Подemos», политический дискурс.

Anastasia Demkina

Communicative failures of the political discourse of the spanish party Podemos

Abstract. The article considers the effectiveness of the Spanish party Podemos discourse from the standpoint of cognitive science and pragmalinguistics. It argues that inconsistency in the development of discourse as well as communicative failures tend to play a significant role in promoting or degrading political communication and, as a result, affect the dynamics of electoral support.

Given the thesis of linguo-pragmatists that the source of communicative failure can be both the communicant himself and the circumstances of the communicative act, the author carries out a discourse analysis of the rhetoric of the Podemos

leaders in a chronological framework - 2014-2019, focusing not only on the evolution of pragmlinguistic practices, but also on the pragmatic context of communicative events.

Having ascertained the high media dependence of the Podemos discourse and its performative nature, it has been revealed that the repeated nature of "performative misfires" or communicative failures leads to disruption of the discourse sequence, a decrease in its effectiveness, and even erosion of the communicator's discursive identity.

It seems that if the aggressive communication tactics of "media scandals" are likely to bring politicians popularity at the starting stage, then voters subsequently expect logic and consistency from their representatives, and the discontinuity and incomprehensible change of the discursive framework for the audience may lead to uncontrolled consequences for the addresser. It is recorded that the decline in Podemos's electoral support in the general and municipal elections in Spain in 2019 may refer to large media scandals around the party's activities, which have been triggered by violations of discursive logic.

Keywords: cognitive science, pragmlinguistics, Podemos discourse, political discourse.

Anastasia Demkina

Fallas comunicativas del discurso político del partido español Podemos

Resumen. El artículo considera la efectividad del discurso del partido español Podemos desde el punto de vista de la ciencia cognitiva y pragmlingüística. La investigación sostiene que la inconsistencia en el desarrollo del discurso y las fallas comunicativas juegan un papel importante en la promoción o degradación de la comunicación política y, como resultado, afectan la dinámica del apoyo electoral.

Dada la tesis de los lingüistas-pragmáticos de que la fuente del fracaso comunicativo puede ser tanto el propio comunicante como las circunstancias del acto comunicativo, se lleva a cabo un análisis del discurso de la retórica de los líderes de Podemos en un marco cronológico - 2014-2019, centrándose no solo en la evolución de las prácticas pragmlingüísticas, sino también en el contexto pragmático de los eventos comunicativos.

Al comprobar la alta dependencia mediática del discurso de Podemos y su naturaleza performativa, se ha revelado que la repetición de las «fallos performativos» o fallas comunicativas conduce a la interrupción de la secuencia del discurso, lo que trasciende en una disminución de su efectividad e incluso la erosión de la identidad discursiva del comunicador.

Se postula que si las agresivas tácticas de comunicación de los «escándalos mediáticos» pueden contribuir a la popularidad de los políticos en la etapa inicial, al paso de tiempo los votantes se inclinan a una actuación más lógica y consistente de sus representantes, y tanto discontinuidad como incomprensibilidad del cambio del marco discursivo por la audiencia puede conducir a unas consecuencias descontroladas para el emisor. Se ha registrado que la disminución del apoyo electoral de Podemos en las elecciones generales y municipales en España en 2019 se produjo también debido a los grandes escándalos mediáticos en torno a las actividades del partido, que se han desencadenado a causa de las violaciones de la lógica discursiva.

Palabras clave: ciencia cognitiva, pragmlingüística, discurso de Podemos, discurso político.

Введение. Использование когнитивно-лингвистических и дискурсивных инструментов, широко применяемое в последнее время в ходе реализации коммуникационных кампаний в политике, вызывает необходимость оценки эффективности предпринятых коммуникатором

усилий с целью их корректировки и максимизации. Категория эффективности дискурса, как представляется, напрямую зависит не только от искусно подобранных когнитивно-прагматических инструментов, дающих возможность «попасть в яблочко» когнитивной картины мира адресата [1], но и от того, насколько последовательным будет адресант в своих действиях. В фокусе данного исследования — проблема эффективности дискурса испанской партии «Подемос», чья дискурсивная и политическая траектория освещалась в работах ряда отечественных и зарубежных философов, политологов и лингвистов [2; 3; 4; 5; 6]. Данная работа, однако, впервые обращает внимание на фактор коммуникативных неудач в процессе развертывания дискурса данной партии. Необходимость глубинного анализа коммуникативных неудач на дискурсивном уровне обусловлена тем, что они зачастую приводят к драматическим последствиям, поскольку устранение спровоцированного ими ущерба для коммуникации далеко не всегда возможно и контролируемо.

Теоретические основания исследования. Понимая коммуникативную неудачу в широком смысле как всякий случай, когда с помощью речевого действия не достигается его практическая цель, а в узком — как неудачу, при которой не достигнута цель не только практическая, но и коммуникативная, Б. Ю. Городецкий предлагает классификацию коммуникативных неудач в межличностном общении [7]. Согласно данной типологии источником коммуникативной неудачи могут быть как сам коммуникант, так и обстоятельства коммуникативного акта. Представляется, что подобные критерии применимы и к области прагмалингвистики и дискурсологии.

В частности, в терминологии Дж. Остина подобные коммуникативные неудачи названы осечками (MISFIRES): «действие, для достижения и в процессе достижения которого, строится определенная словесная формула и при этом действие не совершается» [8, р. 27]. Остин также называет подобное явление «перформативной осечкой», то есть действие в результате коммуникативного акта подразумевается, но оказывается пустым. Учитывая перформативный характер дискурса «Подемос» [3], можно представить, насколько серьезные последствия могут иметь такого рода «осечки» для коммуникации партии. Повторяющийся характер «перформативных осечек» приводит к нарушению последовательности дискурса, снижению его эффективности и в худшем стечении обстоятельств к его действию в обратном направлении, то есть во вред коммуникатору. Учитывая «контролируемую двойственность» дискурса «Подемос», призванную перетянуть на свою сторону как можно большее количество голосов различных социальных групп и оправданную политической стратегией партии [4], полагаем, что она не всегда могла быть правильно истолкована электоратом. Представляется, что снижение электоральной поддержки «Подемос» на последних всеобщих и муниципальных выборах в Испании в 2019 г. также может быть следствием нарушений дискурсивной логики, которые сопровождались крупными медийными скандалами вокруг деятельности партии.

Исследование: основная часть. *Научная гипотеза*, апробируемая в данном исследовании, формулируется следующим образом: корень перформативных осечек дискурса «Подемос» лежит в нарушении изначально устанавливаемой партией дискурсивной логики формирования собственной идентичности.

Методология исследования. Анализ коммуникативных неудач дискурса «Подемос» выполняется с позиций междисциплинарного подхода, который объединяет теоретические положения прагматики, когнитивной и дискурсивной лингвистики.

К *материалам исследования* относятся выступления и статьи лидеров «Подемос», интервью, программы и документы партии, сообщения в социальных сетях и другие фрагменты риторики партии.

Процедура исследования подразумевает глубинный дискурс-анализ публицистики «Подемос» с целью выявления общей логики развертывания дискурса, а также источников коммуникативных неудач.

Раскол внутри «Подемос». Появление партии «Подемос» на испанском политическом горизонте было воспринято крупнейшими официальными СМИ, пусть и позиционирующими себя в качестве беспристрастных и нейтральных, в качестве реальной угрозы сложившемуся политическому статус-кво. Именно поэтому журналисты буквально «с лупой» интересовались и следили за всем, что происходит внутри новой партии. Членов «Подемос» обвиняли в зарубежном финансировании (идеологически близкими правительствами Венесуэлы и Ирана) и незаконном отмывании денег через университетские проекты и гранты (получение И. Эррехоном стипендии Университета Малаги с нарушением правил предоставления результатов исследова-

ния в обмен на обещание портфеля в Конгрессе депутатов директору данного проекта). Указывали СМИ и на расхождение взглядов лидеров «Подемос» в отношении внутреннего устройства организации и её политической стратегии. Как бы то ни было члены партии все обвинения отрицали, расхождения в подходах называли плюрализмом мнений, а финансовым скандалам противопоставляли нарочитый аскетизм образа жизни П. Иглесиаса и его сторонников [9].

К началу 2017 г., однако, внутренний раскол в «Подемос» стал настолько явным, что в СМИ и социальные сети стали попадать «открытые письма», в которых члены партии оправдывали свою позицию и обвиняли своих же коллег. Речь шла уже не просто о различиях в подходах на управление организацией или несовпадении мнений относительно политической стратегии. Ставилось под сомнение лидерство в партии генерального секретаря, адекватность внутренних взаимоотношений с союзниками — партией «Объединенных левых». «Подемос» фактически раскалывалась на сторонников П. Иглесиаса и И. Эррехона.

Очевидно, что общественность уже не довольствовалась успокаивающими разъяснениями П. Иглесиаса о том, что в «Подемос» — все в порядке. СМИ стали недоумевать, почему в партии, которая еще несколько лет назад бросила открытый вызов коррумпированным элитам, сговору политиков и банкиров, возможна ситуация, когда вторым лицом, спикером «Подемос» в Парламенте, становится И. Монтеро — спутница генерального секретаря, занимая место в Конгрессе депутатов по правую руку от П. Иглесиаса, а его бывшая пассия Т. Санчес, также член партии, вдруг оказывается перемещенной «на задворки» партийного сектора. И это происходит в партии, которая не так давно заявляла о собственном моральном превосходстве над всеми остальными политическими игроками [10].

Апогеем раскола стало решение И. Эррехона участвовать в автономных выборах в округе Мадрид в связке с действующим мэром города М. Кармена. Не дожидаясь указаний от генерального секретаря, он начал участие в предвыборной кампании нового альянса, что фактически означало его выход из «Подемос». Таким образом, раскол в партии на фоне противоречивого прагматического контекста стал уже объективной реальностью, а не происками враждебных СМИ. Поэтому заявления спикеров «Подемос» о единстве и силе в партии для целевой аудитории превратились в пустые слова или «перформативные осечки».

Непонятым для широкой публики оказался и шаг П. Иглесиаса, который во время избирательной кампании 2018–2019 гг. вдруг воспользовался декретным отпуском для ухода за детьми. СМИ недоумевали: *«Неужели сотрудник, который считает себя частью народа, а не элит, может с радостью идти в декретный отпуск, зная, что его присутствие необходимо сейчас на рабочем месте? Можете представить себе Ленина, который в день штурма Зимнего дворца находился бы в отпуске по уходу за детьми или Фиделя Кастро, который бы по той же причине отложил бы свой поход на Гавану после свержения Батисты?»* — *«¿Puede tomarse alegremente un permiso de paternidad como cualquier oficinista para así poder decir que forma parte del pueblo, que es el pueblo y no la élite, aunque si es necesaria su presencia acuda a donde le llaman? ¿Imaginan que Lenin, el día del asalto al Palacio de Invierno, estuviera con permiso de paternidad, o Fidel Castro, por la misma causa, retrasara su entrada en La Habana al caer Batista?»* [10]. Несмотря на то, что сам Иглесиас объяснял свой поступок наглядной демонстрацией поддержки гендерного равенства в отношении ухода за детьми и распределением семейных обязанностей, его действия все-таки были восприняты с непониманием и, возможно, сыграли не последнюю роль в снижении электоральной поддержки «Подемос» на всеобщих, муниципальных и выборах в Европарламент в 2019 г.

Вестиментарно-прагматингвистические коллизии. В политическом дискурсе прагматическое значение костюма играет важную роль в ходе коммуникации. Внешний вид политика может выполнять как усиливающую или поддерживающую функцию вербальных сообщений, так и, вступая с ними в противоречие, ослаблять их, или даже нивелировать их коммуникативный эффект.

С момента презентации «Подемос» в 2014 г. П. Иглесиас и его соратники нарочито подчеркивали свободный, в чем-то даже небрежный, «народный» стиль одежды [11]. На вечерних ток-шоу рейтинговых испанских каналов будущий генеральный секретарь появлялся в цветастых или клетчатых рубашках из Ашана с закатанными до локтя рукавами, джинсах, кроссовках и с неизменным «рокерским» хвостом, за что его даже окрестили *«типом с хвостом»* — *«tipo de la coleta»* [12]. Впоследствии на выступлениях в Парламенте, пресс-конференциях П. Иглесиас чаще всего отдавал предпочтение белой рубашке без галстука с закатанными до локтя рукавами и брюкам или джинсам. В этом он, безусловно, следовал в фарватере стиля успешных мировых политиков — Б. Обамы, М. Ренци и А. Ципраса, которые, несмотря на критику во время пред-

выборных кампаний, предпочитали именно такой стиль одежды, поскольку отсутствие галстука и белизна рубашки демонстрируют чистоту намерений и близость к народу. Любопытно, что вместо дорогих часов на запястье П. Иглесиас носил фенечки из цветных ниток и пластмассовые или деревянные браслеты, зачастую в цветах партии — сиреновом или зеленом.

После того, как стиль Иглесиаса в некотором смысле стали повторять лидеры партий — конкурентов «Подемос» — «Народной партии», ИСРП и «Сьюдаданос», генеральный секретарь стал наоборот появляться на публике в пиджаке или пуловере, а на церемонию вручения кинопремий «Гойя» и вовсе пришел в смокинге с бабочкой, перещеголяв даже лидера ИСРП П. Санчеса, на котором были лишь строгий костюм и белая рубашка без галстука или бабочки. Объясняя подобный шаг желанием продемонстрировать уважение в кругах, к которым он сам не принадлежит: «Я иду к Вам в гости и показываю, что уважаю Вас» — «*Voy a vuestra casa y os muestro respeto*» [13], П. Иглесиас, однако, нарушил собственный вестиментарный протокол, выйдя за рамки сложившегося вокруг него имиджа «бунтаря» и «антисистемщика». Журналисты заговорили о «непоследовательности» генсека «Подемос», который больше уже не покупает одежду в Ашане [14; 13].

Трудно однозначно сказать: принесли ли намеренные перформативные осечки П. Иглесиаса больше пользы или вреда популярности «Подемос», — однако с уверенностью можно констатировать одно: изначальный вестиментарно-прагматический код внешнего вида партии был нарушен, а значит дискурс организации оказался непоследовательным.

Скандал вокруг «шале». В начале своей карьеры генеральный секретарь П. Иглесиас любил повторять, что живет в Вальекасе, мадридском районе рабочего класса, частенько пользуется общественным транспортом, на самолете летает исключительно эконом-классом и зарабатывает меньше тысячи евро в месяц. На вопрос журналиста: переехал ли бы он в резиденцию Ламонклоа в случае победы на всеобщих выборах? — П. Иглесиас отвечал: «*Я бы предпочел жить в своем доме в Вальекасе, хотя, конечно, мне бы не хотелось доставлять кому-то лишних неудобств. Но если у меня будет возможность выбора, я бы предпочел продолжать жить в своем районе*» — «*Yo preferiría seguir viviendo en mi casa, en Vallecas pero tampoco plantearía ningún problema a nadie. Pero si puedo elegir, prefiero seguir viviendo en mi barrio*» [El País, 23.05.2018]. Кроме этого, П. Иглесиас считал опасным «*образ жизни политиков, которые живут в шале*» — «*el rollo de los políticos que viven en chalés*» [El País, 23.05.2018].

Какова же была неподдельная радость журналистов в 2018 г., когда стало известно, что в ожидании рождения близнецов П. Иглесиас и его спутница, занимавшая в тот момент пост спикера «Подемос» в палате депутатов, И. Монтеро оформили ипотеку на загородный дом, стоимостью 600 тыс. евро. Покупка дорогостоящего шале, пусть и в ипотеку, спровоцировала волну резкой критики со стороны СМИ и политических соперников Иглесиаса, которые с упоением стали вспоминать сделанные им же три года назад публичные заявления о намерениях, даже став профессиональным политиком, вести максимально непритязательный образ жизни. Вспомнили и сделанный ещё в 2012 г., до появления «Подемос», комментарий П. Иглесиаса в «Твиттере», на тот момент преподавателя политологии Университета Комплутенсе, в котором он критиковал действующего министра экономики: «*Доверил ли бы ты экономическую политику своей страны тому, кто тратит 600 тыс. евро на роскошный особняк?*» — «*Entregarías la política económica del país a quien se gasta 600.000€ en un ático de lujo?*» [Twitter, @Pablo_Iglesias_, 20.08.2012].

Налицо очередная коммуникативная неудача П. Иглесиаса, который обратил против себя свое же перформативное оружие, нарушив публичное обещание и не отказавшись от своего решения, несмотря на критику общества, — он нанес значительный удар последовательности и логичности дискурса «Подемос», не просто снизив его эффективность, но фактически поставив вопрос о возможности доверия к коммуникатору со стороны целевой аудитории.

Результаты исследования. На основе дискурс-анализа риторики «Подемос» можно констатировать, что поставленная изначальное гипотеза оказалась верной. Перформативные осечки дискурса «Подемос» действительно обусловлены прагматическими факторами и продуцируются в результате нарушения дискурсивной логики партии и отклонений от первоначального позиционирования.

Анализ результатов. Специфические параметры современного информационного пространства: возможность мгновенного и массового обмена сообщениями с широкой аудиторией через новые интернет-платформы, ограниченная «трендовостью» способность к восприятию новой информации адресатами, необходимость постоянного медийного присутствия в новостной повестке дня диктуют особые правила поведения политических игроков в реализации их ком-

муникативных практик. Продвижение собственного дискурса как некоторого постоянного дискурсивного кода через гамму традиционных и нетрадиционных каналов коммуникации позволяет политическому актору сохранить собственную идентичность в условиях информационной перенасыщенности. В этом контексте сохраняющий свою структуру дискурс представляет собой чрезвычайно пластичную модель, которая эффективно адаптируется к текущему социо-политическому моменту. Однако в случае множественного характера коммуникативных неудач на когнитивном и прагматическом уровнях структура дискурса нарушается, что снижает качество его коммуникативного воздействия.

Заключение. Подводя итог вопросу эволюции и коммуникативных неудач политического дискурса «Подemos», хочется особо подчеркнуть, что медийная зависимость партии, проявившаяся, по сути, на этапе её основания предопределила характер её взаимоотношений со СМИ: «Любой промах «Подemos» — это первая полоса» — «Cualquier desliz de Podemos es portada» [15]. Именно поэтому проблемы коммуникативных неудач, перформативных осечек и дискурсивной непоследовательности играют судьбоносное значение, с одной стороны, для медийного образа «Подemos», а с другой — и для существования партии в целом. Представляется, что если на этапе начала деятельности агрессивная коммуникативная тактика «медийных скандалов» и может принести политикам оглушительную популярность, то в конечном счете избиратели ожидают от своих избранников логичности и последовательности, постоянного подкрепления сложившегося образа, а не постоянных перебежек из одного «лагеря» в другой.

Коммуникативные неудачи дискурса «Подemos» подтверждают его зависимость от логичной и последовательной реализации дискурсивных практик, а также делают очевидными уязвимые стороны дискурсивно-манипулятивной модели коммуникационного продвижения. В конечном счете, фактор коммуникативных неудач и перформативных осечек способен нанести значительный ущерб устойчивости и эффективности дискурса и поставить вопрос о доверии электората к политическому лидеру или партии.

Литература / References

1. Larionova M., Romanova G. Léxico profesional en un texto mediático: enfoque pragmacognitivo en la enseñanza del EFE // Estudios sobre el léxico. Puntos y contrapuntos. Series: Linguistic Insights — Vol. 205: Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien. 2016. P. 451–498.
2. Астахова Е. В. «Штурм небес» или особенности политического дискурса «Подemos» / Е. В. Астахова // Ибероамериканские тетради. — 2016. — № 1 (11). — С. 21–28.
3. Ларионова М. В. Дискурсивная стратегия испанской партии «Подemos»: политика как борьба за смыслы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 17. — 2017. — Вып. 4. — С. 389–394.
4. Liria C., La carta que nos queda: republicanizar el populismo [Electronic resource]. — Available at: http://www.eldiario.es/zonacritica/carta-queda-republicanizar-populismo_6_378022216.html (accessed: 25.08.2019).
5. Torrealba J. L. Asaltar los cielos. Podemos o la política después de la crisis, Debate, Barcelona, 2015, 218 p.
6. Villacañas J. L. El lento aprendizaje de Podemos, Catarrata, 2017, 294 p.
7. Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. статей. — Новосибирск, 1985. — С. 64–78.
8. Austin J. L. How to do things with words. Oxford, 1962.
9. Pablo Iglesias abre la Asamblea de Podemos: “El cielo no se toma por consenso: se toma por asalto”. El Diario.es, 18.10.2014 [Electronic resource]. — Available at: https://www.eldiario.es/politica/Pablo-Iglesias-Asamblea-Podemos-toma_0_314968669.html (accessed: 25.02.2018).
10. De Carreras F. ¿Qué es ahora Podemos? El País, 06.06.2019 [Electronic resource]. — Available at: https://elpais.com/elpais/2019/06/04/opinion/1559653679_525680.html (accessed: 20.08.2019).
11. Демкина А. В. Эволюция политического дискурса партии Подemos: от риторики популизма к идеалам культурной войны // Ибероамериканские тетради. — 2017. — Вып. 2. — С. 23–30.
12. Pablo Iglesias, líder de ‘Podemos’: “Me compro la ropa en Alcampo”, Divinity.es, 26.05.2014 [Electronic resource]. — Available at: https://www.divinity.es/actualidad/Pablo-Iglesias-Podemos-compro-Alcampo_0_1801800486.html (accessed: 30.08.2019).
13. Es coherente que Pablo Iglesias haya ido de esmoquin a los Goya? GQ, 06.02.2016 [Electronic resource]. — Available at: <https://www.revistagq.com/noticias/cultura/articulos/pablo-iglesias-esmoquin-goya/23317> (accessed: 25.02.2018).

14. Pablo Iglesias se viste de la marca de ropa de los que saben ganar: su comentado jersey de 198, El Español, 23.04.2019 [Electronic resource]. — Available at: https://www.lespanol.com/corazon/famosos/20190423/pablo-iglesias-viste-marca-ganar-comentado-jersey/393211761_0.html (accessed: 25.06.2019).
15. Qué le pasa a Podemos con la prensa (y viceversa), Elindependiente.com, 25.06.2017 [Electronic resource]. — Available at: <https://www.elindependiente.com/politica/2017/06/25/que-le-pasa-a-podemos-con-la-prensa-y-viceversa/> (accessed: 25.02.2019).

Раздел III

Научные обзоры, рецензии

МГИМО на форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире»

1–3 октября в Санкт-Петербурге проходил IV Международный форум «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность», собравший более 800 участников, среди которых политики, политологи, историки, экономисты, филологи из России, Испании и ряда стран Латинской Америки.

Активное участие в этом мероприятии приняли представители МГИМО. Кафедра испанского языка участвовала в работе секции «Языки, культура и литература Иberoамерики», модератором которой выступил заведующий кафедрой испанского языка *В. А. Иовенко*. Были представлены четыре доклада: «Иberoамериканцы: национально-культурное мировидение и язык» (*В. А. Иовенко*); «Особенности двуязычия в испаноговорящих регионах (на примере Каталонии и Перу)» (*Е. А. Гринина, Г. С. Романова*); «История в романах Артуро Переса-Реверте: зачем?» (*Е. С. Коржукова*); «Иberoамерика и Испания: испанский язык в парадигме политики» (*М. В. Ларионова, Н. И. Царёва*). Доценты *М. В. Ларионова* и *Н. И. Царёва* в своём докладе подчеркнули, что, хотя испанский язык занимает особое место в мире и формирует ось идентичности для всего испаноговорящего мира, сохраняя единство, несмотря на многообразие его национальных вариантов, вопрос о сплочённости паниспанского лингвистического пространства имеет глубокие политические коннотации, о чём свидетельствуют жаркие дискуссии на международных конгрессах испанского языка и непростые социально-политические события как в Испании, так и в Иberoамерике.

Также были представлены доклады в других секциях: «Испания и Португалия. Вызовы XXI века» — *Е. В. Астахова*, «Концепт „Родина“ в политическом дискурсе политических партий Испании»; Россия — Иberoамерика: исторические и политические параллели» — *К. Р. Буйнова, О. Л. Краев*, «Образ России в Латинской Америке во время проведения Чемпионата мира по футболу 2018 г.» (исследование подготовлено в рамках гранта IX конкурса молодых ученых МГИМО); «Латинская Америка: общие региональные тенденции, национальная специфика и современные политические вызовы» — *Е. В. Крюкова, Ю. В. Сливчикова*, «Религия и современная политическая конъюнктура в Латинской Америке»; в секции «Латиноамериканский популизм: от Варгаса до Чавеса» с докладом «Когнитивно-прагматический потенциал перонизма в политическом дискурсе испанской партии „Подemos“» выступили *М. В. Ларионова* и *А. В. Дёмкина*.

В докладе *Е. В. Астаховой* «Россия — Испания: постоянные факторы взаимного диалога» был проанализирован потенциал сотрудничества России и Испании на фоне сложного международного контекста, учитывая принадлежность Испании к Европейскому союзу, блоковую дисциплину НАТО, санкционную политику Запада в отношении России. Рассмотрев факторы, способствующие и препятствующие взаимному диалогу, автор сделала вывод, что главной сферой взаимодействия является гуманитарная область, в которой возможно развивать плодотворные контакты и успешную межкультурную коммуникацию. Была подчеркнута особая роль публичной и культурной дипломатии. Доклад был сделан на испанском языке.

В выступлении *М. В. Ларионовой* и *А. В. Дёмкиной* «Когнитивно-прагматический потенциал перонизма в политическом дискурсе испанской партии „Подemos“» с когнитивно-прагматической перспективы представлена коммуникативная политика партии, лидеры которой активно обращаются к сходным с перонистскими популистским установкам, что позволяет максимизировать коммуникационный потенциал дискурса. Коммуникативная тактика дискурсивного конституирования «народа» в качестве внеклассового субъекта, а также предложения собственной трактовки исторических событий представляются эффективной

стратегией расширения электоральной базы, позволяющей оппозиции добиться успеха, пусть лишь в определённом социально-политическом контексте. Выступление и обсуждение доклада прошли на испанском языке.

Доцент кафедры «Банки, денежное обращение и кредит» *Н. Г. Хмелевская* приняла активное участие в работе секции «BRICS in Latin America and beyond». Наталья Геннадьевна представила результаты серии своих исследований по проблематике дедолларизации торговли между странами БРИКС для целей минимизации валютных диспропорций, и, как следствия, углубления асимметричности объединения. Представленный доклад «Brazil's vector of dedollarization of trade and settlements between BRICS countries» (русс. «Бразильский вектор дедолларизации торговли и расчетов между странами БРИКС») вызвал неподдельный интерес и активный дискурс с участием латиноамериканских коллег по широкой линейке БРИКС — 33 от участия стран объединения в мультиполяризации мирового экономического порядка, дивергенции внешних шоков и реакций группы на их негативные эффекты, до действующих и потенциальных форматов БРИКС, предназначенных для развития взаимной торговли и валютно-финансового сотрудничества.

Доцент кафедры романских языков *Г. В. Петрова* выступила в секции «Языки, культура и литература Ибероамерики». Она прочитала доклад на тему «Бразилия: от монолингвизма к многоязычию», в котором рассказала слушателям об истории лингвистической политики в Бразилии с момента открытия этой страны Педру Алваресом Кабралом в 1500 г. и до наших дней. Доклад был подготовлен на основе обширного материала, с привлечением работ современных бразильских исследователей. Он вызвал живой отклик среди слушателей, которые завязали дискуссию о путях развития многоязычных государств.

Доцент *М. С. Хван* выступила в секции «Искусство стран Ибероамерики» с докладом «Памятники и скульптуры женщинам России и Португалии: сравнительный анализ». Данный доклад был основан на эмпирическом исследовании, в котором анализировалось, насколько роль женщин в российском и португальском обществах отражена в персональных памятниках и скульптурах, представляющих собирательные образы.

За время работы форума доценты *Г. В. Петрова* и *М. С. Хван* имели возможность обсудить актуальные вопросы социальных, политических, экономических и культурных реалий ибероамериканских стран с их коллегами не только из других российских вузов, но и из ведущих университетов Бразилии, в частности университета Рио-де-Жанейро, университета Сан-Паулу и университета Баии.

В докладе профессора кафедры сравнительной политологии *С. М. Хенкина* «Разрешение каталонского конфликта как предмет дискуссий и политической борьбы в Испании» были проанализированы позиции основных политических партий Испании и Каталонии по этой проблеме. Автор показал, что отсутствие согласия между партиями препятствует нахождению взаимоприемлемой формулы разрешения конфликта. Один из важнейших выводов доклада состоит в том, что каталонский конфликт превратился в хронический. Сепаратисты не могут навязать свою волю испанскому государству, а сторонники сохранения территориальной целостности Испании не могут не учитывать, что примерно половина населения Каталонии стремится отделиться и создать независимое государство. Доклад был сделан на испанском языке.

Профессор кафедры дипломатии, Чрезвычайный и Полномочный Посол *Е. М. Астахов* руководил секцией «Внешняя политика стран Латинской Америки в свете смены политической парадигмы» и выступил с докладом «Внешнеполитические приоритеты стран “правого” поворота Латинской Америки». Он принял участие «в круглом столе» Российско-испанского симпозиума «Россия — Испания: потенциал и проблемы развития двусторонних отношений», а также в дискуссии на секции, посвященной 80-летию окончания Гражданской войны в Испании (1936—1939), которые проходили на испанском языке с участием испанских ученых.

В работе форума участвовали представители языковых кафедр МГИМО, а также кафедры истории международных отношений и внешней политики России, кафедры истории и политики стран Европы и Америки, кафедры «Реклама и связи с общественностью». Кроме того, в работе форума приняли участие и молодые исследователи — студенты МГИМО, в том числе члены Ибероамериканского клуба.

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования.
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–57728 от 18 апреля 2014 г.

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 4 (26) 2019

Редактор — *В. И. Шанкина*
Технический редактор — *Е. П. Конюхова*
Дизайн, компьютерная верстка — *К. Г. Шанкин*

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. ГЦ 39
Тел./факс: 8(495) 225 33 13
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru

Подписано в печать 30.12.2019
Объем — 5,8 п. л. Тираж 500. Заказ №
Издательство ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва.